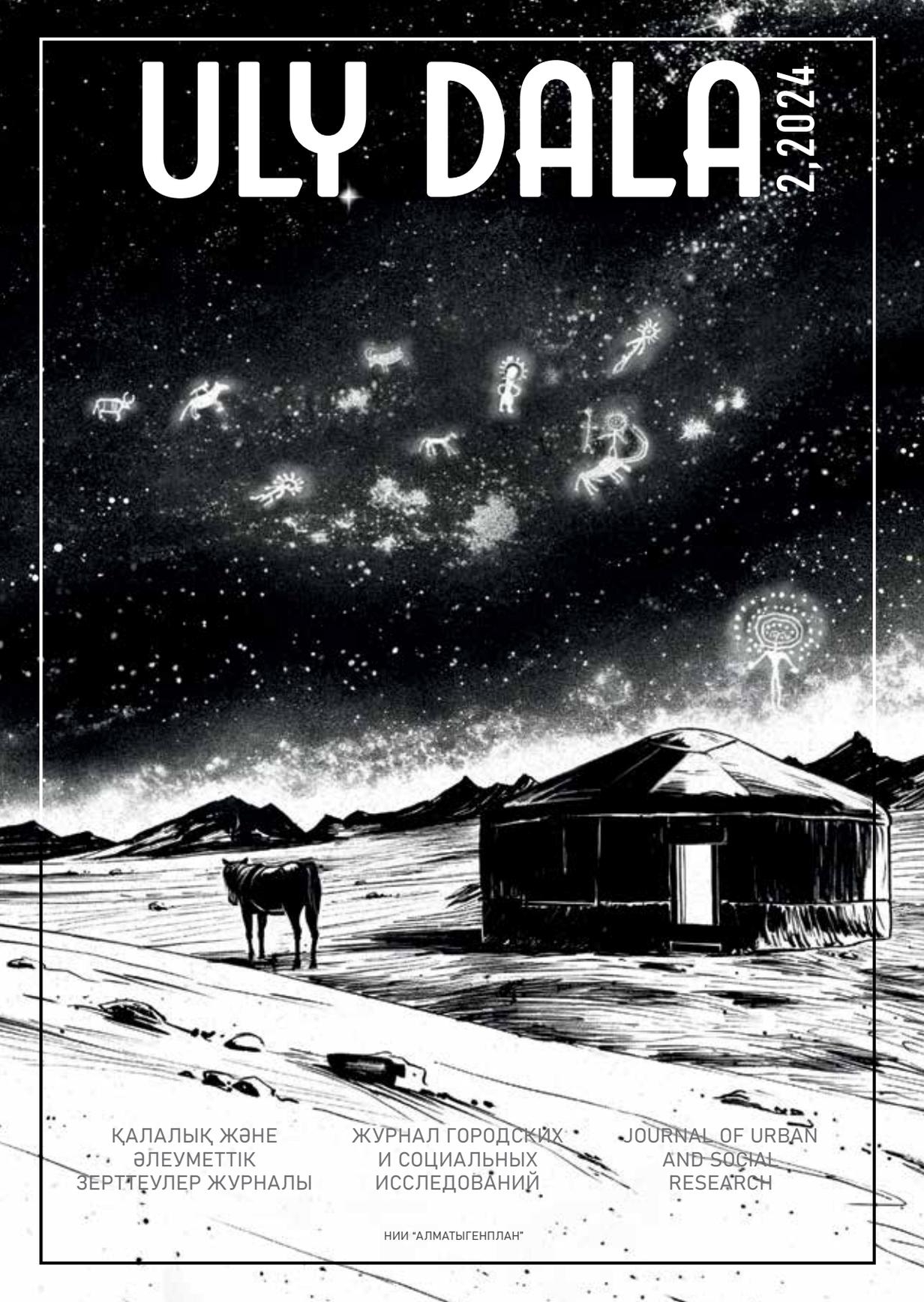

ULY DALA 2024

ҚАЛАЛЫҚ ЖӘНЕ
ӘЛЕУМЕТТІК
ЗЕРТТЕУЛЕР ЖУРНАЛЫ

ЖУРНАЛ ГОРОДСКИХ
И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

JOURNAL OF URBAN
AND SOCIAL
RESEARCH

НИИ "АЛМАТЫГЕНПЛАН"

Uly Dala

**Қалалық және әлеуметтік
зерттеулер журналы**

**Журнал городских
и социальных
исследований**

**Journal of Urban and
Social Research**

2.2024

Журнал туралы

«ULY DALA: қалалық және әлеуметтік зерттеулер журналы» / «ULY DALA: журнал городских и социальных исследований» — академиялық рецензияланған қалалық және әлеуметтік зерттеулер журналы. Журнал жылына төрт рет шығады. Әр шығарылымда түпнұсқа мақалалар, сұхбаттар және аудармалар жарияланады.

Мақсаттар

Журналды басып шығарудың негізгі мақсаты урбанистика, сәулет, әлеуметтану, антропология және әлеуметтік география салаларындағы өзекті іргелі және қолданбалы ғылыми зерттеулерді жариялау болып табылады.

Зерттеу саласы

Журналдың ғылыми басылымдарында қала құрылысы, қаладағы және одан тыс жерлердегі әлеуметтік қатынастар, экология, ландшафт және қоршаған ортаны жобалау мәселелері талқыланады. Материалдардың басым бөлігі әлеуметтік-экономикалық зерттеулерге, құқықтық реттеуді талдауға, қалалық және өңірлік жоспарлауға, аумақтардың инфрақұрылымдық және мәдени дамуына, табиғи және қалалық ортаны, көлік пен көліктік байланысты дамытуға арналады.

Жазылу

Журналда жарияланған барлық материалдар веб-сайтта ашық қолжетімділікте орналасқан.

ISSN 3078-3275

Редакция мекенжайы: Абай даңғылы 90,
Алматы, 050057
Тел.: +7 (727) 265-90-01
Электрондық пошта: ulydala@genplan.kz
Веб-сайт: genplan.kz

© «Алматыбасжоспар» ҒЗИ ЖШС, 2024

Халықаралық кеңес

Төраға

Бауржан Ташметов («Алматыбасжоспар» ҒЗИ)

Төрағаның орынбасары

Алима Бисенова (Nazarbayev University)

Халықаралық кеңес мүшелері

Асхат Садуов («Алматыбасжоспар» ҒЗИ)

Рүстем Қожағұлов («Алматыбасжоспар» ҒЗИ)

Медет Сартбаев («Алматыбасжоспар» ҒЗИ)

Susanne Bauer (University of Oslo)

Islam Hamdy Elghonaemy (University of Bahrain)

Usama Konbr (Tanta University)

Ольга Бычкова (Санкт-Петербургтегі Еуропалық университеті)

Кульшат Медеуова (Л. Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті)

Эмиль Насриддинов (Орталық Азиядағы Америка университеті)

Алексей Новиков (Habidatum International)

Редакциялық алқа:

Бас редактор *Алима Бисенова*

Редакциялық алқа мүшелері

Ольга Бредникова

Оксана Запорожец

Андрей Кузнецов

Адиль Родионов

Ғылыми редактор *Жанат Айтілеу*

Шығарушы редактор *Айслу Сарсекеева*

Жауапты редактор *Наталия Волкова*

Аудармашы (қазақ тілі) *Ризаш Салпықова*

Беттеуші, корректор *Дәулет Тынбаев*

О журнале

«ULY DALA: қалалық және әлеуметтік зерттеулер журналы» / «ULY DALA: журнал городских и социальных исследований» — академический рецензируемый журнал городских и социальных исследований. Журнал выходит четыре раза в год. В каждом выпуске публикуются оригинальные статьи, а также интервью, рецензии, обзоры и переводы.

Цели

Основной целью издания журнала является публикация оригинальных фундаментальных и прикладных исследований в сфере урбанистики, архитектуры, социологии, антропологии и социальной географии.

Область исследований

В научных публикациях Журнала обсуждаются вопросы городского планирования, социальных отношений в городе и за его пределами, экологии, ландшафта и средового дизайна. Большая часть материалов будет посвящена социально-экономическим исследованиям, анализу правового регулирования, подходам к городскому и региональному планированию, инфраструктурному и культурному развитию территорий, развитию природной и городской среды, транспорта и мобильности.

Подписка

Все материалы, опубликованные в журнале, находятся в открытом доступе на сайте.

ISSN 3078-3275

Адрес редакции: проспект Абая 90,
Алматы 050057
Тел.: +7 (727) 265-90-01
Электронная почта: ulydala@genplan.kz
Веб-сайт: genplan.kz

© ТОО НИИ «Алматыгенплан», 2024

Международный совет

Председатель совета

Бауржан Ташметов (НИИ «Алматыгенплан»)

Заместитель председателя совета

Алима Бисенова (Nazarbayev University)

Члены Международного совета

Асхат Садуов (НИИ «Алматыгенплан»)

Рустем Кожажулов (НИИ «Алматыгенплан»)

Медет Сартбаев (независимый консультант-экономист)

Susanne Bauer (University of Oslo)

Islam Hamdy Elghonaemy (University of Bahrain)

Usama Konbr (Tanta University)

Ольга Бычкова (Европейский университет СПб)

Кульшат Медеуова (Евразийский университет им. Гумилева)

Эмиль Насриддинов (Американский университет Центральной Азии)

Алексей Новиков (Habidatum International)

Редакционная коллегия

Главный редактор *Алима Бисенова*

Члены редколлегии

Ольга Бредникова,

Оксана Запорожец,

Андрей Кузнецов,

Сергей Мохов,

Адиль Родионов

Научный редактор *Жанат Айтлеу*

Выпускающий редактор *Айслу Сарсекеева*

Ответственный редактор *Наталья Волкова*

Переводчик казахского языка *Ризаш Салпыкова*

Верстальщик, корректор *Даулет Тынбаев*

About the journal

«Uly Dala: the journal of urban and social research» is an academic interdisciplinary peer-reviewed publication. The journal has four quarterly issues and publishes original articles, interviews, translations, book and field reviews.

The scope of the journal:

The main goal of the Journal is to publish original fundamental and applied research in the areas of urban studies, architecture, sociology, anthropology and social geography.

Research Areas:

The Journal's scientific publications discuss issues of urban planning, social relations in the city and beyond, ecology, landscape, and environmental design. The majority of materials will be devoted to socio-economic research, analysis of legal regulation, approaches to urban and regional planning, infrastructure and cultural development of territories, development of natural and urban environments, transportation, and mobility.

Subscription:

All materials published in the journal are publicly available on the website.

ISSN 3078-3275

Editorial office address: 90 Abay Avenue,
Almaty 050057
Tel: +7 (727) 265-90-01
E-mail: ulydala@genplan.kz
Web site: genplan.kz

© ТОО НИИ «Алматыгенплан», 2024

International Advisory Board

Chairman of the Board

Baurzhan Tashmetov («Almatygenplan» Research Institute)

Deputy Chairman of the Board

Alima Bissenova (Nazarbayev University)

Members of the International Board

Askhat Saduov («Almatygenplan» Research Institute)

Rustem Kozhagulov («Almatygenplan» Research Institute)

Medet Sartbaev (independent economic consultant)

Susanne Bauer (University of Oslo)

Islam Hamdy Elghonaemy (University of Bahrain)

Usama Konbr (Tanta University)

Olga Bychkova (European University in St. Petersburg)

Medeuova Kulshat (L.N.Gumilev Eurasian National University)

Nasriddinov Emil (American University of Central Asia)

Novikov Alexey (Habidatum International)

Editorial board

Editor-in-Chief *Alima Bissenova*

Members of the Editorial Board

Olga Brednikova

Oksana Zaporozhets

Andrey Kuznetsov

Sergei Mokhov

Adil Rodionov

Scientific Editor *Aitleu Zhanat*

Managing Editor *Aislu Sarsekeyeva*

Executive editor *Nataliya Volkova*

Translator (Kazakh) *Rizash Salpykova*

Typesetter, proofreader *Daulet Tynbayev*

Мазмұны

Редактор сөзі	11
<i>Алима Бисенова. Қала мен дала арасында: жылқы шаруашылығын, көкпар және де басқа ат ойындарын жаңғырту нарративтері</i>	14
<i>Адия Баймұрзина. Күн мен жылқы бейнелерінің символизмі: көне Тамғалы петроглифтерден қазіргі ұлттық дискурсқа дейін</i>	33
<i>Дмитрий Серебренников, Әсем Құсманова. Қылмыс болған жерді өзгертуге болмайды ма? Астана және Алматы қалаларындағы ауыр емес ұрлық пен зорлық-зомбылық қылмыстарының кеңістікте таралуын кешенді талдау</i>	64
<i>Татьяна Кукса. «Жертөледе балалар гестапо ойнады»: садистік тақпақтарды өзектендірудің ойындық, психоаналитикалық және қарсы насихаттық механизмдерінен бастап, сыртта тұрып мазақтағанға дейін</i>	108
<i>Сәулетші Әбділуаһад әль-Уәкіл туралы деректі фильм (транскриптінің аудармасы)</i>	135
<i>Томмасо Тревизани. (Жақсы) жер кімнің меншігінде? Орталық Азияның оңтүстігіндегі мақта шаруашылығы, жер иелігі және сортаңданған топырақтар</i>	140

Содержание

Слово редактора	12
<i>Алима Бисенова. Между городом и степью:</i> нарративы и практики возрождения коневодства и конно-спортивных игр в Казахстане	15
<i>Адия Баймурзина. Символизм образов солнца и лошадей: от древних наскальных рисунков Тамгалы до современного национального дискурса</i>	34
<i>Дмитрий Серебренников, Асем Кусманова. Место преступления изменить нельзя?</i> Комплексный анализ пространственного распределения нетяжких краж и насильственных преступлений в гг. Астана и Алматы	65
<i>Татьяна Кукса. «Дети в подвале играли в гестапо»:</i> от игровых, психоаналитических и контрпропагандистских механизмов актуализации садистских стишков до иронии вненаходимости	109
Документальный фильм об архитекторе Абдельвахаде Эль-Вакиле (перевод транскрипта)	135
<i>Томмасо Тревизани. Кому принадлежит (хорошая) земля?</i> Хлопководство, землевладение и салинизация почвы на юге Центральной Азии	142

Contents

A Letter from the Editor	13
<i>Alima Bissenova. Between the City and the Steppe:</i> the narratives and practices of the revival of horse herding and equestrian games in Kazakhstan	16
<i>Adiya Baimurzina. The symbolism of sun and horse imagery:</i> from ancient Tamgaly petroglyphs to modern national discourse	35
<i>Dmitry Serebrennikov, Asem Kusmanova. The place of crime cannot be changed?</i> Comprehensive analysis of the spatial distribution of thefts and violent crimes in Almaty and Astana	66
<i>Tatiana L. Kuksa. “Children in the basement played the Gestapo”:</i> from gaming, psychoanalytic and counter-propaganda mechanisms for the actualization of sadistic verses to the irony of outsideness	110
Documentary about the architect Abdelwahed El-Wakil (translated transcript)	135
<i>Tommaso Trevisani. Who Owns The (Good) Land?</i> Cotton farming, land ownership and salinised soils in southern Central Asia	141

Редактор сөзі

Құрметті оқырмандар, сіздердің назарларыңызға «Uly Dala: қалалық және әлеуметтік зерттеулер журналы» пәнаралық журналының екінші нөмірін ұсынамыз. Жаңа журнал бола тұра, біз кеңінен қанат жаюға тырыстық — журналға түрлі авторларды: аттары танылған және жаңа авторларды тарттық. Соған қарамастан, біздің тарапымыздан көп күш жұмсамай, нөмір дәстүр мен модернизмнің симбиоз проблематикасы, сондай-ақ шаруашылық нысандарын, петроглифтер мен қалалық фольклор жанрларын тарихи қайта өңдеу және қайта ойлап шығару мәселелері төңірегінде «шоғырланған» болып шықты.

8-13 қыркүйек аралығында Астанада Дүниежүзілік көшпенділер ойындары өтті. Ойындардың эмблемасы қола дәуірінің жәдігері — Тамғалыдағы жартасқа салынған суреттерді көркемдік тұрғыдан қайта жаңғыру болды. Адия Баймурзинаның мақаласы осы тақырыпқа арналған.

Бесінші Дүниежүзілік көшпенділер ойындары Қазақстандағы алғашқы «Көшпенділер ойындары» және сонымен бірге қалалық кеңістіктегі осындай деңгейдегі алғашқы ойындар болды. Қырғызстанда ойындар Ыстықкөл аңғарында, ал Түркияда Бурса провинциясындағы Изник көлінің жағасында өтті. Қырғызстанда да, Түркияда да ойындар мегаполистерден алыс жерде — табиғат аясында өтті. Алайда, Астанада ойындарды ұйымдастырушылар еліміздің модернизмге деген ұмтылысын да, дәстүр рухына адалдығын да синтездеуге және қонақтарға көрсетуге тырысты. Спорт ойындардың көбі Астананың сол жағалауындағы жаңа стадиондарда өтті, ал негізгі ат спорттық ойындары қаланың оңтүстік шетінде орналасқан ипподромда өтті. Ойындардың өзі де, қалалық кеңістіктегі ойындардың түпнұсқалығын сынау да қоғамда дәстүр мен модернизм арасындағы симбиоз туралы пікірталасты қайта бастады.

Бұл тақырып жылқы шаруашылығын жандандыру туралы мақалада, сондай-ақ Египет сәулетшісі Абдельвахад Эль-Вакил туралы деректі фильмде кеңінен талқыланады. Фильмді жасаушылар Ольга Корчук пен Фуркат Палван-Задеге фильмнің транскрипциясын орыс тілінде басып шығаруға рұқсат бергені үшін алғыс айтамыз. Түпнұсқа мақалалардың барлық авторларына, сондай-ақ өз жұмыстарын аударуға рұқсат берген авторларға алғысымызды білдіреміз.

Алима Бисенова, бас редакторы

Слово редактора

Дорогие читатели, мы представляем вашему вниманию второй номер междисциплинарного журнала «Uly Dala: Журнал городских и социальных исследований». Будучи новым журналом, мы закидывали широкую сеть, привлекая в журнал самых разных как уже состоявшихся, так и новых авторов. Тем не менее, без особых стараний с нашей стороны номер получился «сконцентрированным» вокруг проблематики симбиоза традиции и модерности, а также исторической переработки и переизобретения форм хозяйствования, петроглифов и жанров городского фольклора.

С 8 по 13 сентября в Астане прошли всемирные игры кочевников. Эмблемой игр послужила художественная реинтерпретация наскальных рисунков из Тамгалы бронзового века, которым посвящена статья Адии Баймурзиной.

Пятые Всемирные игры кочевников впервые прошли в Казахстане и одновременно стали первыми «Играми кочевников» в городском пространстве. В Кыргызстане игры проходили в долине озера Иссык-Куль, а в Турции — на берегу озера Изник, в провинции Бурса. И в Кыргызстане, и в Турции игры проходили что называется «на природе», вдали от мегаполисов. Однако в Астане организаторы игр попытались синтезировать и показать гостям как стремление нашей страны к модерности так и верность духу традиции. Соревнования по большинству дисциплин прошли на новых стадионах Астаны на Левом Берегу, а основные конно-спортивные игры — на ипподроме, расположенном на южном краю города. Как сами игры, так и критика неаутентичности игр в городском пространстве, возобновили в обществе дискуссию о симбиозе между традицией и модерностью. Эта тема наиболее полно обсуждается в статье о возрождении коневодства, а также в документальном фильме о египетском архитекторе Абдельвахаде Эль-Вакиле. Мы благодарим создателей фильма Ольгу Корчук и Фурката Палван-Заде за разрешение напечатать транскрипцию фильма на русском языке. Благодарим всех авторов оригинальных статей, а также авторов, которые дали разрешение на перевод своих работ.

Алима Бисенова, главный редактор.

A Letter from the Editor

Dear readers, we present to your attention the second issue of the interdisciplinary journal *Uly Dala: the Journal of Urban and Social Research*. Being a new journal, we cast a wide net — attracting both established and new authors to the journal. However, without much effort on our part, the issue turned out to be “concentrated” around the problem of the symbiosis of tradition and modernity, as well as the historical reworking and reinvention of farming, petroglyphs and genres of urban folklore.

From September 8 to 13, Astana hosted the *World Nomad Games*. The emblem of the games was an artistic reinterpretation of Bronze Age rock art from Tamgaly, which is the subject of Adia Baimurzina's article.

The *Fifth World Nomad Games* became the first in Kazakhstan and, at the same time the first “*Nomad Games*” in the urban space. In Kyrgyzstan, the games were held in the Issyk-Kul Lake Valley, and in Turkey, on the shores of Lake Iznik, in the province of Bursa. In both Kyrgyzstan and Turkey, the games were held in what is called “outdoors” in the natural environment, far from the big cities. However, in Astana, the organizers of the games attempted to synthesize and show the guests both our country's aspiration for modernity and its commitment to the spirit of tradition. Competitions in most disciplines were held at Astana's new stadiums on the Left Bank, and the main equestrian games were held at the hippodrome located on the southern edge of the city. Both the games themselves and criticism of the “inauthenticity” of the games in the urban space renewed the public debate about the symbiosis between tradition and modernity. This topic is discussed most fully in an article about the revival of horse breeding, as well as in a documentary about the Egyptian architect Abdelwahad El-Wakil. We thank the filmmakers Olga Korchuk and Furkat Palvan-Zade for permission to print the film transcription in Russian. We thank all the authors of the original articles, as well as the authors who gave permission to translate their works.

Alima Bissenova, Editor-in-Chief

Қала мен дала арасында: жылқы шаруашылығын, көкпар және де басқа ат ойындарын жаңғырту нарративтері

Алима Бисенова

Аннотация: Соңғы жылдары Қазақстанда жылқы малының басы аса қарқынмен өсуде, үйірлеп жылқы өсіру және байлап бағу сияқты жылқы шаруашылығының түрлері белсенді дамып келеді. Біқылым заманнан бері жылқы шаруашылығы, әсіресе үйірлеп жылқы өсіру дала өмірінің, кеңістікті ұйымдастырудың айрықша еркшелігі болды және қоғамдағы иерархияны құру процестерін көрсетті. Сонымен бірге отырықшы өмір — қала — және көшпелі дала өмірі арасында шиеленіс пен комплементарлық аймағы әр уақытта болған, оның бейнесі — табындар тірі пассионарлық күш ретінде, байлық пен аумақты бақылаудың нышаны ретінде болған. Бұл мақала «пост-колониалдық және деколониалдық бұрылыстар» рухында жылқы шаруашылығын жандандыру нарративтеріне арналған. Ол жылқы шаруашылығының жандануын Кеңес Одағы ыдырағаннан кейін адамдарда пайда болған «деколониалдық опция» ретінде қарастырады. Көптеген ақпарат берушілер жылқы шаруашылығын ұлттық дәстүрмен байланыстырады және өздерін ата-баба дәстүрінің «жалғастырушылары» деп санайды. Алайда, бүгінгі жылқы шаруашылығы — бұл дәстүрді жаңа жағдайда қайта жаңғырту және қайта ойлап табу, бұл табындардың көлемінде де, өндіріс форматында да көрінеді: егер бұрын жылқы өзі құндылық болса, енді жылқы шаруашылығы қызметтері немесе өнімдері — жылқы еті, қымыз құндылық болып табылады. Дегенмен, бизнес түріндегі айқын мағынадан басқа, жылқы шаруашылығымен айналысу және көкпарға қатысу адамдарға дәстүр туралы риторика мен пікірталасқа қатысуға, сондай-ақ «дәстүрді сақтаушылары» сынды қосымша беделге ие болуға мүмкіндік береді.

Тірек сөздер: этнография, жылқы шаруашылығы, ат ойындары, дәстүр, жаңғырту, деколониалдық бетбұрыс, көкпар

Между городом и степью: нарративы и практики возрождения коневодства и конно-спортивных игр в Казахстане

Алима Бисенова¹

Аннотация: Последние годы в Казахстане высокими темпами растет популяция лошадей, динамично развиваются табунное и стойловое коневодство. С древних времен коневодство, особенно табунное, было отличительным свойством степной жизни, организации пространства и отражало процессы выстраивания иерархий в обществе. При этом всегда существовала зона конфликта и комплементарности между оседлой жизнью — городом — и кочевой степной жизнью, олицетворением которой были табуны как живая пассионарная сила, как символ богатства и контроля над территорией. Эта статья посвящена нарративам возрождения коневодства в духе «постколониального и деколониального поворотов». Она рассматривает возрождение коневодства как «деколониальную опцию», которая появилась у людей после развала Советского Союза. Многие информанты связывают коневодство с национальной традицией и считают себя «продолжателями» традиции предков. Однако сегодняшнее коневодство — это уже возрождение и переизобретение традиции в новых условиях, что находит отражение и в размерах табунов, и в форматах производства: если раньше конь был ценностью сам по себе, то теперь ценностью становятся услуги или продукты коневодства — конина, кумыс. Тем не менее, кроме очевидного смысла в виде бизнеса, занятие коневодством и участие в кокпаре позволяет людям участвовать в риторике и в дискуссии о традиции, а также иметь дополнительный авторитет «хранителей традиции».

Ключевые слова: этнография, коневодство, конно-спортивные игры, традиция, возрождение, изобретение традиции, деколониальный поворот, кокпар

¹ Ассоциативный профессор кафедры социологии и антропологии Назарбаев Университета

Between the city and the steppe: the narratives and practices of the revival of horse herding and equestrian games in Kazakhstan

*Alima Bissenova*¹

Abstract: In recent years, because of the developments in horse herding and horse farming, horse population in Kazakhstan has been rapidly growing. Since ancient times, horse breeding, especially horse herding, has been a distinctive feature of steppe life, the organization of space, and has reflected the processes of building hierarchies in society. At the same time, there has always been a zone of conflict and complementarity between sedentary life — the city — and nomadic steppe life, the embodiment of which were herds as a living passionate force, as a symbol of wealth and control over territory. This article is devoted to the narratives of the revival of horse breeding in the spirit of the «postcolonial and decolonial turns». It considers the revival of horse breeding as a «decolonial option» that appeared among people after the collapse of the Soviet Union. Many informants associate horse breeding with national tradition and consider themselves «continuers» of the tradition of their ancestors. However, today's horse breeding is already a revival and reinvention of tradition in new conditions, which is reflected in the size of herds and in production formats: if earlier a horse was a value in itself, now the value is the services or products of horse breeding — horse meat and kumys. Nevertheless, in addition to the obvious meaning in the form of business, horse breeding and participation in kokpar allows people to participate in the rhetoric and discussion of tradition, and also to have the additional authority of “keepers of tradition.”

Key words: *ethnography, horse herding and horse farming, equestrian sports and games, tradition, revival, invented tradition, decolonial turn*

¹ Associate Professor, Department of Sociology and Anthropology at Nazarbayev University

«Ты договариваешься с мирозданием». Фото автора.

В казахской историографии считается, что табунное коневодство было опорой кочевого хозяйства в Северной Евразии и в Центральной Азии со времен сакских/скифских кочевников. В скифских погребальных курганах ученые до сих пор находят останки многочисленных лошадей, похороненных вместе со своими хозяевами, чтобы продолжать служить им в загробном мире (Полосьмак 2007). Лошади и табунное коневодство также были важны в монгольский и в золотоордынский периоды. Как известно, именно массовость конницы, навыки выпаса и обращения с лошадьми в хозяйственных нуждах, а также наличие нескольких лошадей в походах, давали монголам преимущество над оседлыми народами, у которых верховая езда была занятием только военно-аристократического класса (Weatherford 2014).

В устном народном творчестве казахов лошадь упоминается как самый важный и благородный вид среди *четырёх видов* разводимых домашних животных (*төрт түлік мал*), который также включает коров, овец и коз. Лошади считались также одним из двух главных видов богатства кочевника. Вторым главным видом считались овцы. Отсюда и многочисленные пословицы и поговорки, связанные с коневодством и овцеводством, а также аналогии между поведением овцы, лошади и человека и в целом зооморфизм свойственный казахскому устному народному творчеству и поэзии. В этом плане можно обратить внимание на нежно-ласкательные имена для детей (*қозым, құлыным*), а также то, какие свойства животных могут приписываться и характеризоваться

«Человек с характером лошади». Фото Даулета Тынбаева.

вать человека. «Человек с характером лошади» (*жылқы мінезді адам*) считается «субъектом» — независимым человеком, твердо стоящим на ногах и имеющим собственное мнение. Кроме «человека с характером лошади» в казахском этосе также существует, «человек с характером овцы» (*қой мінезді адам*) — тоже хороший человек, который следует порядку установленному другими людьми у власти, и «джигит характером высокогорбого верблюда-самца» (*нар мінезді жігіт*), способный переносить тяготы военной и кочевой жизни. Интересно заметить, что казахский термин колония или колонизация также передается в овцеводческих терминах. «Отар» (*отара овец*) — колония, отарлау — колонизировать. Получается, что можно колонизировать, навязать что-то людям с характером овец, но нельзя колонизировать людей с характером лошадей или верблюдов. С такими людьми надо договариваться.

Веками богатство кочевников исчислялось количеством лошадей. В лошадях платили налоги Китаю и России, что отмечали как российские этнографы, так и российские власти, которые также измеряли имущество «влиятельных киргизов» в лошадях. Как пишет Чокан Валиханов в известном очерке «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции *Нан-Лу* (Малой Бухарии) в 1858-

1859 годах», «в 1763 году по просьбе киргизского посольства богдыхан дал грамоту, позволяющую кочевать киргизам на местах, оставшихся путями после джунгаров, т.е. в степях между Балхашом и Джунгарским Алатау». За это казахи должны были платить налог — одну лошадь со ста лошадей (Валиханов, 2017:230). В это же время (в 18 веке) усиливается торговля казахских ханств с Циньской империей по принципу обмена шелка и чая на лошадей через рынки в Чугучаке (район Тарбагатая) и *Каишгаре* (район Или) (Chai, 2019). До начала двадцатого века, калым за невесту также измеряется в лошадях (Момыш-улы, 1980).

Значение лошадей для казахов как традиционной формы богатства, которым можно легко обмениваться или делиться с сородичами, часто не было понятно внешнему взгляду. Показательной с точки зрения непонимания мотиваций и стимулов казахов в занятии табунным коневодством можно назвать историю общения известного этнографа и со-основателя Русского императорского географического общества Алексея Левшина с владельцем 8000 лошадей. В книге Левшина «*Описание киргиз-казачьих или киргиз кайсацких, орд и степей*», владелец этого табуна, один из немногих собственно казахских «голосов» в повествовании, присутствует для иллюстрации аргумента о тщеславии киргиз. Левшин пишет, что 8000 лошадей не приносят хозяину никаких выгод, кроме тщеславия и даёт ему совет распродать табун и перевести часть богатства в деньги (серебро). На что владелец лошадей резонно отвечает: «на что мне деньги, их ведь никто не видит, а лошадей видят все» (Левшин, 1996: 327). Здесь кроме, что называется «визуальности» и красоты лошадей, на которое указывает бай, в его аргументации есть (скрытое от Левшина) рациональное зерно. Во-первых, лошади — это экологически адаптированная и социализированная форма богатства, которой, в отличие от денег, невозможно «не делиться», один человек или даже семья не управится с 8000 лошадьми. Во-вторых, зачем кочующему на дальние расстояния человеку (а для прокорма 8000 лошадей нужна большая территория и кочевать надо далеко) деньги? Деньги нужны и полезны в Оренбурге, где на них можно приобретать товары и услуги, но не в степи, где кочует бай. Если бай занимается коневодством в таких масштабах, любое нетранспортабельное имущество, не имеющее полезной функции, будет лишним грузом и лишней заботой.

К сожалению, Левшин и Валиханов были одними из последних наблюдателей, оставивших письменные «свидетельства» многотысячных табунов и их владельцев в казахской степи. С началом колонизации степи, раздолье для тысячных табунов прекратилось, а после советской коллективизации число лошадей, как отмечает Радик Те-

миргалиев, сократилось в одиннадцать раз: «Это был конец традиционной экономики, просуществовавшей три тысячелетия и, соответственно, сложившейся на ее основе традиционной культуры. Животноводство и в дальнейшем оставалось важной отраслью сельского хозяйства, но оно уже не было основой экономики. Казахи не только окончательно перестали быть кочевниками, но и в большинстве своем перестали быть скотоводами» (Темиргалиев, 2019: 26). На нужды Великой Отечественной войны — как тягловую силу, лошадей пришлось уже закупать в Монголии. В советское время власть была заинтересована в развитии и росте популяции крупного и мелкого рогатого скота, но не лошадей. В хрущевский период по всей стране, в том числе и в Казахстане, закрывались конезаводы, лошадиные пастбища переходили под другие сельскохозяйственные цели.

Однако традиции пасторального номадизма, и именно коневодства, стали возрождаться уже в постсоветском Казахстане в частных хозяйствах, в аулах (бывших колхозах и совхозах), которые после развала советской системы животноводства вынуждены были вернуться к некоторым «традиционным» формам хозяйствования и к образу жизни, практиковавшимся столетиями на аридной территории казахской степи и полупустыни. Например, в постсоветский период порода тонкорунных овец-мериносов, которых активно разводили в советское время, постепенно сменилась на «казахскую» мясную породу, с худшим качеством шерсти, но более адаптированную к местным условиям и соответственно не требующую больших трудовложений (McGuire, 2016). После распада Советского Союза к концу 1990-х в Казахстане резко упало поголовье мелкого и крупного рогатого скота. Начиная с 2000-х поголовье стало восстанавливаться, но до сих пор не достигло состояния 1990 года, 9,8 миллиона крупного рогатого скота, 36 миллионов овец и коз на 1990 год (Казах энциклопедиясы, 2005). В то же время поголовье лошадей в постсоветский период выросло до 3,7 миллионов в 2022 году, превысив показатели 1990 года более чем в три раза. Согласно сведениям бюро национальной статистики, самую большую популяцию лошадей имеет недавно созданная Абайская область (с центром в Семипалатинске) с 313 576 лошадей, затем Карагандинская с 302 176 лошадей, затем Актюбинская с 244 524 и Акмолинская с 237 347.

Драматическому росту популяции лошадей есть объяснение — традиционное табунное коневодство, на которое перешли уже частные семейные хозяйства в отсутствие организованных предприятий. Казахстан сегодня находится на седьмом месте по поголовью лошадей в мире — после Монголии, но впереди России (Исаев, 2019). После раз-

вала колхозов и совхозов, в кризисные времена, аульчане вернулись к традиционному табунному коневодству, потому что именно этот вид хозяйствования не требовал инвестиций в инфраструктуру — необходимы были только навыки выпаса, знания о местном ландшафте, и, собственно, сама земля как средство производства. В табунном коневодстве лошади пасутся косяками (жеребец пасёт свой косяк из 15-25 лошадей) под частичным присмотром хозяев. Лошадей разводят для получения кумыса и мяса — и первое и второе продукты, что называется, «внутреннего потребления», которое также связано с «традиционным» образом жизни — казахским гостеприимством, тоями, свадьбами и поминкам, на которых принято подавать бешбармак из конины. Получается, что так или иначе коневодство крепко связано с традиционализацией в других сферах — интенсивным ритуальным и даже «престижным потреблением» — так называемым «той-бизнесом», который развивается прежде всего в городах.

Присутствуя на многих ритуальных мероприятиях в Астане и в Акмолинской области автор отмечала, что на свадьбах и поминках конину принято выносить на большом *табаке* (блюде) и ставить в середину

Лошади, пасущиеся в пригороде Астаны. Фото автора.

Коневоды в поисках табуна после бурана. Фото автора.

стола «муше-мушелеп» — то есть большими кусками (*жілік*) таким образом, чтобы гости могли «узнать» какую часть тела они едят. Самые почетные гости получают части мяса (обязательно вместе с костью) вокруг позвоночника, тазобедренные части и печень. За каждым столом (обычно на 10-12 человек) находятся мужчина или женщина, которые берут на себя обязанности разделывания мяса для собравшихся уже на маленькие удобоваримые кусочки, но обычно никогда не нарезают изначальные куски и части до конца. Эти куски остаются на отдельной тарелке и потом их кладут в «пакет для дома» для каждого гостя, чтобы гостям не пришлось собирать кусочки с большого табака. Особенно это правило — оставить мясо гостям для дальнейшего употребления дома неукоснительно исполняется на поминках, где перед едой обычно читают Куран, и вся еда, что была на столе считается как бы «освященной». При таком интенсивном ритуальном потреблении пол туши 3-летней молодой кобылы может хватить на 120-150 человек, а целая кобыла может понадобится, чтобы накормить уже 250-300 человек.

Традиция и модерність

Тут можно сделать отступление и поговорить о том, что такое *традиция* и как мы привыкли ее понимать. Весь 20-ый век прошел для казахов под знаком противопоставления *модерности* и *традиции*. Чтобы попасть в модерність казахам нужно было преодолеть или уничтожить собственные традиции, перейти от кочевого образа жизни к

оседлому, забыть «байские» или «феодальные» привычки. Причем модернность в таком изводе часто была скорее всего европейской или советской, а традиция азиатской или казахской. Сегодня, когда идет возрождение некоторых традиций или форм традиционного знания (например, *шежире*), часто говорят и ретрадиционализации, которую иногда даже путают с архаизацией.

Надо отметить, что с точки зрения антропологии нет тысячелетних, архаичных, или каких-то «исконно-посконных» традиций. Традиция всегда исторична и это всегда адаптация к конкретным условиям. Казахская свадьба сегодня и казахская свадьба в начале 20 века — это, по своему ритуальному исполнению, — две разные свадьбы. В традиции или обычае, том, что по-казахски называется *әдет-ғұрып*, всегда важно исполнение или перформанс. Люди сами всегда сами делают выбор как исполнить ту или иную традицию — как провести свадьбу, как провести какой-то ритуал, где провести — в ресторане или дома, кого пригласить. То есть, когда мы говорим о традиции мы часто говорим так, как будто бы люди на автомате следуют каким-то предписаниям, но на самом деле это не так. В традициях существует огромная вариация и люди сами делают выбор. Есть огромная разница между риторикой традиции («*Ата-бабамыз жолы*»), и ее исполнением или наполнением сегодня.

Как показывает пример табунного коневодства, традиция или «традиционная форма» хозяйствования возродилась в момент кризиса советской системы животноводства и стала частью не только практик «выживания» через натуральное сельское хозяйство, но и предпринимательства. Для аульчан «номадизм» не был официальной идеологией, да и вряд ли они пытались как-то идеологизировать своё «новое» занятие коневодством. Тем не менее переход к частному табунному коневодству — это феномен *ретрадиционализации* одновременно как в сфере хозяйствования, так и в сфере потребления, и, возможно, даже спонтанный «*деколониальный выбор*» — то, что Мадина Тлостанова называет в своей недавно опубликованной книге «*деколониальный дизайн как путь выживания*» (Тлостанова, 2020:52).

Поскольку на коневодство и потребление продуктов коневодства сегодня тоже распространяются законы капитализма; коневодство производит «товары» на продажу — конину и кумыс. Как уже было отмечено, отрасль крепко завязана и даже «зациклена» на так называемом «традиционном» образе жизни и ритуальном потреблении. Циклы товарного коневодства совпадают с традиционными циклами — забоя лошадей зимой и продажи кумыса летом. То есть, ситуация с коневодством в Казахстане достаточно уникальная. Это, можно ска-

зять, «культурная» экономика, которая сегодня существует не только в сельской местности, но и в городе. Мало мест на земле, где ещё такое осталось. У Казахстана в этом плане есть конкурентное преимущество. Интересно, что коневодство сегодня сильно зависит от потребления конины и кумыса именно горожанами. Практики подготовки мяса на зиму (поиска подходящей конины) стали в том числе и городскими «культурными» практиками, а летом вокруг городов появляются кумысные фермы.

Через конину и *соғым*, поддерживаются родственные и кросскультурные связи между городом и аулом. Городские семьи, переехавшие в город, обычно продолжают закупать *соғым* на своей «малой родине».

И в советский, и в постсоветский период табунное коневодство государство сверху не модернизировало, не пыталось сделать «эффективным». В целом, эта отрасль, как основанная на традиционных экстенсивных технологиях животноводства, сложно поддается модернизации — механизации и автоматизации. Можно автоматизировать какие-то процессы, к примеру, доение. Но это не даёт большого эффекта.

Переизобретение традиции

Вернемся к коневодству. На примере коневодства хорошо видно, что традиция — это воображаемый континуум. Мы думаем или воображаем, что «продолжаем традицию», но на самом деле мы традицию изменили, адаптировали, или как говорят антропологи *«переизобрели»*. Коневодство в начале 20 века и коневодство сейчас — это не один и тот же тип хозяйствования. Хотя люди, которые занимаются коневодством, будут говорить Вам и гордиться тем, что они «продолжают традицию» — *«Ата кәсібіміз, ата-бабаларымыз осылай жылқы баққан»*. На самом же деле казахи сегодня вернулись к коневодству, но они не вернулись к кочеванию и это тоже представляет проблему.

Одной из главных проблем сегодняшнего коневодства, как сказал автору заведующий отделом коневодства Казахского научно-исследовательского института животноводства и кормоводства Даурен Сыдыков — это *«привязанность коневодства к городам»*, где коневодство с одной стороны, имеет рынок сбыта, а с другой стороны сталкивается с нехваткой пастбищ¹. Например, в Акмолинской и Карагандинской областях большинство табунов находится в радиусе 100 км от Астаны и Караганды. В то же время, в Казахстане не осваивается примерно половина из 180 миллионов гектаров пастбищ и сенокосов.

1 Интервью с автором 30 декабря 2023 г.

Массовый жаппай кекпар в Туркестанской области. Фото автора.

Из-за того, что в коневодстве сложно достигнуть больших промышленных масштабов, особенно сегодня, когда земельный вопрос стоит так остро, отрасль прирастает именно малыми и средними хозяйствами. В современном казахстанском постиндустриальном и постцелинном ландшафте восьми или десяти тысячным стадам, про которые писали Левшин и Валиханов, пастись уже негде. Как сказал в интервью автору Даурен Сыдыков, на сегодня в каждой области есть не более пяти хозяйств с более 1000 лошадей¹. Оптимальное, с точки зрения бизнеса хозяйство сегодня в климатической зоне Сарыарки — табун в 350 лошадей, из которых 300 конематок, 25 жеребцов, 25 «ремонтный молодняк», который восполняет потери. Воспроизводство такого табуна каждый год составит где-то 250 лошадей, большая часть которых потом идет на продажу.

Вблизи городов, отмечает Даурен Садыков, коневодством занимаются бизнесмены нового поколения, пришедшие в коневодство, чтобы сделать его «успешным» (в отличие от более «традиционных» коневодов, которые родом из аула и никогда не уезжали из сельской местности)². Они хотят сделать процессы коневодства такими же контролируемыми и управляемыми как в других животноводческих отраслях, в то время как исторически и традиционно управление стадами происходило скорее по экстенсивным технологиям без постоянного контроля над процессами. В то же время в коневодстве (именно в табунном коневодстве) постоянный и полный контроль невозможен. Как сказал один бизнесмен в интервью автору, в этой отрасли «ты договариваешь-

1 Там же

2 Там же

ся с мирозданием»¹. Без опоры на подножный корм, а значит и зависимость от природных стихий (засух, джута, буранов и прочих природных невзгод), табунное коневодство теряет свою рентабельность.

Даурен Сыдыков считает, что для постепенного и успешного бизнеса в коневодстве, нужно понять и принять как его «традиционность», так и его сезонность.

Кумыс — весной, летом, осенью, забой — обычно зимой. Большинство потребителей продуктов коневодства ценят именно эту сезонность, экологичность и «традиционную экономику». Например, можно производить и сейчас производят кумыс зимой, но в это время года люди его неохотно берут. Потому что люди хотят пить кумыс кобыл, которые паслись на хорошей живой траве. Также вызывают вопросы консервация и стандартизация хранения кумыса. Для молочных продуктов КРС, например, вопросы консервации, хранения и сезонности уже не так важны. Может, только особые знатоки хотят именно свежее молоко или «майдың майы» (майское масло), а, в целом, городские жители в этом плане непривередливы. Они, в отличие от потребителей коневодства, не прослеживают все циклы производства продукта и не ожидают его особой продукта. Те же, кто покупают конину и кумыс обычно интересуются нюансами и циклами производства продукта, который они берут. На какой траве паслась кобыла, как долго настаивался и мешался кумыс, если покупают кумыс? Сколько лет лошади, чем ее откармливали, если покупают конину?

В то же время несмотря на связь с традиционностью и ожидания некой традиционности от продуктов коневодства, то, что люди считают традицией сегодня, не обязательно было традицией в прошлом, культурное возрождение или переизобретение традиции — это всегда адаптация к современным реалиям. Эрик Хобсбаум писал, что *традиции изобретаются и внедряются акторами в целях укрепления институтов* (Hobsbawm 1983). Как показывает опыт возрождения продуктивного коневодства в Казахстане, обычаи и традиции, включая традиции производства конины и кумыса могут появляться и устанавливаться согласно запросам рынка и массового потребления. Одной из таких «переизобретенных» рынком традиций стала практика пить «парное молоко» из-под кобылы, которая особенно распространилась во время пандемии. Свежее кобылье молоко сегодня принято называть *саумал*. Однако многие мои информанты-коневоды старшего возраста отмечали, что в их детстве саумалом считался совершенно другой

1 Интервью с автором 18 декабря 2023 г.

напиток — слабоферментированный кумыс, а свежее кобылье молоко называлось по-другому — просто «кобылье молоко» (*биенің сүті*)¹.

Подобная трансформация также произошла с жиром на ребрах, по которому оценивается качество *соғыма* — лошади, которую забивают на зиму. Как говорят коневоды, традиционно желтый жир (*сары май*) считался признаком хорошей конины, которая паслась на богатом травяном покрове. Однако в какой-то момент распространяется понятие, что белый жир — чище, лучше и принадлежит молодому животному, что чаще всего не соответствует действительности. Белый жир (*ақ май*) скорее указывает на то, что животное последние месяцы жизни стояло на откорме ячменем или другими кормами.

Возрождение конно-спортивных игр

Одновременно с возрождением товарного коневодства, и в городах, и в сельской местности растет интерес к конно-спортивным играм. Благодаря той же ритуальной экономике возрождаются традиционные казахские скачки без седла (*жайдақ*) на лошадях разного возраста «*тай жарыс*» (скачки на жеребятках-однолетках), «*құнан жарыс*» (скачки на двухлетках) и «*аламан бәйге*» (забег на 16 или 20 км на взрослых лошадях от 4-5 лет). Интересно отметить, что в казахской байге на данный момент доминируют чистокровные верховые английские скакуны, которые с точки зрения казахского пасторального хозяйства бесполезны. В 90-х их начали покупать и разводить бизнесмены, которые занимались гладкими скачками европейского типа. То есть, в казахской традиционной байге сегодня, в том числе и в сельской местности, могут участвовать и доминировать виды спортивных лошадей, которые никак не связаны с традиционным коневодством. Чистокровные лошади и жеребята могут пастись на жайлау летом, но не выдерживают зимы и межсезонья.

В отличие от *бәйге*, *көкпар* на сегодняшний день является «побочным» спортом и даже спортивным бизнесом именно продуктивного товарного коневодства. Жеребцов для *көкпара* (в *көкпаре* играют только жеребцы) надо тренировать особым образом: выезжать, учить *көкпарским* трюкам, чтобы лошади не пугались туши козла, чтобы они могли идти в гущу событий. Часто этим занимаются сами коневоды, поскольку навыки, приобретенные в *көкпаре*, помогают им дальше в занятии коневодством — выпасе, объезде и управлении лошадьми. *Көкпар* пользуется успехом именно как маскулинная игра,

¹ Интервью автора с коневодом и тренером *көкпара* Ергали Токабаевым 1 сентября 2022 г.

Көкпар в Акмолинской области. Фото Дулата Барланова.

которая требует силы бедра (*тақым*), которым держат тушу, и силы руки (*білек*) которой тушу поднимают с земли, а также гибкости тела. Жеребцы, играющие в көкпар, должны быть сильными и мускулистыми. Часто их потом можно заново использовать в табунном коневодстве как вожakov косяков, поскольку көкпар также учит навыкам «борьбы за территорию». Так что в этом плане көкпар — игра как вытекающая из занятия коневодством, так и обратно поддерживающая коневодство. Больше всего көкпар сегодня процветает в частной ритуальной экономике, где после значимых для сообщества событий (асов и тоев) проводится *жаппай көкпар* или *аламан көкпар* (почти) без правил. Правила оговаривают организаторы. Предполагается, что это индивидуальная игра и все могут участвовать в таком көкпаре. Однако, игроки также часто разбиваются на неформальные команды, помогая кому-то одному поднять и донести көкпар до круга. Такие көкпары сопутствуют поминальным обедам, суннат тоям и другим празднествам. Иногда к таким большим событиям приурочивается и командный көкпар. Например, автор была свидетелем и организатором одного такого неформального командного көкпара, который прошел в 2022 году в ауле Кабанбай Батыра Акмолинской области и был приурочен к приезду Шейха Султана, известного ханафитского суфийского лидера, практикующего дыхательный зикр, из Пакистана.

Игры кочевников в Астане

Командный көкпар, правила для которого были разработаны совсем недавно и постоянно совершенствуются, государство поддерживает через спонсирование юниорских и взрослых областных команд, а также через поддержку тренеров. Проводятся ежегодные чемпионаты республики по командному көкпару где выдаются звания мастера спорта, также проводятся у областные чемпионаты, которые организуют уже областные федерации национальных видов спорта. Многие сельские округа также поддерживают свои местные команды. На международном уровне көкпар сегодня — один из самых популярных видов состязаний на «Играх кочевников», которые были инициированы правительством Кыргызской Республики в 2012 году и с тех пор проводятся каждые два года. Последний раз Игры Кочевников проходили в 2022 году в Турции, а в этом году прошли в Астане.

5-ые Всемирные игры кочевников, которые недавно прошли в Астане, продемонстрировали как происходит «модернизация традиции» в конно-спортивных видах спорта и какие проблемы при этом могут возникать. Дисциплина командного көкпара в «Играх кочевников» — это тоже недавнее изобретение, призванное упорядочить и поднять көкпар до уровня профессионального спорта. Правила командного көкпара (сколько игроков может быть на поле одновременно, какой вес должен быть у көкпара, как можно и как нельзя атаковать противника верхом), время и регламент постоянно совершенствуется.

5-ые Всемирные игры кочевников. Фото автора

После национальных чемпионатов тренеры собираются и пересматривают существующие правила и регламент. Одним из курьезных моментов чемпионата в Астане было присутствие в соревнованиях двух дисциплин по сути одной игры — казахстанского көкпара и кыргызстанского көкбөрі. Оказалось, что в развитии или, лучше сказать, «переизобретении» көкпара как командной дисциплины Казахстан и Кыргызстан пошли немного разным путем. Кыргызстану удалось внести көкбөрі в список нематериального наследия UNESCO и отстоять одно из главных правил аутентичного көкпара — играть настоящим козлом, в казахстанском же көкпаре сошлись на том, что официальные чемпионаты должны проходить с муляжом. Другим отличием считается наличие *қазандыка* — большого казана, в который забрасывают козла в Кыргызстане, и просто *мәре* — круга на земле в Казахстанской версии көкпара.

Считается, что забрасывание козла в казан намного более зрелищно, хотя и, возможно, более травмоопасно для лошадей и людей, потому что зрители видят, что происходит с козлом — залетел ли он внутрь казандыка или не залетел, тогда как в круге на земле, когда происходит борьба людей и лошадей — очень сложно рассмотреть, что случилось с «козлом» — оказался ли он «в круге» или нет...

В любом случае, кыргызстанский командный көкбөрі пользовался и пользуется наибольшей популярностью у зрителей, собирая многотысячные стадионы. В Казахстане же более популярен частный жаппай көкпар, который сопровождает ритуалы. Для таких көкпаров всегда делают *бата* (благословение) и забивают настоящего козла, которого потом уносит и съедает победившая команда.

В интервью автора с главным тренером по көкпару Акмолинской области во время «Игр кочевников» в Астане, он выразил мнение, что игра с настоящим козлом и более аутентична по духу — *«этот козел энергетически заряжен, за него борются»* — и одновременно менее травмоопасна, потому что туша козла намного гибче чем муляж, который как говорят игроки, «как бревно»: *«не зря же наши предки придумали играть с тушей козла — не барана, не теленка, не волка»*. (https://youtu.be/2IfVmGU_iHo?si=CKWBTtIFP15g3Q-b)

Заключение: город и степь на «Играх кочевников»

Пятые всемирные игры кочевников стали первыми играми, которые проходили в Казахстане, и первыми играми, которые проходили в городском пространстве. В Кыргызстане игры проходили в долине озера Иссык-Куль, а в Турции — на берегу озера Изник, в провинции Бурса. И в Кыргызстане, и в Турции игры проходили «на природе», вдали от

мегаполисов, что соответствовало традиционному духу игр, которые обычно проходили «на природе». Однако, в Астане организаторам игр удалось синтезировать стремление к модерности и к развитию с духом традиции. Игры проходили на новых стадионах Астаны на Левом Берегу, а основные конно-спортивные игры проходили на ипподроме, расположенном на южном краю города, куда выходят основные городские проспекты Туран и Кабанбай Батыр — что облегчило доставку зрителей и участников городским транспортом. Там же расположился и этноаул, где проходила основная культурная программа. Все пространство этноаула и ипподрома было пешеходным, а за порядком следила конная полиция. Как отмечали многолетние наблюдатели игр — эти Игры кочевников стали самыми «современными» в плане организации — с точки зрения транспорта, оснащения спортивных объектов и размещения участников. С трибун ипподрома, наблюдая за игрой, можно было видеть небоскребы города, купола и минареты новой Центральной мечети Астаны, одной из так называемых «мега-мечетей», которые считаются архитектурной гордостью города. Однако, возможно самое главное достижение игр, — это новая дискуссия в обществе о «переизобретении» традиции с точки зрения бизнеса, с точки зрения зрелищности традиционного спорта и этнотуризма.

Список источников и литературы:

Chai, Xiaojun. «Silk and Horses: Trade and Tribute between the Qing Dynasty and the Kazakh Khanate». *BAF-Online: Proceedings of the Berner Altorientalisches Forum*, 3, 2019

Валиханов, Чокан. Страна шести городов. *Дневник путешествия на Исык-Куль*. Москва: Издательство «Э», 2017
— Valikhanov, Chokan. Strana shesti gorodov. *Dnevnik puteshestviya na Issyk-Kul'*. Moskva: Izdatel'stvo «E», 2017

Жантыкеев, Рысбек. «В казахской лошади сохранилась дикая кровь. Интервью с заведующим отделом коневодства ТОО «КазНИИЖиК» Дауреном Сыдыковым». *«Казахстанская Правда», 13 февраля, 2023*
— Zhantykeyev, Rysbek. «V kazakhskoy loshadi sokhranilas' dikaya krov'». Interv'yuu s zaveduyushchim otdelom konevodstva TOO «KazNIIZhiK» Daurenoom Sydykovym. *«Kazakhstanskaya Pravda», 13 fevralya, 2023*

Животноводство. Казахстан. *Национальная Энциклопедия. Т. II.* Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005

— Zhivotnovodstvo. Kazakhstan. *Natsional'naya Entsiklopediya. T. II.* Almaty: Kazak, entsiklopediyasy, 2005

Hobsbawm E. J. & Ranger T. O. 1983. *The invention of tradition. Cambridge University Press.*

Исаев, Алан. «Казахстан по поголовью лошадей занимает 7-е место в мире», *Экспресс-К, 9 декабря, 2019*

— Isayev, Alan. "Kazakhstan po pogolov'yu loshadey zanimayet 7-ye mesto v mire", *Ekspress-K, 9 dekabrya, 2019*

Левшин, Алексей. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. *Алматы: «Санат», 1996.*

— Levshin, Aleksey. Opisanije kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. *Almaty: "Sanat", 1996.*

McGuire, Gabriel. «By Coin or By Kine: Barter and Pastoral Production in Kazakhstan», *Ethnos. 81:1, 2016. С. 53-74.*

— Момыш-улы, Баурджан. *Наша Семья. История одной ночи. Рассказы. Алма-Ата: Жазушы, 1980*

Момыш-улы, Baurdzhan. *Nasha Sem'ya. Istoriya odnoy nochi. Rasskazy. Alma-Ata: Zhazushy, 1980*

— Полосьмак, Наталья. Ак-Алаха 2 — памятник раннескифского времени Горного Алтая. Ранний железный век Евразии. *Киев-Чигирин: Изд-во ИА Укр. АН, 2007. С. 117–120.*

— Polos'mak, Natal'ya. Ak-Alakha 2 — pamyatnik ranneskifskogo vremeni Gornogo Altaya Rannij zheleznyy vek Yevrazii. *Kiyev-Chigirin: Izd-vo IA Ukr. AN, 2007. S. 117–120.*

Темиргалиев, Радик. *Традиционная экономика и ее наследие. Астана: Институт Мировой Экономики и Политики при Фонде Первого Президента, 2019.*

— Temirgaliyev, Radik. *Traditsionnaya ekonomika i yeye naslediye. Astana: Institut Mirovoy Ekonomiki i Politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2019.*

Глостанова, Мадина. *Деколониальность бытия, знания и ощущения (сборник статей). Алматы: Центр Современной Культуры «Целинный», 2020.*

— Plostanova, Madina. *Dekolonial'nost' bytiya, znaniya i oshchushcheniya (sbornik statey). Almaty: Tsentr Sovremennoy Kul'tury "Tselinnyy", 2020.*

Weatherferd, Jack. 2004. *Genghis Khan and the Making of the Modern World. Crown Publishers: New York*

Күн мен жылқы бейнелерінің символизмі: көне Тамғалы петроглифтерден қазіргі ұлттық дискурсқа дейін

Адия Баймурзина¹

Аңдатпа: Бұл мақалада мен күн мен жылқы бейнелері Тамғалы петроглифтерінде қандай мағынаны білдіретінін және екі элементтің бейнесі бүгінгі Қазақстанның ұлттық саяси болмысында қандай мағына жеткізетінін қарастырамын. Мен Розвадовски (2001), Германн (2011) сияқты авторлардың зерттеулерінен алынған сканерленген суреттерге, ЮНЕСКО фотосуреттеріне және Таңбалы мұражайының фотосуреттеріне негізделген визуалды талдау жасаймын. Тамғалы трактатын зерттеген археологтардың ізімен жылқы мен күн бейнелерінің киелі және рухани мәнін талқылап, екі элементтің қазіргі бейнесі рухани символикадан Қазақстанның саяси және ұлттық символикасына айналғанын салыстырамын.

Зерттеу барысында теориялық негіз ретінде агенттілік және докса ұғымдары, сондай-ақ мәнмәтіндік және символдық антропология әдістері қолданылған. Осы мақалаға сүйенсек, Тамғалы шатқалындағы күн мен жылқы таңбасының рухани символизмді білдіреді, атап айтқанда, мүйізді жылқылар мен «күнбасты» фигуралар қастерлі мағынаға ие. Сонымен қатар, осы мақалада мен жылқыны қолға үйрету туралы пікірталасқа ритуалистік көзқарас ұсынамын, — ертеде белгілі бір білімі мен тәжірибесі бар бақсылар жылқыны қолға үйретіп, басқаруды жақсы білген және өздерінің білімі мен мәртебесін ритуалистік мақсатта пайдаланған мүмкін деп қарастырамын.

Түйінді сөздер: *жартастағы суреттер, Қола дәуірі, ерте Темір дәуірі, шаманизм, күн мен жылқы бейнесі, Тамғалы петроглифтері.*

¹ ЖК «Тайбурылдың шабысы» этнотуризм менеджері, 2024 жылғы Назарбаев Университетінің Антропология және Социология мамандығы бойынша түлегі, ORCID: 0009-0006-9501-4449

Символизм образов солнца и лошадей: от древних наскальных рисунков Тамгалы до современного национального дискурса

Adiya Baimurzina¹

Абстракт. В данной статье я анализирую какой смысл несли изображения солнца и лошади в петроглифах Тамгалы и какой смысл изображения этих двух элементов имеют сегодня в национальной и политической символике Республики Казахстан. Проведя визуальный анализ сканированных изображений, взятых из исследований таких авторов, как Розвадовски (2001), Германн (2011), фотографий ЮНЕСКО и фотографий музея Танбалы, и следуя археологам, исследовавшим урочище Тамгалы, я продолжаю дискуссию о сакральных и духовных значениях изображений лошади и солнца. В качестве теоретической основы я использую концепты агентности и докса, а также контекстуальный и символический антропологические методы. Кроме того, в этой статье я рассматриваю вопрос одомашнивания лошадей с ритуальной перспективы — возможно, шаманы, обладавшие особыми знаниями и опытом, также знали, как приручить и контролировать лошадь, и использовали свои знания и статус в ритуальных целях.

Ключевые слова: *наскальные рисунки, Бронзовый век, ранний Железный век, шаманизм, изображения солнца и лошади, Тамгалы петроглифы.*

¹ Менеджер по этнотуризму ИП «Тайбурылдың шабысы», выпускница 2024 года Назарбаев Университета по специальностям Антропология и Социология, ORCID: 0009-0006-9501-4449

The symbolism of sun and horse imagery: from ancient Tamgaly petroglyphs to modern national discourse

Adiya Baimurzina¹

Abstract. This article examines the Bronze Age context of the Tamgaly Valley petroglyphs and the modern context of sun and horse imagery. In my article, I try to answer the question what the sun and horse imagery symbolized in the context of the Bronze Age — early Iron Age period, and what it symbolizes today in the national political imagery of Kazakhstan. The research uses the concepts of agency and doxa, as well as contextual and symbolic approaches, as theoretical frameworks. The methodology is the visual analysis of scanned images taken from Rozwadowski (2001), Hermann (2011), UNESCO photographs and Tanbaly Museum photographs. The article suggests that the sun and horse imagery at Tamgaly Valley portrayed the ancient spiritual symbolism, in which horned horses and ‘solar-headed’ figures had sacred meanings. Furthermore, I add the ritualistic perspective to the horse domestication debate — perhaps, the shamans who held specific knowledge and experience also knew how to tame and control the horse, and used their knowledge and status for ritual purposes.

Key words: *rock art, Bronze Age, early Iron Age, shamanism, sun and horse imagery, Tamgaly petroglyphs.*

¹ Ethnotourism manager at IE "Taiburyldyn Shabysy", Nazarbayev University 2024 graduate majoring in Anthropology and Sociology, ORCID: 0009-0006-9501-4449

Introduction

The horse and the sun are essential visual elements in Kazakh culture. They are often used together for the national branding, in which a horse symbolizes nomadic spirit, while the sun — the spiritual richness and nomadic energy. This article examines the possible origins and reasons behind persisting images of horses and sun in Kazakhstan. My research suggests that the imagery of the horse and sun is used to define Kazakh national identity and may date back to the the Bronze Age — early Iron Age rock art (*Rozwadowski, 2001*).

There are interpretations that the horse and sun were primary shamanic elements of people from the archaeological complex of *Tamgaly*, located in the Almaty region of South-East Kazakhstan.

This article will compare the modern meanings of horse and sun imagery, such as their depictions on the national flag of Kazakhstan, with the possible meanings of the horse and sun imagery in rock art of Tamgaly petroglyphs.

I use contextual and symbolic approaches and concepts like shamanism, agency and doxa as theoretical frameworks. The research methodology is the visual analysis of petroglyphs; my data includes imagery of horned horses and ‘*solar-headed*’ figures from Groups III and IV.

The main research question is as follows: *How was the sun and horse imagery symbolized in the Bronze Age — early Iron Age and what does it symbolize today?*

The Tamgaly Valley

To clarify and avoid confusion, I want to highlight two names for the famous petroglyph site in Kazakhstan — Tamgaly and Tanbaly. The local people named the petroglyphs Tanbaly and called them this way throughout the years, until 1957, when the first archaeological expedition, led by Anna Maximova, began at Tamgaly. Maximova and the scientists named the val-

ley Tamgaly, as well as the petroglyphs and the burials found in the valley region. However, the museum that was opened up to maintain the conservation of the valley holds the name of Tanbaly — Tanbaly Museum. Although sometimes both names are used in the literature, I will use Tamgaly.

In 1957, the archaeological expedition led by Anna Maximova excavated Karakuduk II burials, dated to be in the I century AD, in the Tamgaly Valley, near the river Tamgaly, at the Chu-Ili mountains. During this expedition, the photographer A. Popov accidentally discovered the petroglyphs in the valley — this exact year the first archaeological expedition to study Tamgaly petroglyphs began and was conducted by Anna Maximova, the KazSSR archaeologist who led the Southern-Kazakh archaeological expeditions (*Rogozhinsky, 2004*).

The Tamgaly Complex consists of Tamgaly petroglyphs, Tamgaly I-VII and Karakuduk II burials (*mogilniks* — the archaeological term for a burial), settlements, ritual altars and burial mounds (*kurgans* — *mogilniks* that are covered with artificial hill of soil and stones) (*Figures 1-2*). The Complex is located at the southeast of the Chu-Ili mountains.

The Tamgaly I-VII and Karakuduk II burials are located at the center of the Complex, same as the I-V groups of Tamgaly petroglyphs (*Figure 2*).

The burials and *kurgans* from the Tamgally Valley included material culture specific to terminal Andronovo Culture, like bronze jewellery, unornamented and ornamented pottery and stone burial constructions of the Late Bronze Age or Early Iron Age (*Rogozhinsky, 2011*). In addition, some of

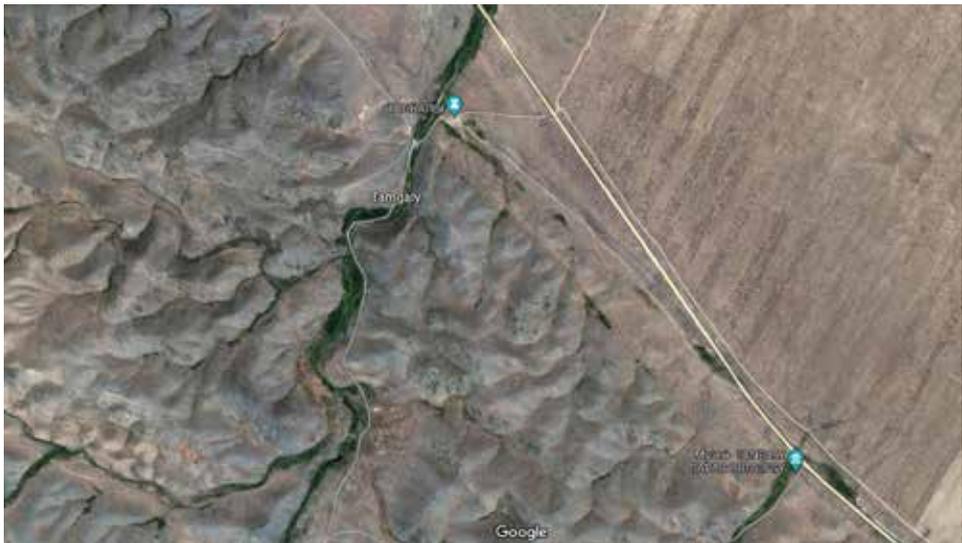

Figure 1. Tamgaly Valley (Google Maps)

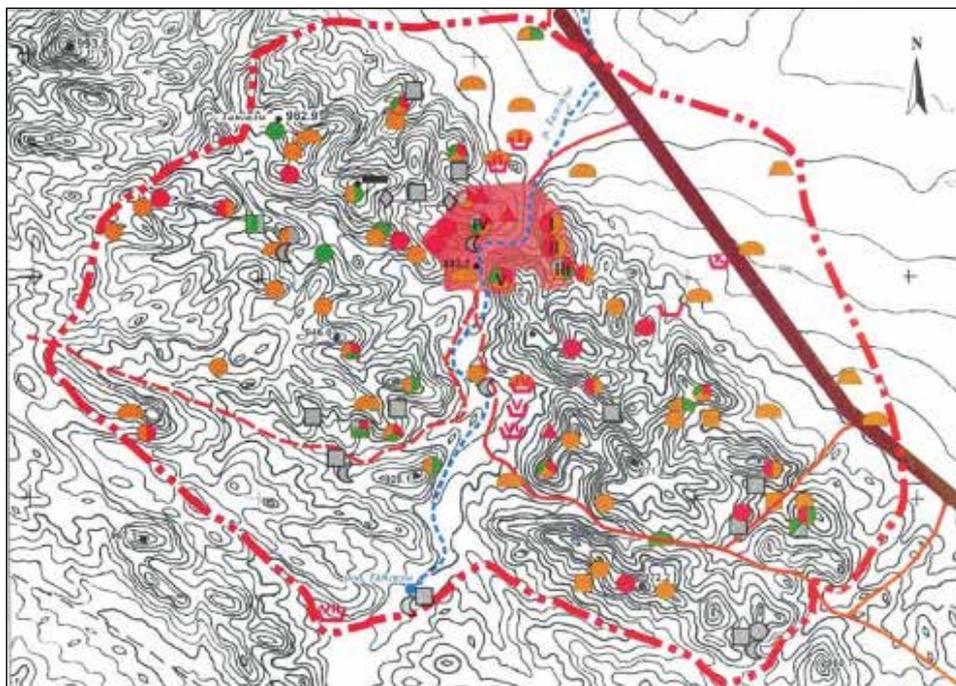

Figure 2. Tamgaly Valley (Rogozhinsky, 2009)

Figure 3. Three ritual altars (Zapovednik muzey "Taňbaly", n.d)

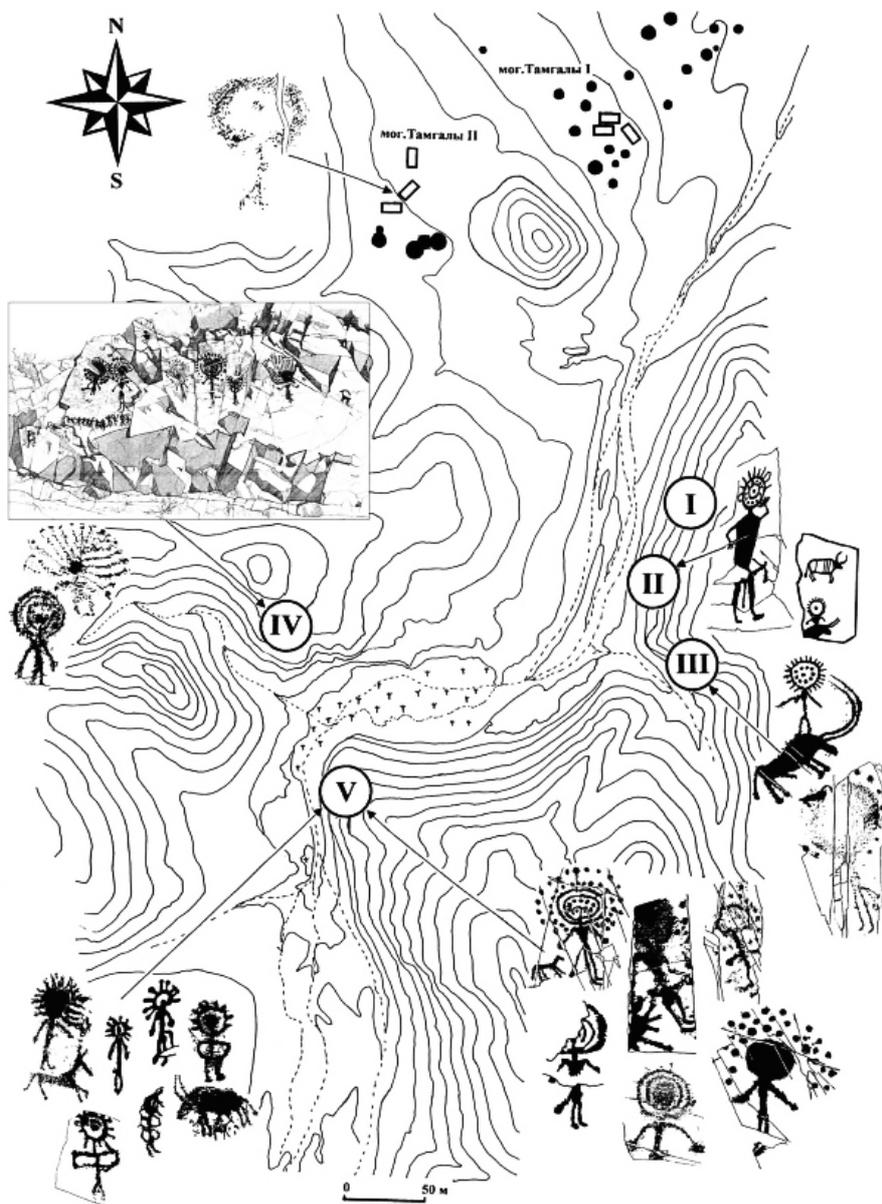

Рис. II. Расположение изображений «солнцеголовых» в каньоне Тамгалы

Figure 4. The geographical spread of Tamgaly petroglyphs depicting 'sun-headed' figures (Rogozhinsky, 2009)

the bones of adults and juveniles found were located in specific directions (on the left side of the body, heads directed to the west), which are further indications of the Andronovo Cultural tradition. In contrast, some bones

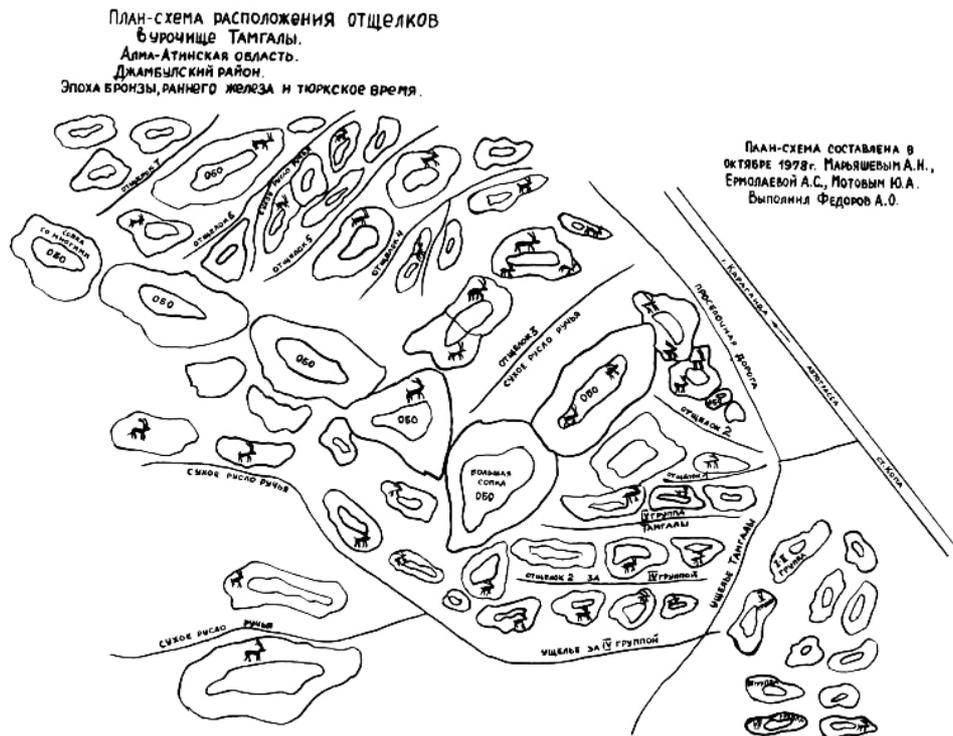

Figure 5. The schematic map of Tamgaly petroglyph concentration (Rogozhinsky, 2011)

were burned outside the burials and spread inside the kurgans (Zapovednik muzey "Taňbaly", n.d.). There are also significant uses of the area during the Iron Age and Medieval periods (Rogozhinsky, 2011).

Interestingly, near Karakuduk II burial there were found three ritual altars assigned the Bronze Age formed as stone fences, used for ritual performances for the deceased. Inside the middle ritual altar there was found a rock with petroglyphs similar to the Tamgaly ones, which allowed scientists to establish a minimum date for the in-situ petroglyphs throughout the complex (Figure 3).

The Tamgaly Valley occupies an area of approximately 3x10 km; however, the majority of the petroglyphs, about 2000, are concentrated in an area of about 250x500 m (Nabiulina, n.d.). The Tamgaly petroglyphs are spread over the mountainous valley and are classified, according to period and style, into different groups (from I to V; Figure 4; Figure 5); the size range is from 25-75 cm to 1 m (Zapovednik muzey "Taňbaly", n.d). Alexey Rogozhinsky (2009), a Kazakhstani archaeologist who wrote numerous works about rock art sites in Kazakhstan and who continued the expeditions at the Tamgaly Valley in the 1980s, claimed Tamgaly rock art to be unique in comparison

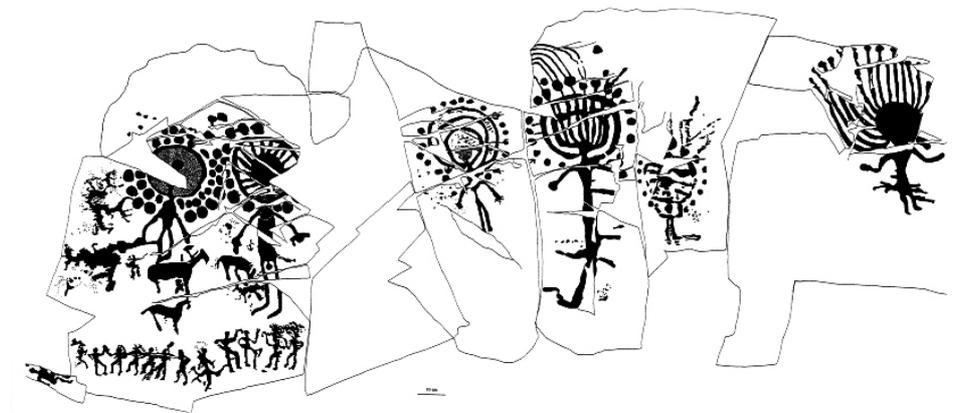

Figure 6. Ritual scene (Rozwadowski, 2001)

to other petroglyphs in Kazakhstan in its style, technique and narrative and suggested assigning them as a separate type of petroglyphs — the Tamgaly petroglyphs (*Zapovednik muzey "Tañbaly", n.d.*)

Tamgaly petroglyphs are engraved on the rock surfaces with stones; as has been investigated, most face south. This fact has been discovered from the largest petroglyph scene from the valley — the so-called *open-air temple* containing the ritual scene of 6-7 ‘sun-headed’ anthropomorphic figures, ten dancing men similar to each other and a woman in labor. The so-called “Pantheon” of the Bronze Age belongs to group IV (Figure 6).

Relevance of the Research

The horse and sun construct a particular narrative in being included in the National symbols of contemporary Kazakhstan — the state flag and the state emblem. The sun on the national flag takes up all the central space and is also represented as the *shanyraq* in the National emblem (Figures 7-8). *Shanyraq* is one of the essential symbolic architectural parts of a *yurt*, the Kazakh traditional house; it is a circular open roof built with wooden stripes to imitate the sun with its rays (Figure 9). The horse can be seen in the State emblem (Figure 8); *tulpars*, winged horses equipped with horns, take up both sides and represent the nation’s bravery. However, the question remains: why are these elements interpreted this way and used in national symbols?

The images of the horse and sun have always had deep meanings in Kazakh culture. The meaning of the sun often symbolizes spiritual wealth, the

Figure 7. National flag (Akorda.kz, n.d.)

meaning of the horse — both wealth and warrior culture. This way, horses and the sun were frequently represented or mentioned in Kazakh history and culture. It led to the perception of local culture and the construction of a national identity from these two elements.

However, this raises the question of whether people from the past assigned the same meaning to these two figures. I want to start with the interpretations of Andrzej Rozwadowski (2001), who is an associate professor at the Adam Mickiewicz University in Poznan. Rozwadowski (2001) conducted fifteen expeditions on rock art sites in Central Asia and Siberia. In his chapter (“Sun Gods or Shamans? Interpreting the ‘Solar-Headed’ Petroglyphs of Central Asia” in *Archaeology of Shamanism*), he discusses visual representations of shamanism from rock art of the Bronze Age in Central Asia, particularly in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Siberia. He argues that solar-headed figures

Figure 8. National emblem (Akorda.kz, n.d.)

Figure 9. The view on the shanyraq from inside the yurt (Freepik, n.d.).

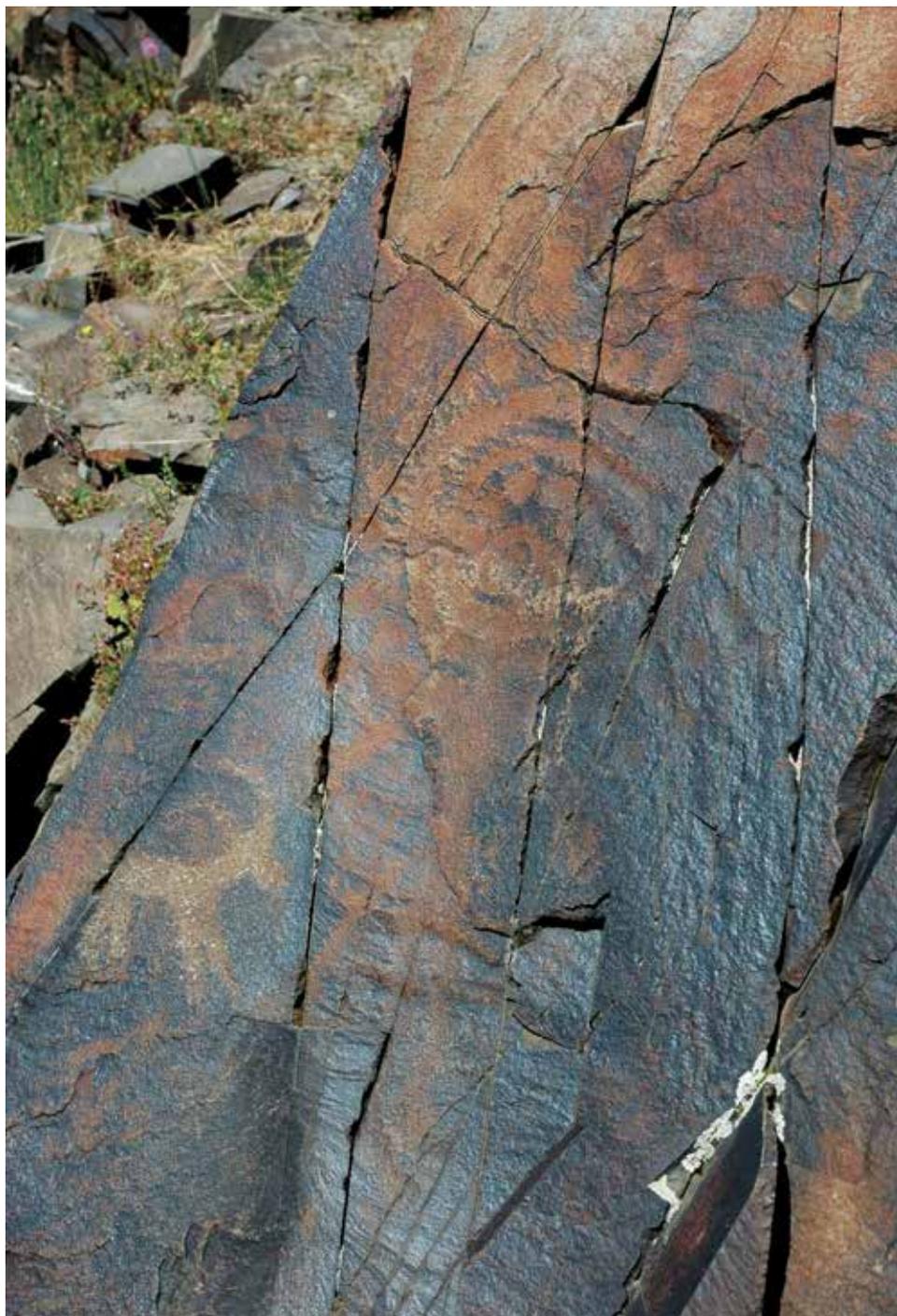

Figure 10. Tamgaly petroglyphs. The 'solar-headed' god (Oers, 2009)

Figure 11. Tamgaly petroglyphs. The ritual scene (Vincent, 2008)

represent the shamans who were “equal” to gods. By making a visual analysis of different images and figures of rock art of the Tamgaly Valley, such as the ‘sun-headed’ petroglyphs or images that show the whole ritual scene (Figures 6, 10-11), he states that shamanism of Central Asia might have identified with a horse — used as a transport, the horse could help the shaman to transport the souls of the dead to the other world (Rozwadowski, 2001).

Theoretical Framework

This research relies on several theoretical concepts: shamanism, agency and doxa.

Shamanism is a system of religious practices performed by a shaman. Archaeologically, shamans are identified by particular clothing (fur/leather coats) and tools (tambourines, drums and horses); in rock art, they can be depicted as anthropomorphic figures, accompanied with rays dots and various lines around their heads (Britannica, 2024; Devlet, 2001). Therefore, a shamanic ritual can include various tools, conditions and requirements for performing a ritual. First, the shaman, a person “*who knows*” (Britannica, 2024), must have a particular knowledge of nature or must be of a specific

gender and age — in some communities, female shamans are more prevalent, or a shaman has to be someone wise, “with experience”, meaning an old individual can become a shaman; sometimes, shamans are people who learn this practice through generations (Price, 2011). The shaman is the mediator between people and gods, thus the shaman “guards” one’s soul (Eliade, 1992). With this particular knowledge and experience, shamans were the elite of their society.

There is also the symbolic significance of the horse in shamanic mythology and ritual. The horse is considered a funerary animal — the mystical image of death. Riding a horse helps a shaman to achieve ecstasy or the state of “*coming out of oneself*” when performing a ritual (Eliade, 1992). Therefore, as a means for the mystical journey, the horse helps a shaman to “*fly through the air*” and reach the sky (Eliade, 1992).

Eliade (1992) also explains how shamanism is connected with cosmological concepts. According to him, the world is divided into three cosmic zones, in which the middle part is the “*true world*” — the “*Center of the world*”. The Center is the axis mundi, a “*portal*” between the other worlds, through which a religious person can travel (Eliade, 1992). Therefore, a shaman can travel through the portal, which usually appears as the “*break-through in the plane*” (Eliade, 1992). The “*Center*” could also be a historically and culturally significant mountain or even the central pillar of one’s house — this means that every human can have a connection to the “*Center of the World*”. In the same way, the Tamgaly petroglyphs site could have been the “*Center*”, or as Rogozhinsky (2009) argues — an open-air temple, where shamans performed the rituals to travel between the worlds.

The theoretical concept of agency is significant when speaking about the Tamgaly petroglyphs as the product of people’s actions and intentions. Discussing the context of Tamgaly petroglyphs would help to see the agency of the people who made the rock engravings to reflect their lifestyle and beliefs. The anthropomorphic figures and the horned horses at Tamgaly could bring more insights into understanding the agency of the people who made the rock art.

The concept of doxa is crucial in this study’s later parts and applications. Doxa means unquestioned truths or beliefs that society takes for granted (Bourdieu, 1977). According to Silliman (2001), doxa can be a mundane activity, but doxic practices can also be intentional activities that share specific motivations or life histories. I believe that sun and horse imagery in today’s Kazakh society is one of such doxic practices that is not questioned. In this article, I am suggesting that such doxic practice can possibly originate from the Bronze Age — Iron Age petroglyphs found in Kazakhstan — the Tamgaly petroglyphs.

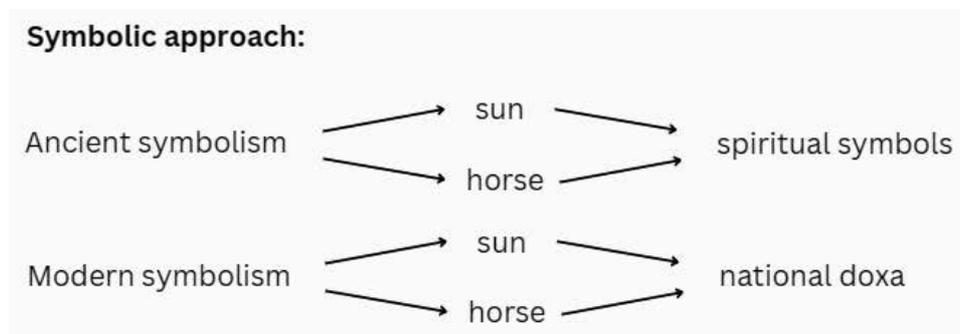

Figure 12. Symbolic approach

The theoretical framework of this research relies on two approaches: the symbolic approach and the contextual approach.

The contextual approach allows me to view, study, and interpret Tamgaly petroglyphs through the combinations of various factors. The Tamgaly burials, the Tamgaly petroglyphs, and the landscape of this complex create a specific context, and through this, I interpret the symbolic connection between the sun and the horse.

For example, Arsenault and Zawadzka (2014) explore Algonquian-speaking people from Canada and their spiritual systems of belief through rock art, using contextual procedures. Specifically, they observe how the landscape's acoustic and visual aspects and natural rock formations create a particular context that places specific meanings on rituals and their representations in rock art. For instance, the petroglyphs of Algonquian groups were made near the water which forms specific acoustic and visual contexts — the sun-rays that reflect from water to the petroglyphs shed shimmering lights to the drawings adding the effect of animated movements. Moreover, natural rock formations, such as whitish rock deposits on the mountain, also add the specific perception of the rock art — there, the white rocks were perceived as the god depicted on the mountain surface, the Thunderbird, which demonstrated how the place and the setting also played a crucial role in rock art. Thus, the contextual approach helps understand how the ritual was performed and practiced in a specific time and a specific place.

The symbolic approach (Figure 12) is used to theorize the ancient symbolism of sun and horse imagery at the Tamgaly site and the modern symbolism of sun and horse imagery that is used in construction of the national identity. Using the symbolic approach, I interpret the ancient and contemporary symbolism and conclude that ancient sun and horse imagery was about spiritual elements and that modern sun and horse imagery reflects the Kazakh national doxa.

Methodology

The research design is based on the visual analysis and interpretations of the images, particularly rock art. This article focuses on petroglyphs that represent and connect the sun and horse imagery. That is why I use the Tamgaly images of 'sun-headed' figures and horned horses as my primary data. These specific pictures are from Group III and IV petroglyphs, located almost at the center of the Tamgaly Valley (*Figures 2, 4*). Luc Hermann (2011), who is a Belgian archaeologist specializing in rock art in Europe and Asia and who has published works on Tamgaly petroglyphs, visually analyzed the petroglyphs and made some conclusions. Due to anatomical differences, particularly different phallic features, horned horses are distinct from deers and bulls (Hermann, 2011), while 'solar-headed' figures carry connections to the sun. Many scholars, including Rozwadowski (2001; 2014), Hermann (2011) and Rogozhinsky (2009) agree on such conclusions.

The photographs and scanned pictures are taken from articles by Rozwadowski (2001) and Hermann (2011), as well as photographs from UNESCO and the official website of the Tanbaly Museum.

The Tamgaly petroglyphs are from the Bronze Age and early Iron Age (Rozwadowski 2001; Hermann 2001). However, it has to be noted that dating in archaeology has to be claimed and interpreted carefully — it is hard to date petroglyphs, and scholars cannot always be precise in calculations of the period.

Therefore, the petroglyphs at Tamgaly, particularly from Group III and IV, might not necessarily be from the Bronze Age. In fact, Rogozhinsky (2009; 2011) states that the 'sun-headed' figures might date back to the Bronze Age, while the horns were actually added to the horse images during the early Iron Age. Such statement may also be justified with the beliefs that horned animals were highly appreciated during the *Saka period* (Iron Age), as many Iron Age Kazakhstani sites include goat iconography, antler cheeks or other indications to horns as material goods. This makes the further discussion complex in a way how sun and horse imagery from different time periods (Bronze Age and Iron Age) are perceived in a single Tamgaly site as ancient symbolic elements, and can be traced until the days of modern Kazakh national iconography.

Strict assumptions might lead to interpretations that are not accurate and reliable. This is why it is crucial to notice how the dating of the Tamgaly petroglyphs can be relative.

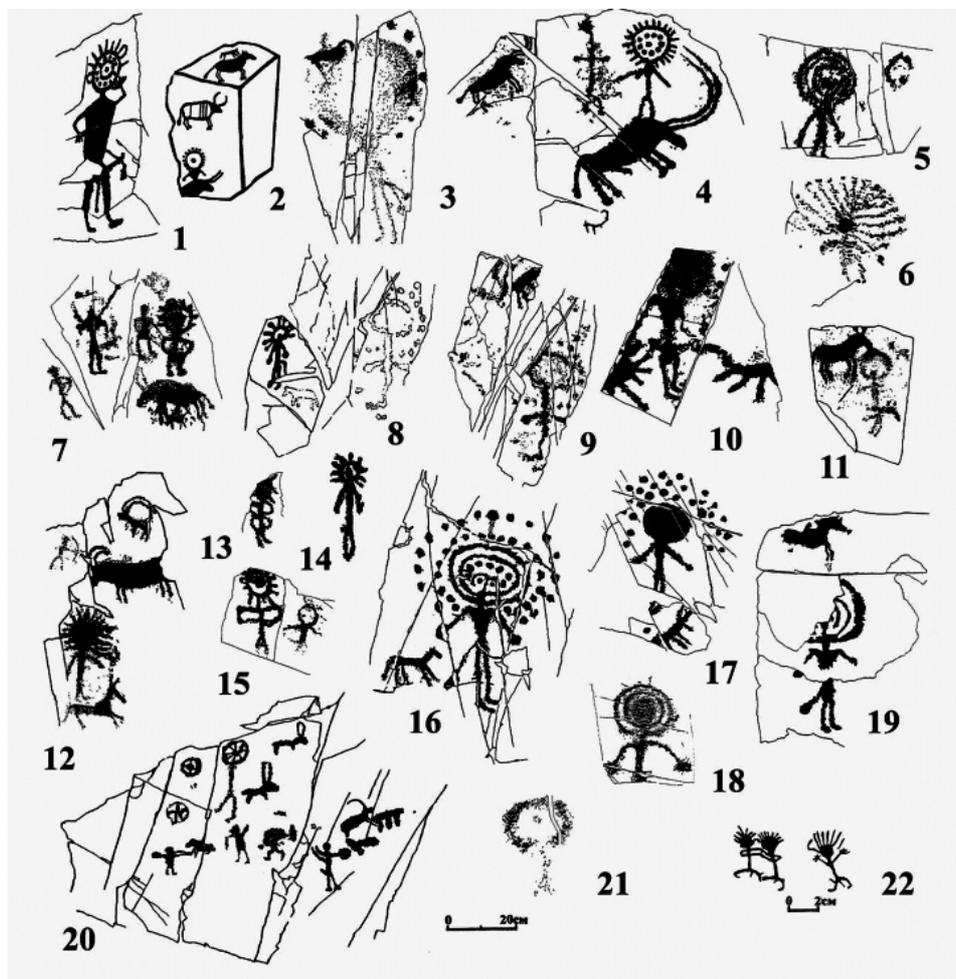

Рис. 1. Изображения «солнцеголовых» из Тамгалы:
 1, 2 – группа II; 3, 4 – группа III; 5, 6 – группа IV; 7–19 – группа V; 20, 22 – периферия каньона;
 21 – мог. Тамгалы II (1, 8, 14 – рисунки автора по фотографиям 1957 г.; 7 – по: Марьяшев и др. 1979; рис. 1;
 остальное – копии автора)

Figure 13. Tamgaly petroglyphs — image variation (Rogozhinsky, 2009)

Findings

The petroglyphs at Tamgaly Valley are divided into five groups according to their location and what images are more frequent there. *Figure 13* shows how various images of animals and ‘solar-headed’ figures were divided into groups (Rogozhinsky, 2009). Moreover, *Figures 4-5* shows how the groups of petroglyphs are spread over the whole Tamgaly Valley (Rogozhinsky, 2009).

Figure	Group	Image	Description	Reference
14	III		Horned horse, a rider, human beings with weapons	Hermann, 2011
15	III		Horned horse, a rider, and a shaman	Hermann, 2011; Rozwadowski, 2001
16	III		Horned horse, a rider with a weapon	Hermann, 2011; Rozwadowski, 2001
17	III		A bull, a 'solar-headed' figure as a rider, a human being	Hermann, 2011; Rozwadowski, 2001; UNESCO
6	IV		A cult scene: animals, 10 dancing men, a woman in labor, 6-7 'solar-headed' figures	Hermann, 2011; Rozwadowski, 2001; UNESCO

Table 1. Mini-catalogue

For the visual analysis, I chose five scans of the petroglyphs available online. I made a mini-catalogue with descriptions of the figures (*Table 1*). The catalogue includes the group to which the petroglyphs belong, the scan, the description, and the sources.

Horned horses

There are eleven petroglyphs that represent horned horses at the Tamgaly rock art site (Hermann, 2011) (Figures 14-16). Although bulls are also represented at Tamgaly (Figure 17), archaeologists specify that horned horses refer to horses and not bulls due to some clearly inferred anatomical differences. In particular, Hermann (2011) states that some features identify these animals as horses: “the tail, the ears, the position of the penis and sometimes the position of the reins”. Why would horns be added to the horse if deer and bull (animals that naturally come with horns) are also present at the Tamgaly site?

Tamgaly paintings are highly associated with cult scenes, specifically shamanic rituals. Rozwadowski (2001) analyzed the art on Tamgaly rocks, indicating several associations with shamanic practices. The physical appearance of the depicted humans suggests they are shamans; in addition to that, Rozwadowski (2001) makes an ethnographic analogy between Siberian rock art and shamans depicted in petroglyphs at Tamgaly. Another shamanic reference would be the ‘Sun-head’ figures, which Rozwadowski (2001) interprets as high spiritual and central figures (Figures 6, 10-11). In addition, the last shamanic reference would be the ‘cult scene’ at Tamgaly — the 6-7 ‘sun-headed’ figures, ten dancing men and a woman in labor, and ‘worshippers’ (Figure 6).

Hermann (2011) suggests the reason for adding horns to horses is that the horns may be a necessary piece for the ritual, while horses are also the easiest to ride (compared with bulls and deers). Indeed, in Figures 14-16, we see that people are riding the horned horse. My interpretation suggests that these circular horns in these shamanic rituals are connected to the sun.

Discussion

Ancient symbolism

One of the essential instruments of the shaman is the tambourine (Rozwadowski, 2014). The tambourine’s functional role was to protect the shaman when entering the “other” world and not be noticed by the spirits. Moreover, the shaman used a tambourine to perform rituals for acoustic purposes since singing and using drums to make certain rhythmic sounds was crucial in shamanism. In my opinion, another functional role of the tambourine was to complete the unique figure and personality of the shaman — to be recognized and respected by other people and to have a particular reputation for the skill and talent.

In addition to that, the tambourine holds a symbolic significance. According to Rozwadowski (2014), the tambourine was a metaphorical equivalent to a horse's hooves clattering when transporting the shaman into the world of spirits. However, the problem is that the tambourine is rarely represented on the Bronze Age petroglyphs. He suggests that the reason for that is either the tool was somehow prohibited or shamanism represented on the petroglyphs was another form of a religious practice that held another symbolic significance too (Rozwadowski, 2014).

In any case, there is a resemblance between the symbolism of the horse and the tambourine. As the tambourine played the role of camouflage for the shaman in the world of the spirits, other instruments, like the coat and the headdress, were used for the same purposes. It is believed that a shaman's headdress sometimes also has horns attached to it to imitate the head of an animal, while at Tamgaly petroglyphs, we see how a shaman rides a horned horse (Rozwadowski, 2014). I suggest that these rock images probably portray the process of a shaman entering the world of the deceased. Since the Tamgaly petroglyphs have no tambourine and a headdress that would particularly identify the man as a shaman, the horse with horns might play this role. Perhaps people portrayed how the horse is used to disguise the shaman.

The context of the horse at Tamgaly petroglyphs has to be discussed too. Since the chronology of the Tamgaly petroglyphs dates to the Bronze Age and early Iron Age, it correlates with the period of horse domestication in the Kazakh lands. This raises the question: *did the Tamgaly horse, probably already domesticated at that time, construct an important part of horse riding in the shamanic ritual?*

It was argued that *Botai* people from northern Kazakhstan were considered first to domesticate horses — the archaeological records showed the bit wear of the horse tooth that could indicate a horse harness. Outram *et al.* (2009) discovered a clear parallel-sided band of bit wear on the enamel of the horse premolars found at Botai — such morphology is usually present in the bridled animals. Moreover, there were found Equine milk fats on the Botai vessels, which also indicates to mare milking at the site (Outram *et al.*, 2009; Taylor and Barron-Ortiz, 2021).

However, recent studies tend to debate such an argument. Taylor and Barron-Ortiz (2021) researched that the osteological peculiarities in horse teeth enamel from Botai are similar to the remains of Pleistocene wild horses from North America.

Therefore, the recent study argues and questions if the Botai horses were domesticated or not.

The horse domestication discussion among scholars usually include such topics as economy, subsistence, diet; in my article, I want to add the ritualistic perspective to the discussion. Perhaps, the shaman with particular spiritual knowledge and wisdom might be the one who knew how to “*spearhead*” a wild horse to perform their rituals of transporting the souls of the dead.

Another question arises — how significant are the horns? As mentioned in the section on findings, archaeologists specifically distinguish the horse on Tamgaly petroglyphs from bulls and deers (*Hermann, 2011*). I suggest that people intentionally added the horns to a horse to make a symbolic connection with the sun, to make them “closer” to the sky.

The horns on the petroglyphs (*Figures 14-16*) are unnaturally elongated and become rounded starting from the middle. The horns could represent the sun, as they could also symbolize the nature of vitality of the horses.

The “*deification*” of the sun has been prevalent throughout the history of Kazakh people. Rustem Dosmurzinov (*2023*), a Kazakhstani scholar from L. N. Gumilyov Eurasian National University, states that the house of a Kazakh was “*inspired*” by the celestial star and reflects how people associated their lives with it (*Dosmurzinov, 2023*). Shanyraq, an open rooftop of the yurt, is built to resemble the sun and its rays as it includes wooden sticks (*uyiq*) put all together to create a symbol of togetherness (*Figure 9*) (*Dosmurzinov, 2023*). Shanyraq allows the sunlight to light up the yurt, reminding us how the sun is constantly a part of Kazakh daily life. Such construction of the yurt has been a tradition for generations, as it portrays cultural values and significance. Also, shanyraq was like a compass and a daily calendar for Kazakhs; with the sunlight and the shadows, people could identify different directions and the time of the day (*Dosmurzinov, 2023*). In addition, the traditional Kazakh houses correspond to the nomadic lifestyle, as the yurt is easy to construct, unfold and transport. Furthermore, the sun is present in traditional art — the round ornaments, spirals and circles symbolically refer to the sun (*Kemelbekova & Bukharova, 2002*). The circular form is the most used because the circle is considered the perfect form and “*movement*” of life (*Kemelbekova & Bukharova, 2002*). Representing the sun spatially and temporally implies the “*endless*” steppe and endless circle of life (*Kemelbekova & Bukharova, 2002*).

At Tamgaly petroglyphs, there are images of the ‘*sun-head*’ figures, some anthropomorphic figures that represent the body of a human. Still, the head resembles the sun, with rays circling it and several dots inside it (*Figures 6, 10, 11, 13*). The solar-gods/shamans participate in the cult scene at Tamgaly petroglyphs (*Figure 6*), which might strengthen the argument of their shamanic nature, given the importance of the sun in shamanism.

Thus, the sun was an essential element for the people who inhabited the territory of the modern Kazakhstan. Considering this, I suggest that the horns on the horse (*Figures 14-16*) were added to highlight the mystic nature of the ritual. It is one thing to be able to ride the horse and the other thing to be able to ride the horse with horns, or any other “godly” creature.

The horse is a crucial shamanic element, used functionally for the shaman to ride it and transport souls into the world of the deceased (*Eliade, 1992*). It is used symbolically to “hide” the shaman and make this ride safe for the shaman. That is why perhaps the horns resembling the sun were an additional element for the shamanic ritual, adding “safety” to the ritual.

I suggest that the horse was not just an instrument during the ritual but also held more symbolic significance in obtaining the cosmological powers to serve the shaman and be worshipped by the people. By drawing the horned horses and shamans as the riders, people create the symbolic significance of Tamgaly petroglyphs, representing the horse and the rider as separate entities.

The meanings put into the drawings are essential when considering the agency of the site. This poses the following question: Was the process of drawing the anthropomorphic figures, horses, and ritual scenes also somehow a ritual? It is difficult to identify what came first: did the place obtain the sacred and religious meaning, and then people decided to “commemorate” the place with petroglyphs or did the petroglyphs happen to be first, and the sacredness appeared later?

This further leads to mentioning the phenomenological factor when studying the Tamgaly site. It was discovered that the engravings on the rock surfaces of the Tamgaly Valley face the south. This means that the petroglyphs always remain exposed to the sun. In archaeology, scientists use the phenomenological approach to experience and perceive a certain site or artifact by including specific settings or environmental conditions. Thus, the Tamgaly petroglyphs can also be perceived phenomenologically — considering that Tamgaly petroglyphs have many images of ‘sun-headed’ figures, I assume that the exposition to the sun may be intentional.

Ethnographic and archaeological examples

A connection between ethnographic and archaeological comparison can be made with one of the significant archaeological findings from Trundholm Bog — the Chariot of the Sun, a “highlight of the Danish Bronze Age” (*Kaul, 2018*) (*Figure 18*). It consists of the horse figure attached to the solar disc, representing the sun, all pulled by the wheels on which they stand. Archaeologists make divine and cosmological connections between the horse

Figure 18. The Chariot of the Sun (Kaul, 2018)

and the disc. Specifically, the disc is constructed to show the sun's travel during the day and night.

In both cultural examples, the Tamgaly and the Danish, we see how both horse and sun participate in some ritual action, with features like specific physical appearance (shamans at the Tamgaly site) and repetition patterns (*day and night on the solar disc of the Chariot of the Sun*).

Jacobson-Tepfer (2012) provides a study on vehicle-horse rock art depictions in Mongolian Altai during the Bronze Age — this study appears to show another horse-sun connection. The petroglyphs there show a chariot, typically with four wheels, the horse attached, and sometimes a charioteer. Jacobson-Tepfer (2012) studies how these figures were drawn and portrayed precisely. The exciting thing about these petroglyphs is that all of them were drawn as if the creator was looking at the figures from above (Figure 19). Jacobson-Tepfer (2012) suggests that this was because the riders were actually “transporting” the dead using chariots and horses as tools of the ritual; archaeological findings in Mongolia and Kazakhstan, where chariots with horses were buried with the deceased, strengthen this argument (*the Tamgaly petroglyphs of chariots and the example of Berel kurgans*).

In addition, I thought about how the depicter represents the sun looking at these figures from above, which is why they are drawn this way.

The perspective of looking at the drawings from above highlights the intentionality of the people who made the art, and this highlights the agency of the artists. It is also known that Siberian shamanism was widespread in the pre-Islamic period, which is why an alternative interpretation might include the perspective of ancestors watching people from the “upper world”.

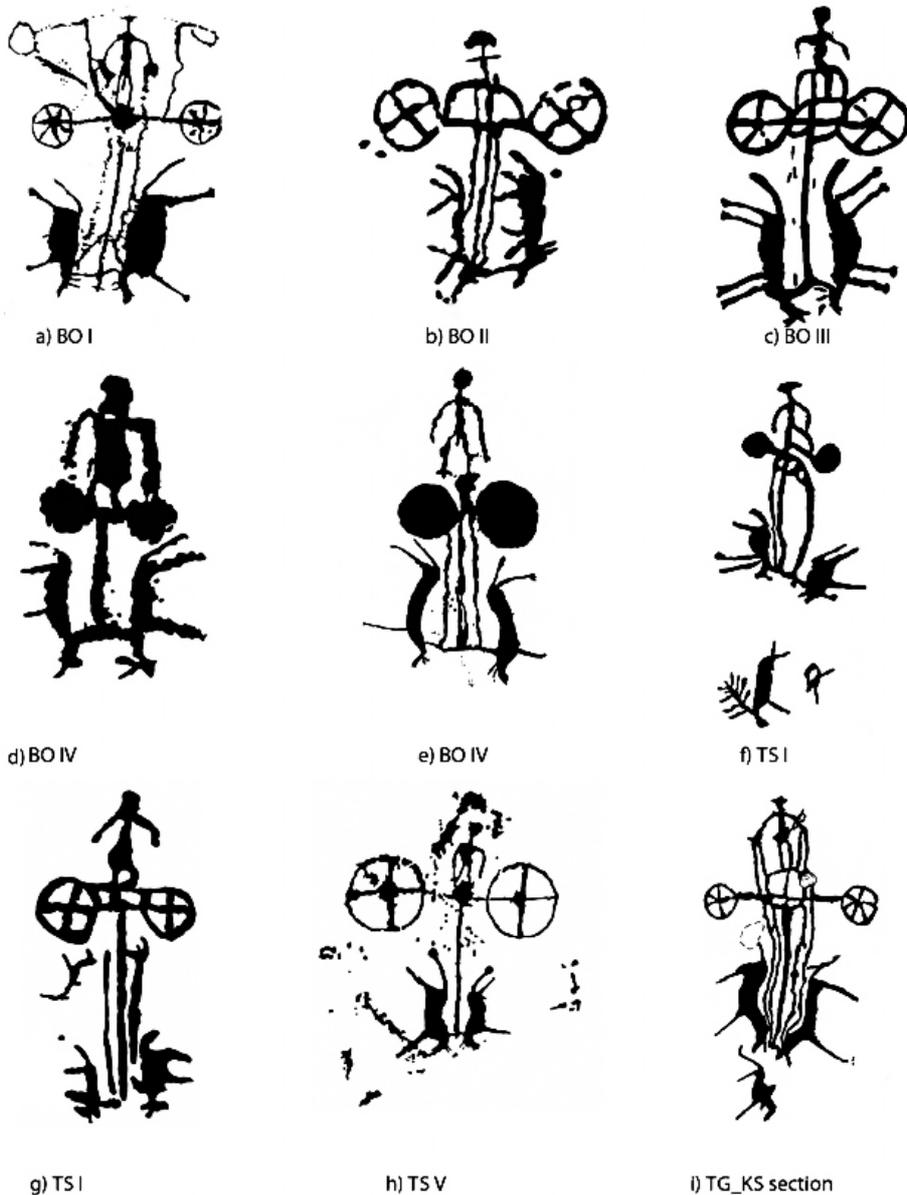

Figure 19. Mongolian Altai rock art of wheeled vehicles (Jacobson-Tepfer 2012)

Similarly, the Chariot of the Sun from Trundholm Bog, which is also dated to the Bronze Age, intentionally portrays the chariot cosmologically and divinely as the sun attached to the horse that pulls the chariot and the sun (Figure 18).

Another ethnographic example of the connection between the sun and horse is the archaeological site of the Berel burial mounds (kurgans) in Kazakhstan. Berel is dated to the Iron Age and is located in eastern Kazakhstan, in the Katonkaragay region. The site has about eleven burials mounds; the archaeological excavations were led by Kazakhstani scholar Zainolla Sarmashev in the 1990s. What is interesting about this site is the presence of horse bones buried with the deceased in one kurgan. Moreover, one of the significant burial mound sites, *Burial 69*, has about sixteen horses buried with two people, female and male (*Samashev et al., 2000*). The horses were buried in special gear (horse ammunition) made of textile, wood and gold. One such attribute is the wooden horn attached to the horse mask (*Figure 20*); scholars reconstructed the ammunition and figured out what Berel horses looked like (*Figure 21*).

Figure 20. The wooden horns attached to the horse mask, Berel (*Samashev et al., 2000*)

Figure 21. The Berel horse, reconstructed (*Samashev et al., 2000*)

The Berel horses were particularly significant to these people — they were buried with them, and people made special harness from gold and bronze for them. The horns attached to the horse masks resemble the ones present at the Tamgaly petroglyphs that date to the early Iron Age — they also look elongated, forming the circle. This ethnographic example makes us think of how horses were symbolically connected with the other world across time and space.

Samashev (2011) highlights that the horns, attached to the horse masks, resemble and imitate the goat horns, which was considered the “*elite*”, well-respected animal, as it lives in mountains close to the sky. Symbolizing the sky, the mountain goat was an inspiration for the Berel harness and specifically the horns — the horns highlighted the god-like nature of the horse, an association of the horns with the spirits of ancestors who inhabited the sky (Samashev, 2011).

Modern symbolism

Today, the horse and the sun remain vital in Kazakh history and national identity. Certain traditions in Kazakh culture remain from pre-Islamic practices, like the shanyraq in the yurt, which performs the same role. At the same time, the horse is the national symbol of a nomadic spirit, portraying freedom and a close relationship with the landscape and nature of the Kazakh identity.

It has to be mentioned how the symbolism of the horse imagery appeared after the independence of Kazakhstan. As the part of the policy of Kazakhisation, the state paid special attention to creating the image of the nomadic lifestyle that the spirit that was “*taken away*” from the Kazakhs during the Soviet times has returned. Thus, the horse became a symbol of the “*romanticized past*” of Kazakh nomads (Sarbassova, 2015). Accompanied by traditional themes, like traditional clothes, the yurt, traditional cuisine and customs, as well as the steppe and mountains as main settings, the visual Kazakh imagery always contains horses — as transport, as a source of food and as a life companion.

The sun, centered on the national flag and emblem, holds a special place in constructing the national symbol of the Kazakh people (Figures 7-8).

It seems that current representations of sun and horse imagery do not portray spiritual symbolism, like in Tamgaly Valley, where the imagery was connected with shamanism. Instead, even though the sun and horse represent the historical knowledge and heritage of the Kazakh nation, this imagery has gained another significance — national and political. This change might be due to the disappearance of the shamanic context in the sun and

Figure 22. Fifth World Nomad Games logo

horse imagery. Perhaps horned horses were the specific case that held and portrayed this spiritual symbolic message.

The modern symbolism of sun and horse imagery possesses political and national significance, and here, the concept of national doxa is applied. To be more specific, the intentional doxic practice makes the sun and horse imagery unquestioned in Kazakh society — the Kazakh nation becomes undoubtedly associated with the sun and the horse, and this is observed in how the National Flag and National Emblem (*Figures 7-8*) are designed.

The sun and horse imagery at Tamgaly Valley held spiritual context; the horse and the sun were essential sacred symbolic elements incorporated into the lifestyles of people who used the Tamgaly landscape. Today, sun and horse imagery has changed ancient symbolism to represent its elements as national symbols: politically, nationally, and historically. For the “*insiders*”, the nation and the Kazakh community now identify themselves with these symbols; for the “*outsiders*”, it shows how these symbols are essential to the Kazakh nation.

Today the uniqueness of Kazakh identity is displayed through various visual imagery. These are often Kazakh ornaments — for instance, they are represented in school history textbooks, and they are an essential part of any Kazakh felt art (usually carpets) and nowadays so-called ethno-jewelry. There are various visual images of traditional ornaments, including the im-

agery of the Tamgaly petroglyphs, at many places in the country — at cafes, museums, educational institutions and even as tattoos.

The recent World Nomad Games, that took place in Astana, 8-13 September, have drawn inspiration from the ancient Tamgaly petroglyphs to symbolize the rich heritage and spirit of nomadic cultures. In the image of the 2024 games, there is an anthropomorphic figure, a “solar horseman” (5th World Nomad Games Astana 2024, n.d.), which rides a horse (Figure 22).

We can associate how stylized figures of warriors on horseback, animals, and ritualistic dances seen in the carvings are echoed in the competitive events of the games, which showcase skills such as archery, horseback wrestling, and traditional horseback riding disciplines. By incorporating these ancient symbols, the World Nomad Games not only celebrate physical prowess but also honor the spiritual and cultural values of nomadic life that have endured across centuries. This connection serves as a reminder that the values of harmony with nature, endurance, and the celebration of communal traditions continue to define the identity of nomadic people, bridging past and present through these global competitions.

Another interesting case is the Krym Altynbekov Shop — a shop, established in 2000 as a project by Ostrov Krym Laboratory. The Laboratory is a Kazakhstani institution that reconstructs archaeological findings; it is most famous for reconstructing Berel and Urdzhar artifacts. So, the Krym Altynbekov Shop portrays itself as a shop manufacturing gold and bronze jewelry with “ancient history”, based on the artifacts stored in the Ostrov Krym Laboratory. Most of the jewelry represents Tamgaly petroglyphs and the horned horse is one of them — there are pins, tumars (a symbolic protective

amulet, necklace against evil) and tie-tumars (Figure 23).

Figure 23. Krym Altynbekov Shop

The visual imagery of Tamgaly petroglyphs, specifically the ‘sun-headed’ figures and horned horses, seems to “raise” the national spirit, remind people of the nomadic past of Kazakhs and connect the landscape with our ancient history and Kazakh identity. Therefore, I believe that this is the reason for

the modern usage of ancient petroglyphs as decorative visual elements by both the state and society — to feel closer to our ancestors and their spirits.

Conclusion

This article draws attention to the persistence of horse-sun imagery; it suggests the use of horse and sun in petroglyphs was a spiritual way of connecting two elements as the sacred elements of their daily lives. The Tamgaly rock art site serves as a case study to highlight the presence of spirituality and shamanic rituals at the Tamgaly Valley. I provided a new ritual shamanic perspective on the horse domestication debate in Kazakhstan — perhaps, horseriding was within the realm of shamanic practices to transport the deceased to the other world. Therefore, horseriding should not only be discussed within the realm of economic subsistence among early agropastoralists of Kazakhstan. I also examined how ancient symbolism of sun and horse imagery has changed into modern symbolism. Horse and sun were considered spiritual and sacred elements before, and now they hold other meanings to illustrate and depict the Kazakh national identity.

References

Akorda.kz. (n.d.). [Photograph]. Retrieved March 14, 2024, from https://www.google.com/imgres?imgurl=https%3A%2F%2Fakorda.kz%2Fassets%2Fmedia%2Fflag_mediumThumb.jpg&tbnid=Y-Cutit6xmauLUM&vet=12ahUKEwiw0b6gtvuEAXVMRAIHbahB8QQMygDegQIARBX..i&imgrefurl=https%3A%2F%2Fwww.akorda.kz%2Fen%2Fstate_symbols%2Fkazakhstan_flag&docid=ebpXxoELCwCld-M&w=750&h=357&q=national%20flag&ved=2ahUKEwiw0b6gtvuEAXVMRAIHbahB8QQMygDegQIARBX

Akorda.kz. (n.d.). [Photograph]. Retrieved March 14, 2024, from https://www.google.com/imgres?imgurl=https%3A%2F%2Fwww.akorda.kz%2Fassets%2Fmedia%2Fgerb.jpg&tbnid=yjSWF1S-bLGsl0M&vet=12ahUKEwiZ8fantvuEAXW2GhAIHcZ4ALMQMygAegQIARBN..i&imgrefurl=https%3A%2F%2Fwww.akorda.kz%2Fen%2Fstate_symbols%2Fkazakhstan_emblem&docid=DCYE0ndiqm-

LU9M&w=3600&h=3734&q=national%20emblem%20of%20kazakhstan&ved=2ahUKEwiZ8fantvuEAXW2GhAIHcZ4ALMQMygAegQIARBN

Arsenault, Daniel & Zawadzka, Dagmara. (2014). Spiritual Places: Canadian Shield Rock Art within its Sacred Landscape. *Rock Art and Sacred Landscapes*, 117–137.

Bourdieu, Pierre. (1977). *Outline of a Theory of Practice* (R. Nice, Trans.). Cambridge: Cambridge University Press.

Britannica. (2024). Shamanism. <https://www.britannica.com/topic/shamanism>

Devlet, Ekaterina. (2001). Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism. In N. Price (Ed.), *The Archaeology of Shamanism* (pp. 43-55). Routledge.

Dosmurzinov, Rustem. (2023). Pre-islamic World Views of the Kazakh People: from the End of the 19th to the Beginning of the 21st Century. *Trames*, 27(77/72), 415–438.

Eliade, Mircea. (1992). *Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy*. Princeton University Press.

Freepik. (n.d.). [Photograph]. Retrieved November 19, 2023, from https://ru.freepik.com/premium-photo/shanyrak-bottom-view-from-kazakh-yurt-symbol-of-kazakhstan_40072983.htm

Hermann, Luc. (2011). Rock Art of Tamgaly, Kazakhstan. *Adoranten*, 26–40.

Jacobson-Tepfer, Esther. (2012). The Image of The Wheeled Vehicle In The Mongolian Altai: Instability And Ambiguity. *The Silk Road*, 10, 1–28.

Kaul, Flemming. (2018). The Chariot of the Sun and other sun horses of the Nordic Bronze Age — including some interesting anatomical details. In J. Dodd, & E. Meijer (Eds.), *Giving the Past a Future: Essays in Archaeology and Rock Art Studies in Honour of Dr. Phil h.c. Gerhard Milstreu*, 58–69. Archaeopress.

Kemelbekova, E., & Bukharova, G. (2002). *Semantics of Geometric Forms in Nomadic Culture*. 152–155.

Oers, Ron Van. (2009). Petroglyphs of the Archaeological Landscape of Tanbaly [Photograph]. *UNESCO*. whc.unesco.org/en/documents/115298

Outram, Alan K., Natalie A. Stear, Robin Bendrey, Sandra Olsen, Alexei Kasparov, Victor Zaibert, Nick Thorpe, Richard P. Evershed. (2009). The Earliest Horse Harnessing and Milking. *Science*, 323, 1332—1335.

Price, Neil. (2011). Shamanism. In T. Insoll (Ed.), *The Oxford Handbook of the Archaeology of Ritual & Religion* (pp. 983-1003). Oxford University Press.

Rogozhinsky, Alexey. (2011). *Petroglyphs within the Archaeological Landscape of Tamgaly*. Almaty.

Rozwadowski, Andrzej. (2014). Rock Art and Shamanism: Phenomenology, Context and Ethics. *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2(10), 57–72.

Rozwadowski, Andrzej. (2001). Sun Gods or Shamans? Interpreting the ‘Solar-Headed’ Petroglyphs of Central Asia. In: N. Price (Ed.), 2001, *Archaeology of Shamanism*, 65-86, London, New York: Routledge.

Sarbassova, Guldana. (2015). Language and Identity in Kazakh Horse Culture. *Bilig*, 75, 227–248.

Silliman, Stephen. (2001). Agency, practical politics and the archaeology of culture contact. *Journal of Social Archaeology*, 1(2), 190–209.

Taylor, William, & Barron-Ortiz, Christina. (2021). Rethinking the evidence for early horse domestication at Botai. *Sci Rep* 11(7440), 1–11.

Vincent, Ko Hon Chiu. (2008). Petroglyphs of the Archaeological Landscape of Tanbaly [Photograph]. *UNESCO*. whc.unesco.org/en/documents/147315

Заповедник музей “Таңбалы”. Могильники. <https://tanbaly.kz/burial-grounds>

— Zapovednik muzey “Tañbaly”. (n.d.). Mogylnyky. <https://tanbaly.kz/burial-grounds>

Заповедник музей “Таңбалы”. Петроглифы. <https://tanbaly.kz/petroglyphs>

— Zapovednik muzey “Tañbaly”. (n.d.). Petroglify. <https://tanbaly.kz/petroglyphs>

Рогожинский, Алексей. (2004). Памятники наскального искусства Центральной Азии: Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы.

— Rogozhinsky, Aleksey. (2004). Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Tsentral'noy Azii: Obshchestvennoye uchastiye, menedzhment, konservatsiya, dokumentatsiya. Almaty.

Рогожинский, Алексей. (2009). Наскальные изображения “солнцеголовых” из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового века Казахстана и Средней Азии. В К. Табалдиев, Е. Смагулов & П. Петров (ред.), *Материалы и исследования по археологии Кыргызстана*, 4 (53–65). Бишкек: Илим.

— Rogozhinsky, Alexey. (2009). Naskal'nyye Izobrazheniya “Solntsegolovykh” Iz Tamgaly v Kontekste Izobrazitel'nykh Traditsiy Bronzovogo Verka Kazakhstana

I Sredney Azii. In K. Tabaldiyev, Y. Smagulov & P. Petrov (Eds.), *Materialy i issledovaniya po arkhologii Kyrgyzstana*, 4 (53–65). Bishkek: Ilim.

Самашев, Зайнолла. (2011). *Берел*. Алматы: “Таймас” Баспа үйі.
— Samaşev, Zaynolla. (2011). *Berel*. Almaty: “Taymas” Baspa üyi.

Самашев, Зайнолла, Базарбаева Галия, Джумабекова Гульнара, & Сагынтай Сунгатай. (2000). *Berel-Berel*. Альбом. Алматы.
— Samashev, Zaynolla, Bazarbayeva Galiya, Dzhumabekova Gulnara, & Sagyntai Sungatai. (2000). *Berel-Berel*. Al’bom. Almaty.

5th World Nomad Games Astana 2024. (n.d.). <https://worldnomadgames.kz/en/news/ob-igrah>

Қылмыс болған жерді өзгертуге болмайды ма?

Астана және Алматы қалаларындағы ауыр емес ұрлық пен зорлық-зомбылық қылмыстарының кеңістікте таралуын кешенді талдау

Дмитрий Серебренников, Әсем Құсманова

Бұл мақала Қазақстанның екі ірі мегаполисінде, Астана мен Алматыда, ауыр емес ұрлықтар мен күш көрсетіп жасалған қылмыстардың бөлінуін кешенді зерттеуді ұсынады. Біз қылмыс феноменін әртүрлі аспектілерде қарастырамыз: қылмыстардың кеңістіктік паттерндерін, қалалардың «ыстық нүктелерін», олардың соңғы 5 жылдағы динамикасын, әртүрлі қылмыстардың сипаттамаларын ескере отырып, олардың әдеттегіден көп қылмыс болатын кеңістіктің сипаттамаларымен (тұрғындар саны, жылжымайтын мүліктің орташа құны және т.б.) және аумақпен байланысын талдаймыз. Талдау нәтижелері полицияның профилактикалық жұмысын жоспарлау кезінде, сондай-ақ Астана мен Алматы аумағындағы қылмыстық жағдайды және оның динамикасын жалпы түсіну үшін пайдалы болуы мүмкін.

Түйінді сөздер: *криминология, кеңістіктегі қылмыс үлгілері, дәлелді саясат, зорлық-зомбылық қылмысы, мүліктік қылмыс, ыстық нүктелер.*

Біз Айгүл Жанәділоваға, Аягөз Әубәкіроваға, Валерия Теге, Дәулет Бийназаровқа, Әйгерім Жиенғалиеваға мәтіннің алғашқы нұсқаларына қосқан үлестері үшін алғысымызды білдіреміз. Сонымен бірге Назгүл Ерғалиеваға жұмысты жақсарту жөніндегі құнды пікірлер мен кеңестер бергені үшін ризашылығымызды білдіргіміз келеді.

Место преступления изменить нельзя? Комплексный анализ пространственного распределения нетяжких краж и насильственных преступлений в г. Астана и Алматы

Дмитрий Серебренников, Асем Кусманова

Данная статья представляет комплексное исследование распределения нетяжких краж и насильственных преступлений в двух крупнейших мегаполисах Казахстана: Астане и Алматы. Мы рассматриваем феномен преступности с разных аспектов: пространственных паттернов преступлений, «горячих точек» городов, их динамики за последние 5 лет, связь разных видов преступлений с характеристиками пространства (количество жителей, средняя стоимость недвижимости и т.д.) и территории, в которых происходит нетипично много преступлений при учёте их характеристик. Результаты анализа могут быть полезны при планировании профилактической работы полиции, а также для общего понимания криминальной обстановки и её динамики на территории Астаны и Алматы.

Ключевые слова: *криминология, пространственные паттерны преступлений, доказательная политика, насильственные преступления, имущественные преступления, «горячие точки».*

Мы выражаем благодарность Айгуль Жанадиловой, Аягоз Аубакировой, Валерии Те, Даулету Бийназарову, Айгерим Жиенгалиевой за их вклад в работу над ранними версиями текста. Мы также хотим выразить признательность Назгуль Ергалиевой за ценные комментарии и советы по улучшению работы.

The place of crime cannot be changed?

Comprehensive analysis of the spatial distribution of thefts and violent crimes in Almaty and Astana

Dmitry Serebrennikov¹, Asem Kusmanova²

Abstract: This article presents a comprehensive study of the distribution of non-serious thefts and violent crimes in the two largest metropolitan areas of Kazakhstan: Astana and Almaty. We examine the phenomenon of crime from different aspects: spatial patterns of crimes, “hot spots” of cities, their dynamics over the last 5 years, the connection of different types of crimes with the characteristics of space (number of residents, average value of real estate, etc.) and territories, which have abnormally large number of crimes, given their characteristics. The results of the analysis can be useful in planning preventive police work, as well as for a general understanding of the criminal situation and its dynamics in Astana and Almaty.

Key words: *criminology, spatial distribution of crime, evidence-based policy, violent crimes, property crimes, “hot spots”.*

We would like to thank Aigul Zhanadilova, Ayagoz Aubakirova, Valeria Te, Daulet Biynazarov, and Aigerim Zhiyengalieva for their contributions to earlier versions of the article. We would also like to express our gratitude to Nazgul Yergaliyeva for her valuable comments and advice on how to improve our research.

¹ Senior researcher at the Maqsut Narikbayev Institute for Network and Development, researcher at the IPP EUSP, scientific director of the Kazakhstan Sociology Lab.

² Researcher at Kazakhstan Sociology Lab.

Introduction

According to the statistics of the United Nations Office on Drugs and Crime in 2020. In Kazakhstan, there were 3.2 intentional homicides per 100,000 people (*United Nations Office on Drugs and Crime*). Is this a lot or a little? On one hand, the number of crimes at this value in the Republic is twice as low as in Russia, where the corresponding figure is 6.8, but on the other hand, the country significantly lags behind Uzbekistan (1.4), China (0.5), and especially the leaders of the ranking — Japan (0.2) or Singapore (0.1). Crime in these countries is several times lower in relative terms than in Kazakhstan. According to less official indices of the total number of crimes, Kazakhstan is also in the middle of the global ranking (*World Population Review 2023*).

Thus, the problem of crime in the country is not critical (as, for example, in the case of Jamaica, where the discussed criterion is equal to 53), but it requires significant efforts to reduce this important indicator for the comfortable life of citizens. A special place in this process is occupied by the organization of police work, which is noted on official platforms. Thus, President Kassym-Zhomart Tokayev noted in his speech the high significance of the digitalization of police work and the improvement of its quality in handling citizens' appeals (*Official website of the President of the Republic of Kazakhstan 2023*).

In this case, digitalization can be understood not only as equipping the police with various new technical systems and creating alternative opportunities for reporting incidents to the police, but also as the process of implementing new analytical systems in police work to identify current and potential crime hotspots.

However, new analytical systems and principles of work organization do not automatically lead to the achievement of the stated goals if research work was not conducted before their implementation, and effectiveness was not assessed afterwards. This complexity leads us to the question that changes in the police and the specifics of its work with crime should be based on data, i.e., to the approach of evidence-based policy (*EBP*). Currently, this approach is actively applied in the leading police forces of the world (*Titayev et al. 2018*). Attention to EBP has practical arguments behind it. De-

spite relatively stable budgets (*Wuschke et al. 2018*) in many police forces around the world, there is a trend towards a gradual reduction in the number of personnel and a more rational use of budgetary resources (*Mawby & Wright 2012*).

This, in turn, requires an increase in analytical capacity and the conduct of numerous criminological studies using a variety of quantitative and qualitative analysis methods. At the same time, large criminological studies based on data in Kazakhstan are more often associated with projects from international organizations, such as UNODC reports (*Sandip 2011*) or victimization surveys (*van Deyk et al. 2018*), and, to a lesser extent, with local developments.

The presented study is positioned as one of the first criminological comparisons in Kazakhstan of the ‘portraits’ of two types of crimes, which have a certain spatial specificity — petty thefts and violent crimes. According to surveys, in 2018, every tenth resident of Kazakhstan has become a victim of theft, which is an extremely high figure (*van Deyk 2018*) that is important to pay attention to. Victims of violent crimes are significantly fewer (4-5%), however, such incidents are generally perceived as more serious and reduce trust both in law enforcement agencies (*van Deyk 2018*) as well as among residents of the city or district (*Garcia, Taylor & Lawton 2007*). Indeed, crime not only directly affects the specific victim but also threatens to spread fear and a sense of insecurity within society (*Zhizhin et al. 2023*), not to mention the significant economic costs for the country’s economy (*Verkeyev & Serebrennikov 2023*).

The main goal of the research is to identify the ‘hot spots’ of the specified types of crime in urban space, as well as to understand the relationship between the level of crime in the area and its characteristics in megacities such as Astana and Almaty. The data for analysis consists of the locations of crimes marked on the map of the Committee for Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan (*Official website of the Committee for Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan*) for 2023. In addition, we use geospatial data on the population of a given area, average housing prices, levels of business activity, urban density, and the industrialization of space.

Our analysis differs from a simple description of the number of crimes in a given space, which we consider insufficient for comprehensive analytics. In our opinion, attracting additional sources and relative assessment of the number of crimes (for example, per thousand residents of the area) can provide more balanced conclusions about the distribution of crime and its dynamics over time. This, in turn, may allow for a more effective organi-

zation of police work in response to crimes and their prevention. As far as we know, this approach is being applied for the first time for a large-scale assessment of crime in major metropolitan areas not only in the Republic of Kazakhstan but also in neighboring countries of the post-Soviet space.

In the first part of the study, we will discuss the key tenets of *spatial criminology* and show how the literature approaches the study of the spatial distribution of crimes in the city. After that, we will detail the data used, its preprocessing, and the associated weaknesses of our approach. The fifth section will be dedicated to the analysis of ‘hot spots’ in the studied cities and their dynamics over the past five years. In the last section, we will conduct a regression analysis to illustrate the typical ‘*portrait*’ of spaces where thefts or violent crimes occur, as well as to highlight areas where, according to the described ‘*portrait*’, there should not be many incidents, yet we observe them in reality. We call such spaces ‘*latent hot spots*’.

Where do crimes occur and how do criminologists study this?

Spatial criminology

In the early 1970s, the application of crime mapping was limited by technical and organizational challenges. The lack of data and technology, as well as issues with converting addresses into points on a map, created difficulties (Ratcliffe 2010). However, starting from the 1990s, the situation began to change rapidly. Thus, George Tita and Steven Radil, the US researchers who specialize in Social Policy and Spatial Analysis, respectively, note that significant advancements in spatial modeling of crime have occurred over the past 25 years (Tita & Radil 2010). In the realities of 2023, the fact of the widespread use of computer mapping solutions and software for spatial analysis is particularly noticeable. Therefore, there arises a need for theorizing spatial human behavior (Hipp & Williams 2020) that could help meaningfully apply highly detailed data that modern researchers possess for analysis.

One of the early and popular approaches to analyzing crimes in space was the concept of ‘hot spots’. The origin of ‘hot spots’ is linked to the critique of traditional criminological theory. Instead of focusing on individuals and communities, as criminologists did before the 1980s, this method is focused on specific areas with high crime rates (Weisburd & Braga 2006). ‘Hot spot’ in criminology refers to a place with a high intensity of crimes, such as

specific addresses, neighborhoods, or districts. Analysts study these areas to identify clusters of incidents and attempt to explain their causes. Sometimes they also pay attention to small areas with high levels of crime or disorder, even if they know that there is no specific group of criminals there.

In a general sense, a ‘hot spot’ is a place where crime occurs much more frequently than average. The opposite of this idea is the concept of ‘cold spots’, where the level of crime is significantly lower than average (*Eck et al. 2005*). A neighborhood in a large city where street robberies, thefts, or violence are frequently reported may be a ‘hot spot’. Single-floor houses in a small town where criminal incidents are rarely recorded are an example of ‘cold spots’.

The causes of the emergence of ‘hot spots’ may be related to the social aspects inherent to the area. The Brantingham couple — Patricia and Paul are Canadian scholars from the School of Criminology, Simon Fraser University — proposed a special terminology to describe the causes of the emergence of these points. Bars and nightclubs, for example, create situations in which crimes occur. They are called ‘*crime generators*’. Train stations and crowded places attract criminals and are referred to as ‘*crime attractors*’ (*Brantingham & Brantingham 1995*). Despite the fact that the Brantinghams’ terminology is more complex, we will focus only on these two main terms.

It turns out that ‘hot spots’ can arise both because social interactions within them lead to crimes and because the space can act as a magnet for those who wish to commit a criminal act. In this case, the police’s task becomes to concentrate resources in areas where the likelihood of crime is higher, in order to both increase the rate of solving crimes ‘in hot pursuit’ and achieve a preventive effect to deter crime. Research indicates that effective resource concentration in ‘hot spots’ can contribute to a reduction in the overall crime rate in the city (*U.S. Department of Justice Office of Justice Programs*). In this context, it is important to remember that everyday knowledge about dangerous places can be misleading, as individuals may perceive as safe those places that statistically may not be so, such as busy streets, university campuses, and bus stops (*Brantingham & Brantingham 1995*).

The policy based on hot spot analysis involves identifying areas of the city that require increased visibility. In practice, this looks as follows: the police conduct regular, intensive, highly visible foot patrols in crime-prone areas. The main function is embedded in its preventive nature. The placement of police personnel in the most crime-ridden areas can serve as a deterrent for potential offenders. Examples of this tactic’s application indicate a significant reduction in crime rates. For example, in Essex, this led to a decrease in the rate of violent crimes by more than 70% and street crime by 30% (*BBC 2021*).

Moreover, 'hot spots' can change depending on the time of day and year. Thus, at night, the likelihood of committing a crime in poorly lit areas with insufficient surveillance will be higher than in those with more of these elements of urban infrastructure. Speaking of the time of year, in the summer months, more crimes are expected to occur on the street rather than inside residential premises (*Ratcliffe 2010*).

In 2014, David Weisburd, a US scholar from the Department of Criminology, George Mason University, proposed a summary of the tradition of studying 'hot spots' that had developed by that time — '*Law of Crime Concentration at place*' (*Weisburd 2015*). According to it, a small number of places in an area or city concentrate a disproportionate amount of crime. This law is supported by research from various countries that demonstrate a consistency in the concentration of crime on street segments. For example, Sherman and his colleagues argue that in Minneapolis, over 50% of crimes come from 3.3% of addresses, while in Seattle, 5.1% of street segments account for half of the crimes (*Sherman, Gartin & Buerger 1989*).

Charlotte Gill, Alese Wooditch, and David Weisburd, US research specialists in Criminology, researched crime trends in Brooklyn Park, Minnesota, over 15 years (from 2000 to 2014) and found a high concentration of crimes in a small number of locations (*Gill, Wooditch & Weisburd 2017*). Approximately 2% of street segments generated half of the crimes, and only 0.4% accounted for a quarter of the crimes. Thus, they confirmed the 'Law of Crime Concentration at place'. Despite the stability in crime concentration, Brooklyn Park experienced a gradual decline in crime in 'hot' places, which significantly affected the overall crime rate in the city.

As far as we know, it is currently unknown whether the discussed law applies to cities in Kazakhstan. If we receive a positive answer to this puzzle, it will theoretically allow us to use the developments of the 'hot spots' theory to enhance police effectiveness in the country.

Violent crimes and property crimes in urban space

As is known, crimes can vary in nature. Using commonly accepted classifications, we distinguish two types of criminal incidents that may have a pronounced spatial specificity:

- Against the person (with or without the use or threat of violence);
- Against property (property crime)

According to statistics, the combined percentage of violent crimes significantly lags behind the share of property crimes, with a ratio that varies approximately as 20:80. However, it is worth noting that in a number of European countries in recent years there has been a trend towards a decrease in the number and a gradual equalization of the proportions between these

crimes (Nelson 2015). Despite the global trend towards a decline in crime (the so-called the great crime decline (Farrel, Tilley & Tseloni 2014; van Dijk, Nieuwbeerta & Larsen 2021), where greater emphasis is placed on reducing the rates of violent crimes, it is precisely violent types of crime that always attract public attention. This is explained by the relative clarity and high level of their latency in the case of minor or sensitive (for example, against sexual integrity) crimes. Moreover, the effectiveness of law enforcement is assessed in terms of the dynamics of crimes involving or threatening the use of violence.

Based on this, a decision was made to compare the spatial specificity of these two types of crime in the two largest cities of Kazakhstan — Astana and Almaty.

From the perspective of research on the spatial distribution of property crimes and space, we can only rely on studies predominantly conducted on Anglo-American material. Martin Andresen and Jordan Wong, Canadian scholars whose research fields are Spatial Analysis (*Geostatistics*) and Criminology, respectively, in their study (Andresen & Wong 2023) expected that schools, parks, and non-profit housing, by attracting youth, would increase the number of motivated criminals and, consequently, the likelihood of theft would rise. However, the results showed the opposite, indicating that the chances of theft decrease for these areas.

Crimes such as thefts, robberies, and car thefts can occur with varying intensity within neighborhoods and districts. For example, homes in Salt Lake City with well-maintained hedges are less susceptible to theft compared to other homes in the same area. In addition, apartments in Tallahassee that are close to the entrance of the complex and do not have a view of other buildings are more susceptible to theft than apartments within the building that face other buildings. Micro spatial variations also show that stores located near uninhabited areas or away from other commercial points are more likely to be robbed compared to those situated in densely populated commercial districts (Sherman, Gartin & Buerger 1989).

Marcus Felson, Yanqing Xu and Shanhe Jiang, research specialists in Criminal Justice and Information Engineering from the US and China, in turn, analyzed the specialization of property crimes in Detroit and found that only 22 groups of neighborhoods were hot spots for all five types of property crimes. At the same time, 167 groups of neighborhoods were considered hot spots for only one type of crime (Felson, Xu & Jiang 2022). This indicates that the distribution of crimes is uneven and can vary significantly depending on the area. Kate Bowers, a research scholar from Department of Security and Crime Science, University College London, analyzing burglaries in non-residential premises, shows that bars are the main generators

of such crimes, accounting for a third of all incidents. Together with cafes and restaurants, they are the site of half of all burglaries. At the same time, incidents occur in more bustling areas in terms of business activity (Bowers 2014).

Thus, crime hot spots represent diverse and dynamic phenomena, the specifics of which can vary greatly from city to city. In the case of Kazakh cities, we can only roughly say that they tend to occur in lively and densely populated places and have a tendency to ‘gravitate’ towards leisure activity locations.

Data

Several data sources were used for the research. The key one is the information from the ‘Crime Map’ of the Committee for Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan (*Official website of the Committee for Legal Statistics and Special Accounts of the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan*) (hereinafter referred to as CLSA GPO RK). The map displays points of each crime in the Republic with basic information about the incident: article, severity, time of commission, time of registration, type of location (for example, private house, shopping center, or entrance). The map reflects information from the Unified Register of Pre-Trial Investigations (Agybayeva 2023) from the first half of the 2010s and is updated daily. This imposes certain limitations on our analysis, as the register contains only initiated criminal cases, which, for various reasons, may not comprehensively describe the criminal situation in the area. More complete data could come from geolocated reports of incidents from emergency service numbers, however, we do not have such data.

We used information about all crimes that occurred in 2019-2023. At the same time, most of the analysis was conducted only on data from 2023. This period was chosen due to the absence of external and internal shocks occurring in 2020 and 2022 and, possibly, affecting the specifics of crime distribution in urban space.

In the dataset used for 2023, there are 152,296 criminal incidents. For accurate description, based on the literature, we identified three groups of crimes that are expected to have a special spatial specification.

The first of them is theft (*Articles 187, 188 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan*). In the overall array, we find that 66,076 crimes and offenses

were attributed to theft of varying degrees of severity (i.e., 43%)¹. In Astana, there are 9,057 thefts (14% of all such cases in the country), in Almaty 14,007 (21% respectively). Theft is by far the most common crime in the country. However, since we are more focused on mass crimes, we exclude serious offenses from this number, as we assume that planned thefts with significant damage should be studied as cases, rather than through statistical analysis. As a result, we will refer to thefts as crimes under Articles 187 and 188, parts 1 and 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

The second and third groups of interest to us are robberies and assaults on one side and violent crimes on the other. However, we encountered the problem that the number of crimes in each of these groups is insufficient for statistical analysis. For this reason, we decided to combine these categories for research purposes. Understanding that robberies and assaults are conventionally considered crimes against property, we emphasize the violent aspect of these crimes and interpret it in a broad sense (i.e., not always expressed physically). Thus, we refer to violent crimes as incidents classified under Articles: 99, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 111, 114, 191, and 192 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. In our data, we record 9,671 crimes under these articles (6% of all incidents for 2023). In Astana, there are 880 cases (9% of all violent incidents in the country), while in Almaty there are 1,366 (14% respectively).

To conduct the analysis and compare the territories of the cities with each other, we divided the two studied cities into a grid of hexes with a diameter of 500 m. Each hex was assigned information about the total number of crimes in its territory, as well as the number of thefts according to various articles and parts of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Conceptually, we shift the focus of analysis from the immediate points of crime commission (one can draw an analogy with pins stuck in a map) to the study of different areas of the city (analogous to a patchwork quilt). A simple count of points can only show us the variation of incidents across the territory of the city. Studying hexes will allow for a multidimensional analysis by also adding information about the population residing in the area, the type of development, housing prices, and much more. This will enable comparisons of areas based on the characteristics of different crimes as well as other properties of their socio-economic profile.

To compile this profile, we need data on the properties of each hex. To achieve this, we used three different sources through which we approxi-

¹ Due to the specifics of crime registration and their reflection on the map, this number may not coincide with the aggregated indicators of official statistics.

mated three characteristics of the area: the number of residents in the hex, its economic status, and the type of development.

In the first case, we used microdata on the population from the Kontur-Project, specifically prepared for the Republic of Kazakhstan for 2023¹ (*Humanitarian Data Exchange*). The data also represent a grid of hexes with a diameter of 400 m, which were aligned with the hexes for crimes in the studied cities.

To assess economic characteristics, data from the *krisha.kz* website were used². To avoid disclosing personal data, only the geolocation of the advertisement and the indicated price were used. Thus, each hex was assigned information about the average cost per square meter of residential property within it. For hexes where no listings were found, the price was generated based on the average from nearby hexes. The final values were winsorized at the 99th percentile. Another economic characteristic is the business activity in the area. To assess it, each hex was assigned the number of listings for commercial property rentals. Additionally, to approximately evaluate the level of industrialization of the space, hexes were assigned information on whether there is a presence, within them or within 300 m from them, of an announcement about the purchase or rental of production or warehouse premises.

As data on building density, we used the OpenStreetMap portal (*Official OpenStreetMap website*). Thanks to this, we added information for each hex about the percentage of its territory that was built up with buildings, as well as the percentage occupied by park spaces and recreational areas.

In the next section, we analyze only crimes and will use socio-economic characteristics in the corresponding part later.

Analysis of ‘hot spots’ crime in Astana and Almaty

In the first part of the analysis, we will focus on identifying the main spatial characteristics of petty thefts and violent crimes in Astana and Almaty in the context of identifying the ‘hot spots’ of these crimes and assessing their dynamics.

¹ We express our gratitude to the Kontur-Project for providing special population data in the Republic at our request.

² To save the personal data, only information about the price and geolocation of the advertisement was collected.

Astana, the capital of Kazakhstan with a population of over one million people, ranks second in population among the cities of the country. There is a high level of crime observed here, as evidenced by data from 2023: during this period, 20,933 crimes were recorded in the city, which accounts for approximately 14% of the total number of crimes in Kazakhstan¹.

According to media reports, the capital also leads in relative indicators — 127 crimes per 10,000 people (*Urankayeva 2023*). According to various media, the highest concentration of crimes is recorded in the old part of the city — around the central train station (primarily Goethe street), the Lesozavod area, and the central city market area (*Ualikhanov — Seifullin streets*) and in the Abylay Khan Avenue area (*Baigenews 2023*). An unfavorable situation is noted in part of the left bank of the capital — the southeast area (*Uly-Dala and Sauran streets*), the Zhagalau area, Kosshygululy street (Koshina, n.d.). Presumably, these conclusions are based on absolute indicators that only consider the actual number of crimes committed in different locations without taking into account the number of residents living there.

In turn, Almaty, the former capital of Kazakhstan and the largest city in the country with a population of over 2 million people, plays a key role in the economy, science, culture, and production. This leads to the fact that the city registers the most crimes among all regions of the country. According to the data used by the Criminal Procedure Code and Statistics of the Republic of Kazakhstan, 26,846 crimes were recorded in 2023, including 14,007 thefts (i.e., just over half of all incidents).

To provide some characterization of the immediate distribution of crimes in space, we must first understand how meaningful this is, i.e., do the data used satisfy the ‘Law of Crime Concentration’? A positive response will allow us to investigate incidents in more detail, whereas in the negative case we will not be able to identify the ‘hot spots’.

Law of Crime Concentration and the Megacities of Kazakhstan

If the ‘*Law of Crime Concentration*’ holds true for the cities of Kazakhstan, we can expect that a small number of areas in the city account for the overwhelming majority of crimes. To illustrate this, let us refer to *Table 1*, which presents such ratios. The first numerical column indicates the percentage of urban space where all (i.e., 100%) crimes occurred. The last three

¹ Let us remind you that our data may not fully coincide with the aggregated values.

columns show the percentage of crimes in the hexes that correspond to 3%, 5%, and 10% of the city's area, respectively. For example, in the first row ('Entire city area' — 'Astana' — 'Total crimes'), the value '55%' is found in the '3%' column. This means that 55% of all crimes in Astana occur in 3% of the urban territory.

Sample			Percentage of space that accounts for 100% of crimes	Percentage of crimes (by columns) and percentage of space (by rows), where they occur		
				3%	5%	10%
All territory of the city	Astana	Total crimes	29%	55%	71%	89%
		Petty thefts	20%	61%	77%	92%
		Violent crimes	10%	65%	81%	100%
	Almaty	Total crimes	44%	38%	50%	70%
		Petty thefts	35%	44%	57%	77%
		Violent crimes	18%	43%	57%	80%
Only dense urban development	Astana	Total crimes	70%	22%	29%	46%
		Petty thefts	66%	26%	35%	52%
		Violent crimes	41%	28%	39%	58%
	Almaty	Total crimes	84%	18%	25%	39%
		Petty thefts	77%	21%	30%	45%
		Violent crimes	52%	23%	32%	47%

Table 1. The ratio of the percentage of crimes to the percentage of the city area where they occur.

Thus, the highest concentration of crime is noted in Astana. Here, one-third of the urban environment becomes the site of 100% of crimes. Moreover, approximately half of all offenses are recorded in just 3% of urban space. For clarity, this area can be compared to the distance from the Central Mosque to Saraishyk street between Kabanbay Batyr and Mangilik El streets. In Almaty, criminal activity is more evenly distributed compared to Astana and covers 44% of the urban territory. However, about 70% of all crimes are concentrated in 1/10 of urban locations, which corresponds to the area of the Nauryzbay district. Accordingly, we can confidently state that the examined Law works for the megacities of Kazakhstan as well.

However, this approach has a significant weakness, as the administrative boundaries of both capitals include large uninhabited areas, which makes the ratio of crimes to urban space more pronounced. A large portion of crimes in both cities occurs in urban areas characterized by the highest population density. Often, this refers to the central part of the city, while the outskirts or suburbs have a less pronounced criminal background.

To provide a more balanced assessment, we also analyze only the territory with predominantly high-rise and dense development. Conditionally, it can be called the urban center in the broadest sense of the word. The results are presented at the bottom of *Table 1*.

If we base the analysis solely on dense urban development, the conclusions take on a more conservative character. 100% of committed crimes occur in 70% of the territory of Astana, which makes the proportions less pronounced. In the context of petty thefts and violent crimes, we observe a somewhat greater difference in the ratio (66% and 41% respectively). In Almaty, similar relationships can be recorded.

However, given that about half of crimes occur in almost all cases on 10% of urban territory, we can speak of adherence to the Law of spatial distribution of crime, but in significantly fewer situations. Thus, the subsequent analysis is intended to focus more on the spatial distribution of criminal activity of approximately half of all criminal incidents, rather than to describe them completely.

It is also worth noting that the use of a strategy based on the analysis of 'hot spots' is not a universal method applicable to all types of crime, as some of them do not have a spatial attachment (corporate crimes, cyber fraud, remote crimes) or it is not as pronounced (classic frauds).

'Hot spots' of Astana

In this section, we will analyze the spatial distribution of crimes in the city. Astana and Almaty, paying special attention to the issue of identifying 'hot spots' in urban space. It is important to note that our results will not duplicate crime distribution maps in urban space (*which you can find in the Appendix*), as crime is a deeply social phenomenon. This means that the number of crimes in any given area often reflects not the criminality of the territory, but its population. In order to understand where the most crimes occur, we take not the absolute value (the number of crimes per hectare), but the relative value — the number of crimes per 1000 residents per hectare. Thus, we can understand which areas require more attention from law enforcement, despite a small number of criminal incidents.

In modern criminology, several approaches have been developed to identify hot spots, i.e., areas where an anomalously high number of crimes

occur. We prefer the *Getis-Ord Local Gi* (or *Gi-statistics*) (Getis & Ord 1992; Fortin & Dale 2009), as it allows us to identify not individual hexes of space as ‘hot’ or conversely ‘cold’, but to construct entire problematic areas. However, this approach has a weakness, as it pays less attention to isolated hexes with a high number of crimes (for example, shopping centers).

More formally, using Gi-statistics, we compare the environment of each hex (let’s call a certain hex X1) with the environments of other randomly selected hexes (for example, X2, X4, and so on) in our data. We are investigating how the environment X1 may randomly occur in our data. If X1 is non-random, we say it is a ‘hot’ or ‘cold’ spot. To understand which one it is, we assess the difference between the environments X1 and a set of randomly selected environments of other hexes (X2, X4, etc.). When comparing, the more crimes in X1, the more confidently we call it a hot spot, and the fewer crimes, the more we call it a cold spot.

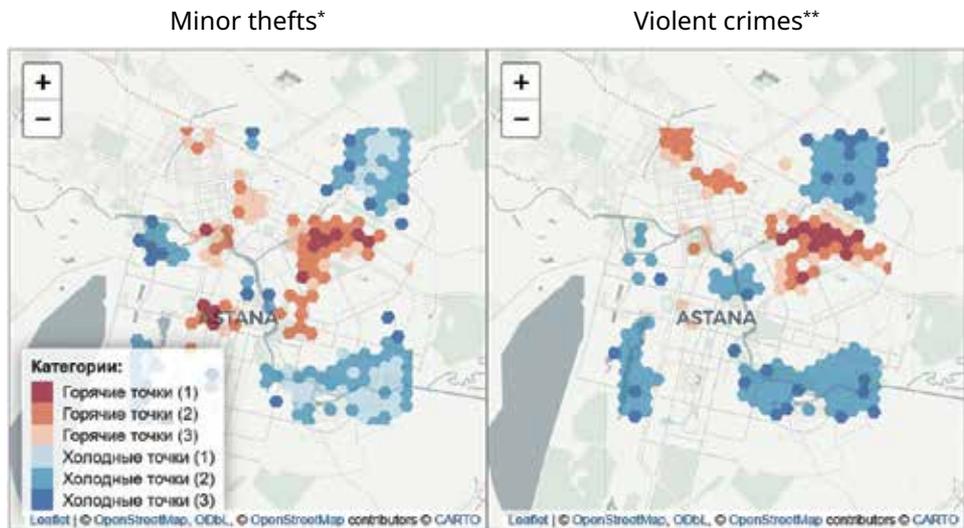

Figure 1. Gi-statistics for crimes per 1000 residents in the urban area of the City of Astana.

The graph is interactive. Hover over the area of interest to find out its value. To change the scale of the assessment, switch the tab at the top. Urban development refers to the area of the city without sparsely populated outskirts.

* Articles 187, 188 Part 1, 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

** Articles 99, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 111, 114, 191, 192 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

Let us remind you that we are analyzing the number of crimes (violent and minor thefts) per 1000 residents in a hex.

We will analyze the relationship between location and crime rates in Astana, considering the number of crimes committed per 1000 residents. Figure 1 presents a map of Gi-statistics, where 'hot spots' are highlighted in red spectrum, and the blue spectrum indicates 'cold spots', i.e., statistically low crime numbers. Colorless areas indicate the absence of statistical significance, i.e., neighboring areas with similar hexes could have arisen by chance due to fluctuations in various common causes of crime.

As shown in *Figure 1*, the law of crime concentration has been confirmed in relation to violent and property crimes in Astana. Thus, both petty thefts and criminal incidents involving violence in a broad sense occur more frequently in the city center, where there are large flows of people, rather than closer to the outskirts, thereby partially mirroring the population density map. It has also been found that the districts of the city located on the right bank of the capital are more susceptible to the specified types of crimes.

Now let's examine the distribution of crime across the city's territory in more detail. In urban folklore, it is traditionally believed that the most criminal areas in *Astana* are the *Saryarka* district and marginalized parts of the city such as *Lesozavod*, *Kirpichny*, the markets *Artem*, *Alem*, etc., the train station area and its adjacent territory. However, from the perspective of relative values, this is not always the case. As a result of the analysis of Gi-statistics, the most pronounced hot spot of violent crime in Astana is located in a residential area of the city characterized by uniform Khrushchyovka-style buildings. At the same time, this is the territory around the campus of ENU, gradually extending towards the area of the 7th clinic, which is notable for its dense construction and a high degree of affordable rental housing. The sharpness of criminality decreases closer to the southeast, which is also an area of rental housing, but possibly due to the differences in the type and nature of housing (the private sector area), the criminogenic effect gradually loses its strength.

To some extent, we can identify both a hot spot and the areas of the *Water-Green Boulevard*, smoothly continuing the trend towards the *Botanical Garden*. Despite its relatively prosperous reputation, this area may attract not only tourists but also criminals. It is possible that these reasons may be related.

The minimum level of violent crime is noted in the European quarter of the capital, in the residential area of the new train station, the industrial part of the city, and in the residential areas near the shopping center *Khan Shatyr* and partially in the *Kurgaldzhin* highway area. In the case of minor property crimes, similar spatial patterns have been established. Despite the

small number of crimes, the ENU area with territories within a couple of kilometers to the southeast and northwest stands out as a *'problematic'* area when considering the number of residents living there. Minor thefts are less represented on the outskirts of the city, in elite residential areas of the left and right banks, and in industrial zones.

Overall, in Astana, violent and property crime exhibit similar patterns of distribution across the city's territory. However, the scale of coverage of urban space by minor thefts is significantly greater compared to violent types of crime. While the former have distinct *'zones'* or *'belts'*, the latter are more sporadically dispersed throughout the city.

'Hot spots' of Almaty

Let us consider *Figure 3* with the distribution of violent crime and minor theft per 1000 residents.

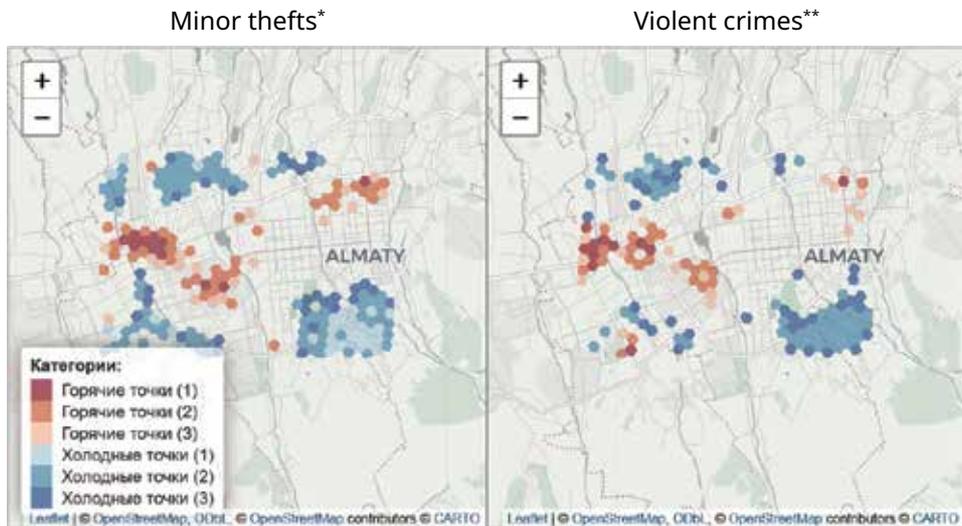

Figure 3. Gi-statistics for crimes per 1000 residents in the urban development of Almaty.

The graph is interactive. Hover over the area of interest to find out its value. To change the scale of the assessment, switch the tab at the top. Urban development refers to the area of the city without sparsely populated outskirts.

* Articles 187, 188 Part 1, 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

** Articles 99, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 111, 114, 191, 192 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

In Almaty, property crime is concentrated in the city center — the most criminally active areas are characteristic of the *Almalinsky*, *Bostandyk*, and *Alatau* districts. The main attractors are places of mass gathering of people — train stations, car service centers, markets; spaces intended for leisure; residential areas with uniform dense construction. At the same time, in the hexes located in the foothills of the city (*Mountain Giant*), there is a statistically small number of crimes, which may be explained by the low population density in those areas and a fairly prestigious socio-economic status. We can also observe a certain spike in crime in the Medeo complex area.

The map of violent crimes is almost identical to the distribution of property crimes in Almaty. However, violent incidents occur several times less frequently than minor thefts. From a geographical perspective, violent crimes are represented by several hotspots — *Almaly* district, *Auezov* district, *Naurzbyay* district, *Tuksib* district.

The dynamics of hot spots from 2019 to 2023

In the case of analyzing ‘hot spots’, researchers are often more interested in the temporal aspect of crime rather than its spatial aspect. We also could not overlook this question and studied how hot spots in the city changed from 2019 to 2023. The results for Astana is represented in *Figure 5*, while Almaty is shown in *Figure 6*. However, to understand the graph, it is necessary to provide explanations regarding the methodology of its calculations.

To assess the dynamics of crime changes in the city, we obtained Gi-statistics from the previous section for all crimes in the studied cities over the years for five years. It is worth noting that we used population data for the area only for 2023, due to the lack of similar sources for previous periods. As a result, for each hexagon in each year, we obtained two parameters: statistical significance, by which we can classify the hexagon as a point for analysis, and the value of the *Gi-statistic*, which indicates whether it will be a ‘hot’ or ‘cold’ point.

After this, based on existing classifications, we identified several groups of hexes with different temporal dynamics:

1. Territories that had statistical significance for five or four years in the studied period. For them, we conducted the *Mann-Kendall test*, which shows the monotonicity of the growth of the Gi-statistic value in the studied period. The test could show values from -1 (rapid and constant decline) to 1 (rapid and constant growth). If the test value was greater than 0.5 , we marked the hex as ‘Hot, Growing’; if less than -0.5 — ‘Hot, Fading’; and for values between -0.5 and 0.5 — ‘Hot, Uncertain Dynamics’;

2. If a point had statistical significance for two or three years in the studied period, it was categorized as ‘Hot, unstable’;
3. If a point gained significance only in 2023 or the year before, we recorded it as ‘Hot, new’.

The graphs below present the distribution of points by these types. We propose to analyze only the categories of ‘growing’, ‘fading’, and ‘new’.

Thus, in the case of Astana, we observe that petty thefts in the old part of the city are gradually declining, while the statistical values for similar crimes in the area of *Central Park*, *Nurzhol Boulevard*, *Presidential Park*, and *Mega Silk Way* are steadily increasing. As expected, we also record new hot spots in the area of new construction in the west and south of the city. A rare exception to the stable growth of statistics in the northern and eastern parts of the city is the ENU named after Gumilyov, which may be explained by the increase in the number of students at the university.

If the decline in the effect of petty thefts in the ‘*Tselinograd*’ part of the city is characterized by a significant and related spatial area, then violent crimes exhibit the same trend only in certain ‘*episodic*’ hexes. At the same

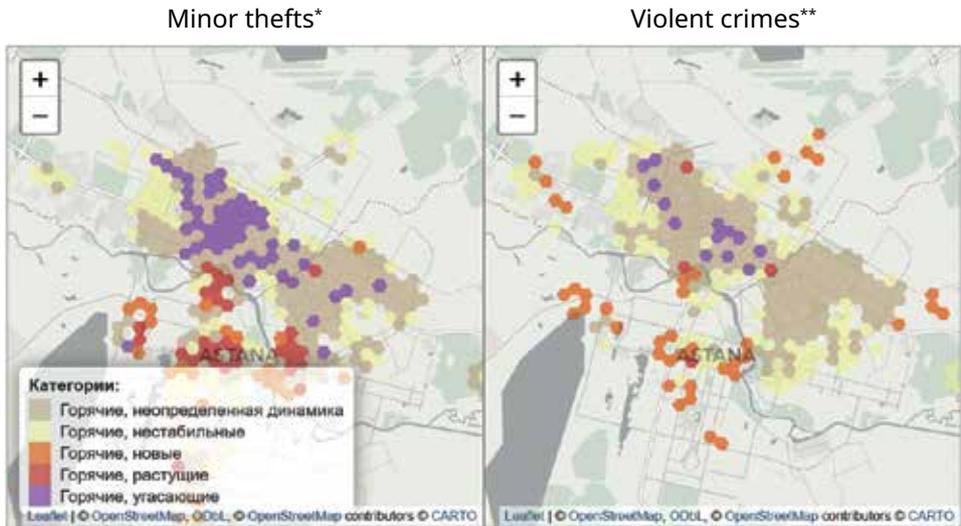

Figure 5. Dynamics of ‘hot spots’ for crimes per 1000 residents in the city of Astana from 2019 to 2023.

The graph is interactive. Hover over the area of interest to find out its value.

* Articles 187, 188 Part 1, 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

** Articles 99, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 111, 114, 191, 192 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

time, for almost the entire left bank of the capital, the relative increase in the studied indicator for violent crimes is a relatively new phenomenon.

Transitioning to the context of Almaty, we expect to see the emergence of new ‘hot spots’ in the areas of new residential developments in the west and north of the city. At the same time, one can observe the emergence of violent crime points in the private sector in the southwest. The distinction between the two studied types of crimes can also be seen in the patterns of fading ‘hot spots’. The gradual decline of violent crimes is characteristic of the *Mega-Park* area, in the space from the *Green Bazaar* to *Raiymbek Avenue* and in the vicinity of the *PKiO Family park*. The effect of petty thefts decreases in certain hexes to the west of the lake. *Sairan*, in the territory of Medeu, while it grows in the area around the car market *Zhibek Zholy* and *Mega Center*.

In our interpretation, we wanted to note that the presented analysis speaks **not** to the dynamics of growth or decline **number of crimes**, but to the change in the ‘*weight*’ of a particular hex in the overall picture of crime

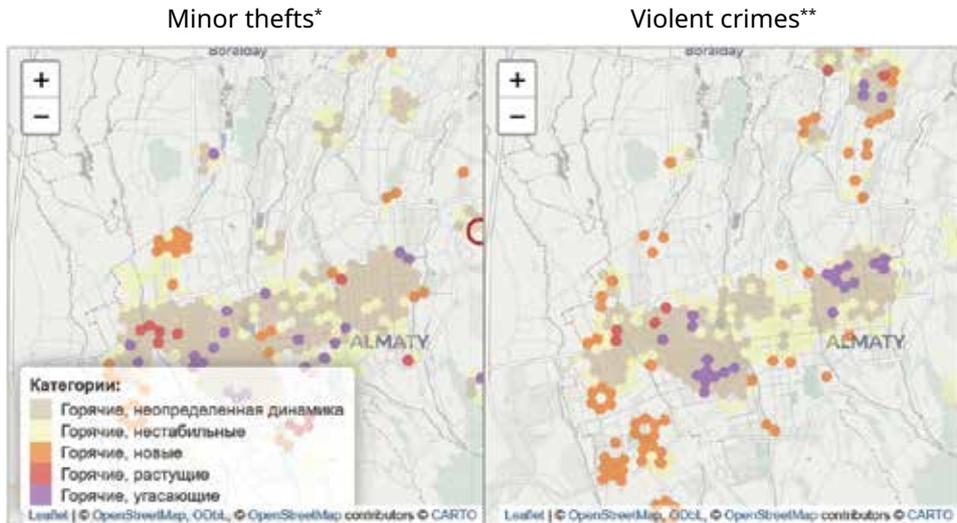

Figure 6. Dynamics of ‘hot spots’ for crimes per 1000 residents in the city of Astana from 2019 to 2023.

The graph is interactive. Hover over the area of interest to find out its value.

* Articles 187, 188 Part 1, 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

** Articles 99, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 111, 114, 191, 192 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

in the city over five years. At the same time, we analyze crime in relative terms — as the number of incidents per 1000 residents of the hex.

The relationship between crime and socio-economic characteristics

In the previous section, we provided a general description of the distribution of petty thefts and violent incidents in two megacities of Kazakhstan. However, this analysis gives us too few answers regarding the relationship between crimes and the socio-economic characteristics of the space in which they occur. Understanding such relationships will allow us to better comprehend the causes of spikes in criminal activity in a given area and more effectively develop crime prevention policies. To clarify this issue, we will use regression analysis.

Categories of crime places

To contextualize this part, we will start with a rhetorical question. From the perspective of spatial characteristics, can we compare theft in a park and theft in a shopping center? Based on the research tradition, we tend to give a negative answer, as different territories generate or attract crimes differently. For example, a shopping mall is an expected point of concentration for criminal incidents and does not require special spatial analysis (at the city level), unlike thefts on the streets. To understand the characteristics of places where crimes occur, we need to analyze only those locations that cannot generate or attract crime by themselves and are considered as cases: in private sectors, apartment buildings, and adjacent properties, in public street spaces. The data used in the *Crime and Security Analysis of the Republic of Kazakhstan* records more than fifty diverse types of crime locations. To simplify the analysis, we classified all locations into ten main groups. As shown in Table 2, in Astana, property crime is predominantly localized in commercial establishments (29%), in multi-story residential buildings and their adjacent areas (14.5%), and on the streets of the city (10.5%). In Almaty, the trend is similar; however, the list of primary locations for property crimes is supplemented by the private residential sector and transportation facilities: commercial establishments (25.7%), street public spaces (17.8%), transportation facilities (11.2%), private non-commercial property (9.9%), multi-apartment buildings and adjacent property (9.1%).

In Astana, there is a trend of violent crimes predominantly occurring in public spaces (37.7%), i.e., in higher education institutions, educational and medical facilities, and others. Next in prevalence are places such as apartment buildings (16.9%) and the private residential sector (8.5%). In Almaty, the violent nature of crimes is noted in half of the cases on the streets (50.1%). Besides street spaces, crime involving violence in a broad sense occurs more often in private residential premises (13.5%) than in multi-story buildings (5.7%).

Crime scene	Astana		Almaty	
	Minor thefts	Violent crime	Minor thefts	Violent crime
Multifamily houses and adjacent property	1112 (14.5%)	149 (16.9%)	994 (9.1%)	77 (5.7%)
Private (non-commercial) property	373 (4.8%)	75 (8.5%)	1086 (9.9%)	184 (13.5%)
Public outdoor spaces	807 (10.5%)	332 (37.7%)	1955 (17.8%)	683 (50.1%)
Cultural, educational, recreational, and GRB facilities	570 (7.4%)	68 (7.7%)	633 (5.8%)	36 (2.6%)
Public goods (indoors)	119 (1.5%)	7 (0.8%)	111 (1%)	10 (0.7%)
Industrial and warehouse premises	39 (0.5%)	0 (0%)	45 (0.4%)	2 (0.1%)
Commercial properties	2231 (29%)	57 (6.5%)	2816 (25.7%)	28 (2.1%)
Transport facilities	415 (5.4%)	9 (1%)	1231 (11.2%)	6 (0.4%)
Other facilities	1932 (25.1%)	163 (18.5%)	1949 (17.8%)	313 (23%)
Total	7694 (100%)	880 (100%)	10961 (100%)	1362 (100%)

Table 2. Number of crimes committed broken down by criminal articles against property (percentage of all crimes is in parentheses).

It is worth noting that despite the interconnection of categories, we proceed from the position of the diversity of crimes depending on socio-economic characteristics and the strategies of the criminal. For this reason, we

exclude from the analysis cultural-educational, recreational, and GRB objects, as well as commercial, transport, production, and warehouse premises. Analysis in these categories will reveal specific types of objects where crimes occur. For example, by studying thefts in places of public goods, we will create a map of schools, hospitals, and universities in the city.

For the three selected categories — private (non-commercial) property, multi-apartment buildings, and street public spaces — such complexities, in our opinion, are not so significant. We assume that crimes in these spaces are distributed throughout the city without strict ties to specific types of objects, and studying their connection with socio-economic characteristics will provide more informative results for understanding and preventing this phenomenon.

Analytical strategy

Thus, for Astana and Almaty, we will analyze changes in the number of two types of crimes (minor thefts and violent crimes) in the hex. Within each type of incident, we distinguish three samples based on their locations: in private (non-commercial) property, multi-apartment buildings, and adjacent property, as well as in public street spaces.

Since up to 80% of the values in the dependent variables are represented by zeros, the number of crimes is countable and varies from 1 to 10, there is overdispersion between the mean and standard deviation, and the distribution of zeros is non-random and related to non-zero values, we opted for negative binomial regression (negative binomial regression) as the key method for analysis.

To study the relationship between the characteristics of a place and the number of crimes, we evaluate a model of the form:

$$\text{Number of thefts}_i^s = \text{Place characteristic}_i^s + \text{Spatial lag}_i + \text{District}_i + \text{Error}_i$$

Where Number of thefts_{*i*}^{*s*} is the number of thefts of type *s* in hex *i*. Place characteristics _{*i*}^{*s*} are represented by the following independent variables for each hex *i*:

- Number of residents in the hex (in thousands);
- Selling price of housing (in 10 thousand rubles);
- Level of business activity. An ordinal variable that we operationalize through the number of advertisements for the rental of commercial premises in the hex. For comparability of results between cities, we coded the absolute number of variables into three categories,

where the reference point is the absence of advertisements in the hex. Among the remaining observations, the lower half of the median is termed ‘*moderate level*’, while the upper half is termed ‘*high level*’ of business activity.

The presence of industrial premises in the hex. Dummy variable. In the presence of or at a distance of 300 m. From him, advertisements for the rental of production premises, the variable took a positive class;

Percentage of buildings in the hex from the total area (in 10%);

Percentage of parks in the hex from the total area (in 10%);

Distance from the city center (in km). This measure is used for a rough assessment of the spatial characteristics of the hex’s location.

The distribution of descriptive statistics for the listed variables is presented in the Appendix in *Table A2*.

Spatial lag_{*i*} — refers to the average value of the dependent variable in the surrounding hexagon. Thus, we account for how the density of crimes in a certain space is related to the surrounding territory (i.e., the spatial effect). This will allow us to separate the effects of other variables (such as population) from what is called ‘spatial diffusion of crime’ — in location X, there may be many criminal incidents because crime has increased in the adjacent space.

The district_{*i*} represents the fixed effect of the district for Astana and Almaty for hex *i*, while the error_{*i*} is the error. For each of the models, robust errors are calculated with clustering by the districts of the city in the case of Astana and Almaty.

The ‘portraits’ of typical theft and violent crime. Results of the analysis.

What spatial characteristics are associated with the level of violent crimes or thefts? To answer this, we will refer to *Tables 3 and 4*.

Minor thefts	Violent crimes					
	Private houses	Street spaces	Multi-apartment buildings	Private houses	Street spaces	
Population (in thousands)	2.622***	5.040***	1.911*	1.837**	8.281*	2.307***
	(0.169)	(0.285)	(0.297)	(0.236)	(0.833)	(0.078)
Selling price per m ² (in 10 thousand tenge)	0.892	0.836	0.845*	0.893	1.060	0.915
	(0.061)	(0.110)	(0.086)	(0.277)	(0.305)	(0.093)
Level of business activity (moderate)	2.528***	1.931	2.644***	2.043	2.122***	2.439***
	(0.187)	(0.400)	(0.154)	(0.639)	(0.211)	(0.129)
Level of business activity (high)	2.096***	1.946	2.177***	2.783	1.429	2.440***
	(0.106)	(0.422)	(0.159)	(0.742)	(0.321)	(0.269)
Presence of industrial premises in/near the hex	0.911	0.961	1.156	0.864	1.440	1.069
	(0.455)	(0.404)	(0.198)	(0.464)	(0.339)	(0.265)
Percentage of buildings in the hex from the total area (in 10%)	1.255***	1.272*	1.299*	1.516***	1.127	1.361***
	(0.064)	(0.099)	(0.130)	(0.122)	(0.163)	(0.053)
Percentage of parks in the hex from the total area (in 10%)	1.066	1.162	1.142*	0.819	0.885	1.143
	(0.075)	(0.086)	(0.053)	(0.112)	(0.131)	(0.069)
Distance from the city center (in km)	0.740***	0.860***	0.764***	0.771*	0.961	0.816***
	(0.030)	(0.005)	(0.023)	(0.117)	(0.051)	(0.053)

Minor thefts	Violent crimes					
Multi-apartment buildings	Private houses	Street spaces	Multi-apartment buildings	Private houses	Street spaces	
Spatial lag	1.384*** (0.072)	1.329 (0.176)	1.482*** (0.108)	2.652* (0.485)	1.389 (0.869)	1.786*** (0.151)
Constant	0.755 (0.419)	0.130*** (0.296)	0.639 (0.644)	0.124 (2.092)	0.005** (1.779)	0.135** (0.696)
District	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes
Num.Obs.	3497	3497	3497	3497	3497	3497
AIC						
In parentheses are robust standard errors clustered by city districts						
The coefficients are exponentiated to obtain the incidence rate ratio						
* p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001						

Table 3. Negative binomial regression for the city of Astana.

As shown by the analysis in *Table 3*, the strongest predictors are the population size, the level of business activity, and the density of residential buildings in relation to each other.

The largest positive effect on the number of minor thefts and violent crimes is associated with the number of residents in the hex. Especially concerning the criminal situation in the private residential sector. For example, with an increase in the total number of residents in a hex with crimes in the private sector by 1,000 people, the number of minor thefts in that area will increase by 400% and violent crime by 700%. Perhaps such a large difference is due to the lower population density in this type of housing. In this case, the effect of an additional thousand residents on crime in apartment buildings and on the streets of the city provides a more balanced picture — an increase of 80%-160% under otherwise equal conditions.

The level of business activity as a factor that can affect the dynamics of crimes also has a positive significance. If there is moderate business activity in the hex (the number of office rental advertisements is less than or equal to three), the expected number of thefts in apartment buildings and on the streets in Astana will increase by approximately 150%. A similar effect of the business activity predictor is observed in relation to violent crimes in street areas and, somewhat lower, in the private sector (110%). A high level of business activity overall shows similar effects: from 110% to 140%.

The density of urban development is also significant in the probability of committing crimes. With a 10% increase in the density of a hexagon's territory, the number of petty thefts increases by 20% in all three main crime locations, while the number of violent incidents will increase by between 10% and 50% depending on the specifics of the location.

In the regression results, there are predictors that are associated with dependent variables not only positively but also negatively. That is, with their increase, the number of crimes decreases. Such variables include the distance from the city center and real estate prices. If the hex is removed by 1 km. from the center further than another with the same other characteristics, it will have, on average, 20-25% fewer thefts and almost the same amount fewer violent crimes in high-rise buildings and in the street space of the city. This predictor has no effect on the distribution of violent crime in the private sector.

Regarding the connection with the economic characteristics of the area, it can be observed that if the price of real estate in the area of Astana increases by 10,000 tenge, the potential number of street thefts decreases by 8%. In the case of other types of spaces or violent offenses, the price of housing in the hex does not have any effect.

The predictor 'percentage of park area in the hex relative to the total area (at 10%)' has an expectedly pronounced positive correlation in the case of street thefts (15%).

The significance of the spatial effect has been identified in the case of property and violent crimes in apartment buildings and on the streets. That is, if the specified types of crimes show a positive trend in a certain hex, an increase in similar crime is expected in neighboring hexes. This effect is most pronounced (however, at the borderline significance) in the case of violent crimes in apartment buildings. That is, if an average of one incident of this type occurs in the surrounding hex, then in the hex itself, approximately 160% (or at least one and a half times) more crimes are expected, all else being equal.

At the same time, no significant relationship was found between the dependent variable and the number of industrial objects in the urban space.

The criminal profile of Almaty is largely determined by the same predictors that are significant for the space of Astana. However, some differences are recorded. Let us consider them in more detail in *Table 4*.

In Almaty, the predictor 'the number of residents living in a hex' has a strong and significant effect in the case of property crime, regardless of the location of the incident. Adding 1000 residents to the hex increases the expected number of thefts by 50%. Moreover, the effect is also observed in relation to violent crime in public spaces (about 45%).

A factor such as the area of development in the hex demonstrates a stable positive correlation in predicting both property incidents and violent crimes. With each percentage increase in development in the hex relative to the total area, the expected number of thefts and violence increases on average by 30%.

In Almaty, the factor of business activity has an abnormally high significance on the commission of crimes. Thus, the more the business sector is

Minor thefts	Violent crimes					
	Private houses	Street spaces	Multi-apartment buildings	Private houses	Street spaces	
Multi-apartment buildings						
Population (in thousands)	1.572*** (0.128)	1.524*** (0.065)	1.479** (0.144)	1.664 (0.393)	1.275 (0.170)	1.423* (0.146)
Selling price per m ² (in 10 thousand rubles)	1.010 (0.061)	0.996 (0.070)	0.924* (0.038)	0.801** (0.077)	1.142* (0.065)	0.963 (0.050)
Level of business activity (moderate)	2.478*** (0.107)	1.718*** (0.128)	2.256*** (0.073)	3.960*** (0.391)	1.744* (0.253)	2.098*** (0.203)
Level of business activity (high)	3.863*** (0.183)	2.291*** (0.157)	3.160*** (0.121)	2.690* (0.499)	2.042* (0.288)	2.826*** (0.240)
Presence of industrial premises in/near the hex	0.794* (0.113)	1.326** (0.106)	1.079 (0.096)	0.760 (0.336)	0.953 (0.238)	0.939 (0.224)
Percentage of buildings in the hex from the total area (in 10%)	1.379*** (0.066)	1.256** (0.072)	1.329*** (0.057)	1.539*** (0.115)	1.311*** (0.050)	1.368*** (0.066)
Percentage of parks in the hex from the total area (in 10%)	0.960 (0.056)	0.917 (0.094)	1.097 (0.060)	1.019 (0.141)	0.819 (0.159)	1.098 (0.074)
Distance from the city center (in km)	0.905** (0.035)	0.924* (0.039)	0.891*** (0.031)	0.948 (0.124)	0.852*** (0.044)	0.862*** (0.032)

Minor thefts	Violent crimes					
	Private houses	Street spaces	Multi-apartment buildings	Private houses	Street spaces	
Multi-apartment buildings						
Spatial lag	1.654*** (0.067)	1.747*** (0.044)	1.516*** (0.048)	5.227* (0.832)	1.972 (0.460)	1.905*** (0.116)
Constant	0.134** (0.702)	0.386 (0.639)	0.448 (0.572)	0.007* (2.352)	0.236 (0.808)	0.206** (0.527)
District	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes	Yes
Num.Obs.	3187	3187	3187	3187	3187	3187
AIC						
In parentheses are robust standard errors clustered by city districts						
The coefficients are exponentiated to obtain the incidence rate ratio.						
* p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001						

Table 4. Negative binomial regression for Almaty

represented in the area, the greater the number of crimes (property and violent) one should expect. The effect is particularly pronounced in the case of violent crimes in multi-apartment residential buildings and the surrounding area (about 400%).

In addition, a significant negative correlation is observed with the predictor '*distance from the city center*'. If the hexagon is removed from the center by 1 km and more, there will be 10% fewer thefts of all three types and 15% fewer violent crimes in residential areas and on the streets.

The economic factor in the distribution of crime in Almaty has an ambiguous effect. In relation to violent crime in the private sector, it has a positive effect (an increase in housing prices leads to a 15% increase in the expected number of crimes), while with the dynamics of street thefts and violent crimes in high-rise buildings, this predictor is negatively correlated (by 20% and 8% respectively).

A similar trend was identified in the analysis of the significance of such a factor as 'the presence of industrial objects in the hex'. In particular, this factor has a negative impact on property crime in apartment buildings, while it has a positive impact on thefts in the private housing sector. That is,

if there are production facilities in the hex, the potential number of thefts decreases by 20% in the first case, while it increases by 30% in the second.

The analysis did not reveal a connection between the distribution of crimes in the urban space of Almaty and the presence of a park zone in this space.

Regarding the spatial effect, a strong significant effect of mutual influence of the criminal situation in urban spaces on each other has been identified in Almaty, just as in Astana. Particularly noteworthy is the strength of the spatial effect of violent crimes in high-rise buildings (the number of crimes increases by 420%). That is, let's take, for example, a hex in an area with high-rise construction. If we can average one assault in the six surrounding hexes, the likelihood of a violent crime occurring in the discussed hex increases by 420%.

A comparative analysis of the distribution of property and violent crimes in the cities of Astana and Almaty showed that, all else being equal, the commission of these types of crimes in the city is determined by:

- A large resident population;
- High building density;
- A high level of business activity;
- Positive criminogenic dynamics in neighboring areas;
- Close proximity to the city center.

In addition to the listed predictors, an inverse relationship was identified in Astana between the socio-economic profile of the district and the likelihood of crimes occurring in it. We also found that the neighborhood's proximity to parks differently affects the dynamics of crime in Astana depending on the type of building and housing structure. The presence of industrial facilities within or near the hex reduces the number of thefts in apartment buildings in Almaty. In Almaty, the price of real estate also has a different effect for different types of spaces where the crime occurred.

‘Latent hot spots’. In which spaces do more thefts occur than predicted by the model?

Above, we examined a typical minor theft and a violent crime in the two largest cities of Kazakhstan. However, due to the statistical nature of our conclusions, it is not possible to provide a comprehensive explanation of the phenomenon under study. In the statistical analysis of social phenomena, the model used can explain the presence and strength of the relationship between phenomena for most, but not all observations. It can be ex-

pected that a number of hexes in space do not conform to general patterns and should rather be considered separately. In this case, for the model, they will be a kind of 'blind spots'. For example, according to the model, hex X should have a certain number of crimes as it possesses certain characteristics. However, in real data, we observe significantly fewer or more criminal incidents.

Such exceptions to the rules require separate analysis and are subject to study using the case study method. In our work, we refer to these zones that deviate from the analysis as 'latent hot spots' and argue that latent hot spots deserve no less attention, as they can shed light on unaccounted but nonetheless important factors causing the commission of crimes. This knowledge about atypical determinants of crime rates will enhance the effectiveness of preventive work by law enforcement agencies.

Figure 7 shows the hexagons where the difference between the actual number of crimes and the expected number based on modeling results exceeds five. The color reflects the magnitude of this difference. It is presented in absolute values, which are unique to each type of territory, crime, and city, and therefore is not provided on the graph as numbers. For this reason, we will only consider hexagons of saturated color for analysis.

The study of latent hot spots in Astana demonstrates that they are primarily identified in sparsely populated areas. As shown above, the statistical model established a connection between the number of residents in an area and the frequency of crimes committed in that area. According to this logic, crimes should occur significantly less frequently on the outskirts of the city, but as the analysis shows, in some cases they are recorded anomalously more often. Such areas in Astana are:

- Private sector of the village *Talapker*;
- Private sector on *Dosmambet Zhyrau*;
- Vacant lots near *Ob'yездnaya* street;
- The area of the cemetery near the *Karaganda* highway;
- *Koksai* street in the village of International;
- *Dacha* communities near the village of *Prigorodny*;
- Cottages under construction on *Uly Dala* Street.

In the specified areas, an unusually large (in the context of modeling) number of registered street violence is recorded. Property street crimes are noted in the *Koktal* microdistrict (*Tlendiyev*), on the outskirts near the street. *Northern Bypass*, on the *Kurgaldzhin* highway, and again in the territory of the suburban *dacha* areas.

A significant number of violent crimes are observed on *Turan* avenue near the park, on *Nurzhol Boulevard*, and in the vicinity of *Sauran-Orynbor* streets. Minor thefts are registered unusually often on the street. *Kaban-*

Figure 7. The difference between predicted and actual values for urban development in Astana*

The graph is interactive. Hover over the area of interest to find out its value. To switch cities, click the tab at the top. In the upper right corner, you can select the type of territory.

* Hexagons with a difference of 5 or more crimes are visualized. Color saturation indicates the difference. Values are not scaled.

** Articles 187, 188 parts 1, 2 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

*** Articles 99, 101, 102, 104, 106, 107, 110, 111, 114, 191, 192 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan.

bai Batyr area near Nazarbayev University, in the private sector along the embankment, in the ‘Astana’ park, and in the European quarters near the *Presidential Park*.

It is possible that the identified latent crime hotspots are due to the characteristics of the space. In almost all cases, these are uninhabited territories. The likelihood of remaining unnoticed and leaving the crime scene in such situations is high. One cannot exclude the factor of ‘*patrol districts*’, where law enforcement officers ‘mark’ all incidents with an undefined location of the crimes on certain objects.

In Almaty, the patterns of latent hot spots coincide. These are mainly areas with infrequent flows of people or private sectors closer to the outskirts of the city. Thus, violent street crimes are anomalously often recorded here:

- The cemetery ‘*Batys Ziraty*’ (western part of the city);

- A construction site in the *Algabas* microdistrict (possibly a ‘*duty area*’);
- The private sector on *Akbulak Street*;
- *North Ring Highway*;
- *Medeu*.

Violent crimes in high-rise buildings are registered in the Kalakman-2 microdistrict, particularly in its upper (*Shalyapina-Ashimova*) and lower parts (*Rayimbek Avenue — Alty Alash*). Incidents also frequently occur in the industrial areas of the *Alatau* district on *Nemirovich-Danchenko* streets.

Unexpected indicators of street property crime have been identified in the Turkibsky district around *Medeu* and higher in areas characterized by a high socio-economic status. In the area of multi-story residential buildings, petty thefts occur in the *Shugyla* microdistrict at the intersection of *Abay Avenue*. At the same time, atypical attacks on property crimes are prevalent in the private sector of microdistricts 5 and 8 along the same *Abay* avenue and in the central part of the city along *Seifullin — Abay — Satpayev* streets.

Appendix

Aggregating category (authors’ data)	Subcategories (data from the Criminal Policy and Statistics Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan)
Public outdoor spaces	park (square), street, street (square), other street areas, beach
Private (non-commercial) property	from the car salon, garage, personal transport, shed, private yard, under construction private house, private yard, including fenced, dacha, house
Multifamily houses and adjacent property	apartment, basement, dormitory, attic, entrance of a residential building, unfenced yard of the house (excluding private ones), elevator shaft
Cultural, educational, recreational, and GRB facilities	cultural center, museum, nightclub, theater/ cinema, rest house (sanatorium), hotel, gambling business facility, theater, trading house, cafe, restaurant, cloakroom

Aggregating category (authors' data)	Subcategories (data from the Criminal Policy and Statistics Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan)
Public goods (in the premises)	buffet, higher education institution, kindergarten (nursery), educational institution, medical institution, places of religious worship
Commercial properties	joint-stock company, joint-stock bank, state bank, intergovernmental bank, foreign participation bank, private bank, cash desks of enterprises and institutions, pawnshop, kiosk, private shop, office, market, pharmacy, joint-stock company, exchange point, post office
Transport facilities	bus station, parking lot, highway (route), gas station, air terminal, airport, carriage, railway station, sea (river) station, public transport, automotive transport, air transport, railway transport, sea, river, platform, passenger train compartment, other mechanized transport, metro
Industrial and warehouse premises	base, production facilities, industrial premises, warehouse, storage, utility rooms of residential buildings, utility rooms of kitchens
Other facilities	other premises, different locations, military facilities, barracks, containers, forest, forest planting, pasture, thermal tracks, water bodies, sewage wells, wasteland, ravine, cemetery, riverbank, service offices, buildings under construction or abandoned, underground communications
Not specified	-

Table A1. Categorization of spaces used in the work

For numerical variables: mean [median] (standard deviation). For textual: percentage of hexes where the category occurs

Variable	Astana	Almaty
Population (in thousands of people)	0.23 [0.01] (0.42)	0.61 [0.21] (0.74)
Price per m2 (in 10 thousand tenge)	3.95 [3.7] (1.25)	7.00 [5.76] (3.06)
Level of business activity (none)	83%	76%
Level of business activity (moderate)	9%	13%
Level of business activity (high)	7%	11%
Presence of industrial premises in/near the hex	9%	16%
Percentage of buildings in a hectare of total area	4.2% [0%] (8.3)	7.6% [1.8%] (10.0)
Percentage of parks in a hectare of total area (in 10%)	1% [0%] (6.6)	1.9% [0%] (10.2)
Distance from the city center (in km.)	10.81 [10.99] (4.36)	11.02 [11.03] (4.80)
Number of observations	3497	3187

Table A2. Descriptive statistics of independent variables in regression

Key findings

The transition to a *service-oriented police* model, as stated by the President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Zhomart Tokayev, is largely based on the idea of increasing the effectiveness of police work. Indeed, as the text of the reform itself states, its goal is to ensure the provision of quality security services to the population and to address related issues in partnership with society.

In our view, improving the quality of police work and establishing a crime prevention policy is impossible without *evidence-based policy* and conducting extensive analytical work to understand the patterns inherent in various crimes in the Republic. *Crime is a social phenomenon*. It can be studied, as well as the connections between it and other phenomena, such

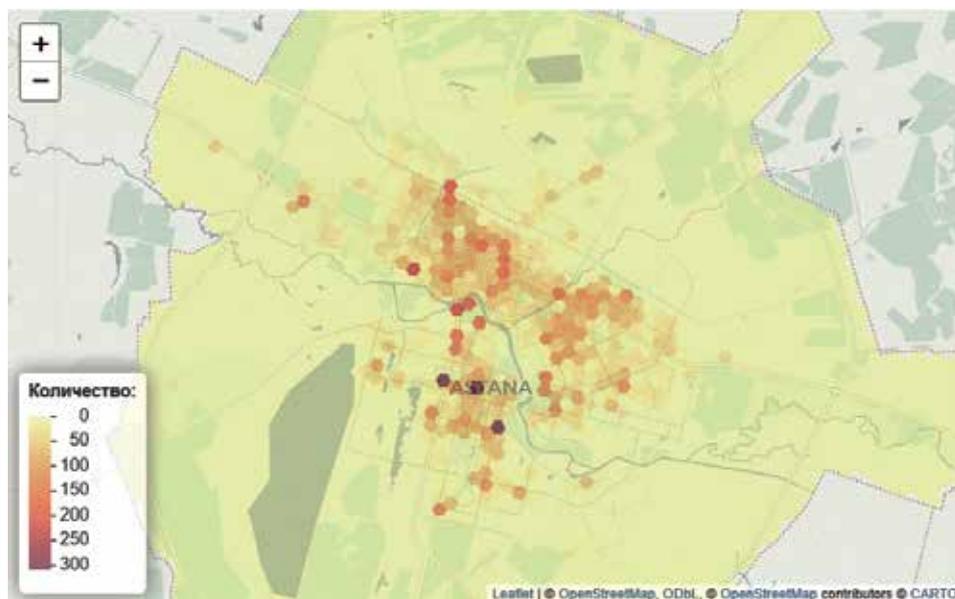

Figure A1. The absolute number of crimes in the urban space of the city of Astana

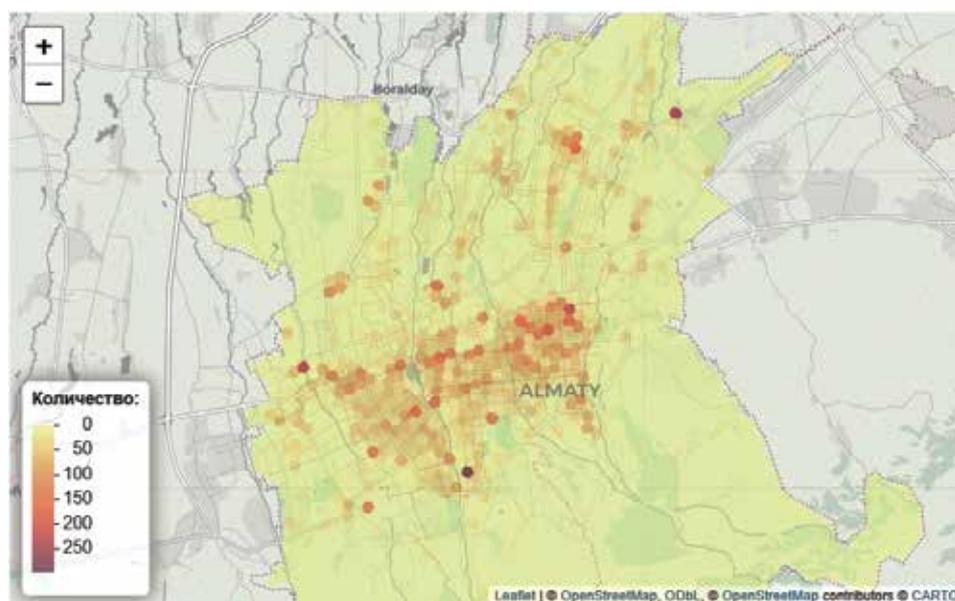

Figure A2. The absolute number of crimes in the urban space of the city of Almaty
The graph is interactive. Hover over the area of interest to find out its value. To switch the type of crime, click the tab at the top.

as income levels, population density, and more. This knowledge can ultimately be used to develop crime prevention policies in the city.

The analytical note based on data from the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan presents a comparison of 'hot spots' for thefts and violent crimes in Astana and Almaty both in their static state as of 2023, and in dynamics over the previous five-year period. In addition, the relationship between the listed types of crimes and the socio-economic characteristics of the area where they occur has been studied, and 'portraits' of typical and atypical crimes have been compiled. Such work has been carried out for the first time using data from the Republic of Kazakhstan and neighboring countries of the post-Soviet space.

Main results:

We find confirmation of the '*law of crime concentration*' in the cities of Kazakhstan. Thus, more than 50% of crimes in Astana occur in 3% of the city's territory, while in Almaty, it is 5%. However, these results become more conservative if we analyze not the administrative boundaries of the city, but the dense development of the urban center. In this case, the ratio becomes approximately 50% of crimes to 10% of territories;

Despite the fact that the absolute number of crimes is concentrated the most in Astana in the area of the '*Astana-1*' railway station, when recalculated per thousand residents in the area, we find the center 'Hot Spots' of crime from the campus of *L.N. Gumilyov Eurasian National University* along *Abylay Khan Avenue*, as well as in the area of the '*Khan Shatyr*' and '*Keruen*' shopping centers. In Almaty, we can identify the areas of the western part of the city along *Raiymbek Avenue* and north of the '*Green Bazaar*'.

From 2019 to 2023, we observe a decrease in the intensity of 'hot spots' for thefts in the right bank part of the capital. At the same time, the decrease in the significance of violent crimes is expressed to a lesser extent. We expect to see the emergence of points in new residential areas in all cases, except for violent crimes in Astana. The new districts on the left bank of the city have not yet shown an increase in this type of incident;

In a typical case, both theft and violent crime do NOT occur in areas with a low population, low building density, low business activity, and characterized by remoteness from the city center. Contrary to expectations, property values in the area were not a significant variable in almost all model specifications. Moreover, we identified a number of urban areas where such a

‘typical’ profile does not explain the high number of thefts. We termed these spaces ‘latent hot spots,’ analyzing them in the text;

By comparing the patterns of property (thefts) and violent crime distribution, we highlight common properties in the context of the socio-economic characteristics of the spaces where they occur. Population, building density, business activity, and location relative to the city center are apparently similarly related to the number of both types of crimes. At the same time, thefts are more characteristic of park spaces in Astana and proximity to industrial premises in Almaty. The main difference is observed in the dynamics of ‘hot spots’ — property crimes in both cities form hot spots more quickly in new residential complexes. Violent crimes, on the other hand, are more rigid and concentrate in the old housing stock.

Recommendations:

More effective planning of comprehensive police forces (CPF). The analysis of hot spots and understanding that certain types of crime have stable connections between the place and time of occurrence can contribute to more effective use of vehicle and foot patrols in these locations to reduce the level of property and violent crimes. Such practices are already being implemented in a significant number of countries in Europe, Asia, and America. Our analysis can serve as the basis for developing a patrol map based on various types of ‘hot spots’;

More effective general prevention measures. Knowledge of hot spots can make the preventive measures of neighborhood inspectors more targeted. Collaboration with the KSK, businesses, and the akimat in specific locations to improve protection, surveillance, presence, including physical lighting, accessibility, as well as targeted information and explanatory work with law-abiding citizens will yield more significant results in reducing crime in these areas and enhancing the sense of safety in local communities. In this case, of course, it is necessary to take into account the effect of ‘displacement’ of crime, which can be timely registered through constant data analysis. The application of the analytical methods presented in this work will allow the police to be more ‘*problem-oriented*’ in the field of security provision, which is one of the components of the ‘service’ police, as stated in the National Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025. (*Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 26, 2021 No. 521: “On amendments to the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 No. 636 “On the approval of the*

Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 and on the recognition of some decrees of the President of the Republic of Kazakhstan as having lost their force”).

Transition to ‘precision policing’. If the initial steps towards creating a ‘data-driven police’ are successful, they can be developed into the currently applied strategy of ‘precision policing’ in the UK and the USA, which is based on the idea of targeting police resources both spatially (at ‘hot spots’) and in relation to offenders (as research indicates that approximately 50% of crimes are committed by about 6% of individuals (*Piquero, Farrington & Blumstein 2003*). The development of this direction will require other analytical methods, which can also be tested on extensive data from the KPSiSU of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.

Библиография / References

Andresen, Martin, & Jordan Wong. (2023). The influence of micro-places on the spatial patterns of property crime in Vancouver, Canada. *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*.

BBC. (2021). Hotspot policing cuts Southend crime by 74%, says Essex force. <https://www.bbc.com/news/uk-england-essex-58591105>

Bowers, Kate. (2014). Risky facilities: Crime radiators or crime absorbers? A comparison of internal and external levels of theft. *Journal of Quantitative Criminology*, 30, 389—414.

Brantingham, Patricia, & Paul Brantingham. (1995). *Criminality of place*. *European journal on criminal policy and research*, 3(3), 5—26.

Eck, John, Spencer Chainey, James Cameron, Michael Leitner, & Wilson Ronald. (2005). *Mapping Crime: Understanding Hot Spots*.

Farrell, Graham, Nick Tilley, & Andromachi Tseloni. (2014). Why the crime drop? *Crime and justice*, 43(1), 421—490.

Felson, Marcus, Yanqing Xu, & Shanhe Jiang. (2022). Property crime specialization in Detroit, Michigan. *Journal of Criminal Justice*.

Fortin, Marie-Josée, & Mark Dale. (2009). Spatial autocorrelation. *The SAGE handbook of spatial analysis*, 89—103.

Garcia, Marie R., Ralph B. Taylor, & Brian Lawton. (2007). Impacts of violent crime and neighborhood structure on trusting your neighbors. *Justice Quarterly*, 24(4), 679—704.

Getis, Arthur, & Keith Ord. (1992). The analysis of spatial association by use of distance statistics. *Geographical analysis*, 24(3), 189—206.

Gill, Charlotte, Alese Wooditch, & David Weisburd. (2017). Testing the “Law of Crime Concentration at Place” in a Suburban Setting: Implications for Research and Practice. *J Quant Criminol* 33, 519—545.

Hipp, John R, & Seth A. Williams. (2020). Advances in Spatial Criminology: The Spatial Scale of Crime. *Annual Review of Criminology*, 3, 75—95.

Humanitarian Data Exchange (HDX). Kazakhstan: Population Density for 400m H3 Hexagons. <https://data.humdata.org/dataset/kontur-population-kazakhstan>

Mawby, Rob C., & Alan Wright. (2012). The police organisation. In *Handbook of policing*, 252—280.

Nelson, Paul. (2015). Violent and property crime trends: local and international comparisons. *Bureau Brief, Issue Paper*, 109.

Piquero, Alex R., David P. Farrington, & Alfred Blumstein. (2003). The criminal career paradigm. *Crime and justice*, 30, 359—506.

Ratcliffe, Jerry. (2010). Crime mapping: spatial and temporal challenges. *Handbook of quantitative criminology*, 5—24.

Sherman, Lawrence, Patrick Gartin, & Michael Buerger. (1989). Hot Spots of Predatory Crime: Routine Activities and the Criminology of Place. *Criminology*, 27(1), 27—56.

Tita, George, & Steven Radil. (2010). Making space for theory: The challenges of theorizing space and place for spatial analysis in criminology. *Journal of Quantitative Criminology*, 264, 467—479.

United Nations Office on Drugs and Crime. (2023). Victims of intentional homicide. <https://dataunodc.un.org/dp-intentional-homicide-victims>

U.S. Department of justice Office of justice programs. Practice Profile: Hot Spots Policing. <https://crimesolutions.ojp.gov/ratedpractices/8#mam>

van Dijk, Jan, Paul Nieuwbeerta, & Jacqueline Larsen. (2021). Global crime patterns: An analysis of survey data from 166 countries around the world, 2006–2019. *Journal of quantitative criminology*, 1—36.

Weisburd, David. (2015). The law of crime concentration and the criminology of place. *Criminology*, 53(2), 133—157.

Weisburd, David, & Anthony Braga. (2006). Hot spots policing as a model for police innovation. *Police innovation: Contrasting perspectives*, 225—244.

World Population Review. (2022). Crime Rate by Country. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/crime-rate-by-country>

Wuschke, Kathryn, Martin A. Andresen, Paul J. Brantingham, Christopher Rattenbury, & Andrew Richards. (2018). What do police do and where do they do it? *International Journal of Police Science & Management*, 20(1), 19—27.

Агыбаева, Л. (2023). О некоторых вопросах упрощения досудебного производства. *Zakon.kz*. <https://sud.gov.kz/rus/massmedia/o-nekotorykh-voprosah-uproshcheniya-dosudebnogo-proizvodstva-lagybaeva-zakonkz-30052023-g>

—Agybayeva, L. (2023). O nekotorykh voprosakh uproshcheniya dosudebnogo proizvodstva. *Zakon.kz*. <https://sud.gov.kz/rus/massmedia/o-nekotorykh-voprosah-uproshcheniya-dosudebnogo-proizvodstva-lagybaeva-zakonkz-30052023-g>

Adilet.Zan.kz. Указ Президента Республики Казахстан от 26 февраля 2021 года № 521: «О внесении изменений в Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 «Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000521#z8>

—*Adilet.Zan.kz*. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 26 fevralya 2021 goda № 521: «O vnesenii izmeneniy v Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 15 fevralya 2018 goda № 636 «Ob utverzhdenii Strategicheskogo plana razvitiya Respubliki Kazakhstan do 2025 goda i priznanii utrativshimi silu nekotorykh ukazov Prezidenta Respubliki Kazakhstan». <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000521#z8>

Baigenews. (2023). Самые опасные места в Астане назвали столичные полицейские. <https://news.mail.ru/society/57232024/>

—*Baigenews*. (2023). Samyye opasnyye mesta v Aстане nazvali stolichnyye politseyskiye. <https://news.mail.ru/society/57232024/>

ван Дейк, Ян, Джон ван Кестерен, Алексей Трошев, & Гэвин Слейд. (2018). Исследование «Оценка уровня безопасности населения и доверия к правоохранительным органам» (международный опрос виктимизации в Казахстане). *Астана*. https://research.nu.edu.kz/ws/portalfiles/portal/16792006/_pdf

—van Deyk, Yan, Dzhon van Kesteren, Aleksey Troshev, & Gevin Sleyd. (2018). Issledovaniye «Otsenka urovnya bezopasnosti naseleniya i doveriya k pravookhranitel'nyim organam» (mezhdunarodnyy opros viktimizatsii v Kazakhstane). *Astana*. https://research.nu.edu.kz/ws/portalfiles/portal/16792006/_pdf

Веркеев, Арсений, & Дмитрий Серебренников. (2023). Жертвы своего страха: Субъективная безопасность и опыт виктимизации в России. *Социологическое обозрение*, 22(2), 179—206.

—Verkeyev, Arseniy, & Dmitriy Serebrennikov. (2023). Zhertvy svoeygo strakha: Sub'yektivnaya bezopasnost' i opyt viktimizatsii v Rossii. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, 22(2), 179—206.

Жижин, Л. А., А. В. Кнорре, Р. К. Кучаков, & Д. А. Скугаревский. Издержки российского общества от преступности: измерение с помощью компенсирующего изменения дохода. http://pe.cemi.rssi.ru/pe_2023_69_091-120.pdf

—Zhizhin, L. A., A. V. Knorre, R. K. Kuchakov, & D. A. Skugarevskiy. Izderzhki rossiyskogo obshchestva ot prestupnosti: izmereniye s pomoshch'yu kompensiruyushchego izmeneniya dokhoda. http://pe.cemi.rssi.ru/pe_2023_69_091-120.pdf

Кошина, Наталья. (n.d.). Самые опасные и самые безопасные города Казахстана. TravelAsk — специализированный поисковик тревел-услуг. <https://travelask.ru/articles/samye-opasnye-i-samy-bezopasnye-goroda-kazahstana>

—Koshina, Natal'ya. (n.d.). Samyye opasnyye i samyye bezopasnyye goroda Kazakhstana. TravelAsk — spetsializirovannyy poiskovik trevel-uslug. <https://travelask.ru/articles/samye-opasnye-i-samy-bezopasnye-goroda-kazahstana>

Официальный сайт Комитета по правовой статистике и специальным учетам генеральной прокуратуры Республики Казахстан. Карта уголовных правонарушений. <https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/experiencebuilder/experience/?id=c048e1f975084dc1957108c00c9fb4d7&page=%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8>

—*Ofitsial'nyy sayt Komiteta po pravovoy statistike i spetsial'nyim uchetaм general'noy prokuratury Respubliki Kazakhstan*. Karta ugolovnykh pravonarusheniy. <https://gis.kgp.kz/arcgis/apps/experiencebuilder/experience/?id=c048e1f975084dc1957108c00c9fb4d7&page=%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8>

Официальный сайт Президента Республики Казахстан. (2023). Президент провел расширенное заседание коллегии министерства вну-

тренних дел. <https://www.akorda.kz/ru/prezident-provel-rasshirenoe-zasedanie-kollegii-ministerstva-vnutrennih-del-3052832>

—Ofitsial'nyy sayt Prezidenta Respubliki Kazakhstan. (2023). Prezident provel rasshirenoye zasedaniye kollegii ministerstva vnutrennikh del. <https://www.akorda.kz/ru/prezident-provel-rasshirenoe-zasedanie-kollegii-ministerstva-vnutrennih-del-3052832>

Официальный сайт OpenStreetMap. <https://www.openstreetmap.org/>
—Ofitsial'nyy sayt OpenStreetMap. <https://www.openstreetmap.org/>

Сандип, Чавла. (2011). Глобальное исследование по проблеме убийств. *Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (ЮНОДК)*.

—Sandip, Chavla. (2011). Global'noye issledovaniye po probleme ubiystv. *Upravleniye Organizatsii Ob"yedinennykh Natsii po narkotikam i prestupnosti (YUNODK)*.

Титаев, Кирилл, Дмитрий Скугаревский, Алексей Кнорре, Владимир Кудрявцев, & Мария Шклярук. (2018). Манифест новой количественной криминологии “уголовная политика с опорой на данные”. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, 9(1), 91—101.

—Titayev, Kirill, Dmitriy Skugarevskiy, Aleksey Knorre, Vladimir Kudryavtsev, & Mariya Shklyaruk. (2018). Manifest novoy kolichestvennoy kriminologii “ugolovnaya politika s oporoy na dannyye”. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 9(1), 91—101.

Уранкаева, Жания. (2023). Астана — антилидер рейтинга по количеству преступлений в Казахстане. *Курсив-Медиа*. <https://kz.kursiv.media/2023-06-02/zhnr-prestupnost/>

—Urankayeva, Zhaniya. (2023). Astana — antilider reytinga po kolichestvu prestupleniy v Kazakhstane. *Kursiv-Media*. <https://kz.kursiv.media/2023-06-02/zhnr-prestupnost/>

«Жертөледе балалар гестапо ойнады»: садистік тақпақтарды өзектендірудің ойындық, психоаналитикалық және қарсы насихаттық механизмдерінен бастап, сыртта тұрып мазақтағанға дейін

Татьяна Кукса

Аннотация: Зерттеу ауызша түрде алдымен қалалық фольклор ретінде қолданылған, содан кейін интернетлорге айналған садистік өлең шумақтары мен қос тармақтардың прагматикасын, синтаксикасын және семантикасын талдауды ұсынады. Батыс Еуропа мен орыс әдебиетіндегі қара әзілдің әдеби бастаулары туралы мәліметтерден басқа, автор фольклористердің тақпақтардың авторлық шығу тегі туралы күмәндарын және кейінгі кеңестік студенттер мен мектеп оқушылары ортасында ауызша ұйқасты мәтіндердің жазып алынғандығының дәлелдері туралы сипаттайды. Алғашқы баспа басылымдары және жаңа фольклорлық жанрды ғылыми айналымға енгізудің қиындықтары туралы мәліметтермен қатар, мақалада гротескілік-абдырататын тақпақтардың жазбаша және желіге таралу және ауысу себептері, сондай-ақ олардың кез-келген, соның ішінде қазіргі заманғы жағдайларда танымалдығы мен өнімділігінің құпиялары түсіндіріледі. Осы мақалада келтірілген әр түрлі жастағы аудиториялар үшін жанрдың қолданылу прагматикасы мен мәнмәтіндерінің әртүрлі ғылыми интерпретациялары келемеждеу мен пародиялау мәнін түсіндіруге мүмкіндік береді, соның арқасында тақпақ кейінгі кеңестік және қазіргі жағдайда ауызша, жазбаша және желілік түрде қолданылады және өзектендірілуде.

Түйінді сөздер: садистік тақпақтар; қара әзіл; постфольклор; интернетлор; прагматика; проективтік инверсия; қос ой; сыртта тұру; өлім алдындағы қалжың.

«Дети в подвале играли в гестапо»: от игровых, психоаналитических и контрпропагандистских механизмов актуализации садистских стишков до иронии вненаходимости

Татьяна Кукса¹

Аннотация: В исследовании представлен анализ прагматики, синтактики и семантики садистских четверостиший и двустиший, бытовавших в устной форме сначала как городской фольклор и потом трансформировавшихся в интернетлор. Помимо данных о литературных истоках черного юмора в западноевропейской и российской словесности, автором описаны сомнения фольклористов в авторском происхождении стишков и свидетельства фиксации устных рифмованных текстов в среде позднесоветских студентов и школьников. Наряду со сведениями о первых печатных публикациях и сложностях введения нового фольклорного жанра в научный оборот, в статье представлены причины распространения и перехода гротескно-шокирующих стишков в письменное и сетевое бытование, а также объяснены секреты их популярности и продуктивности в любых, в том числе современных условиях. Различные научные интерпретации прагматики и контекстов бытования жанра для разных возрастных аудиторий, приведенные в настоящей статье, позволяют объяснить предмет высмеивания и пародирования, благодаря которому стишок функционирует и актуализируется в устной, письменной и сетевой форме в позднесоветских и современных условиях.

Ключевые слова: садистские стишки; черный юмор; постфольклор; интернетлор; прагматика; проективная инверсия; двоямыслие; вненаходимость; юмор висельника.

¹ e-mail: tkuksa@hse.ru, ORCID: 0000-0002-8696-7284, начальник отдела реформирования законодательства Института государственного и муниципального управления, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

“Children in the basement played the Gestapo”: from gaming, psychoanalytic and counter-propaganda mechanisms for the actualization of sadistic verses to the irony of outsidersness

Tatiana L. Kuksa¹

Abstract: The research presents an analysis of the pragmatics, syntactics and semantics of sadistic quatrains and couplets that existed orally and transformed into internetlor. In addition to data on the literary origins of sick humor in Western European and Russian literature, the author of the article describes the doubts of folklorists about the author’s origin of verses and evidence of the fixation of oral rhyming texts among late Soviet students and schoolchildren. Along with information about the first printed publications and the difficulties of introducing a new folklore genre into scientific circulation, the article presents the reasons for the spread and transition of grotesque shocking rhymes into written and network existence, and also explains the secrets of their popularity and productivity in any, including modern conditions. Various scientific interpretations of the pragmatics and contexts of the existence of the genre for different age audiences presented in this article, allow us to explain the subject of ridicule and parody, thanks to which the verse functions and is reinvented in oral, written and online form in late Soviet and modern conditions.

Key words: *sadistic verses; sick humor; black humor; post-folklore; internetlor; pragmatics; projective inversion; doublethink; outsidersness; gallows humor.*

¹ e-mail: tkuksa@hse.ru, ORCID: 0000-0002-8696-7284, Head of the Legislation Reform Department, Institute for Public Administration and Governance, HSE University

Введение

Мое исследование нацелено на анализ прагматики, синтаксиса и семантики устных садистских стишков (жанра городского фольклора), необходимый для объяснения предмета высмеивания и пародирования, благодаря которому рифмованные тексты функционируют, воспроизводятся и передаются в устной, письменной и сетевой форме в позднесоветских и современных условиях. Для достижения обозначенных целей я последовательно решаю следующие задачи.

(1) Помимо данных о литературных истоках черного юмора в западноевропейской и российской словесности, мною приведены сведения о происхождении стишков и свидетельства фиксации устных текстов у позднесоветских студентов и школьников.

(2) Наряду с описанием первых печатных изданий мною перечислены трудности введения в научный оборот и причины распро-

Рисунок 1. Макс и Мориц. История мальчика в семи розыгрышах. Вильгельм Буш. 1906 год. Мюнхен. Издательство Браун и Шнайдер.

странения нового фольклорного жанра, его перехода к письменному и сетевому существованию (для подтверждения чего прилагаются современные тексты стишков, которые воспроизводили и репостили взрослые пользователи социальных сетей в 2020 году).

(3) Мною выделена типичная синтаксическая структура садистского стишка и структурно-семантическая классификация позднесоветских сюжетов, когда либо героя убивает непреодолимая сила, либо он сам причиняет вред и смерть другим, либо герой становится жертвой взрослых персонажей.

(4) Вариативные академические интерпретации прагматики и контекстов существования фольклорного жанра для разновозрастной аудитории, проанализированные мною, позволили раскрыть все многообразие гипотез в отношении популярности и продуктивности гротескно-шокирующих четверостиший и двустиший.

Генезис жанра

Жанр садистских стишков принято рассматривать в рамках смеховой культуры и относить к разновидности черного юмора. Истоки развития черного юмора в России в 19 веке, а также характеристика официально признанных и неофициальных, маргинальных форм комеди в 20 веке, предшествующих появлению и расцвету садистских стишков в 1970-1980-е годы, были описаны рядом авторов (*Борисов 1993; Белоусов 1995; Коренькова 2014*). В частности, Сергеем Борисовым утверждается, что черный юмор начинает свое шествие по России с 19 века после перевода с немецкого стихотворных рассказов «Степки-растрепки» — назидательно-запугивающих повествований психиатра Генриха Гофмана, исполненных натуралистичным описанием жестоких смертей (*Борисов 1993*). В начале 20 века становятся популярными стихотворные и рисованные детские повести «Макс и Мориц» и «Плих и плюх»¹ за авторством Вильгельма Буша (1832-1908), трактующего убийство как комическую ситуацию и считающегося основоположником комикса. Поэт-юморист и иллюстратор Вильгельм Буш представляет и иллюстрирует страшные события аналогично садистским стишкам в карикатурном и одновременно гиперболизированном виде (*рисунок 1*)².

¹ Впервые в русском переводе вышли в 1890 и 1936 годах.

² <https://www.gutenberg.org/files/17161/17161-h/images/7-09.jpg>

В советское время гротеск, алогизм, поэтику абсурда и черный юмор культивировали обэриуты, среди которых главное место по праву занимает Даниил Хармс, также переводивший произведения Вильгельма Буша. После войны появляются концлагерные анекдоты (Дандес 2003: 178-188; Oring 2008: 193). Мягкий черный юмор присутствует в творчестве митьков, а отдельные его элементы прочно вошли в эстетику появившегося в конце 1960 годов андеграундного, а затем легализованного русского рока. Черный юмор проникает в серии анекдотов про вампиров, поручика Ржевского, Шерлока Холмса и доктора Ватсона, в которых особенно актуальной становится тема афганской войны. Собственно садистские стишки возникают в 1970-х годах одновременно с циклами кинозависимых анекдотов о Чебурашке и крокодиле Гене и Штирлице (Борисов 1993; Осорина 1983; Белоусов 1998).

Первые фиксации, устное и сетевое бытование садистских стишков

Вопрос о моменте возникновения жанра и первоисточнике до сих пор остается дискуссионным [Белоусов, Головин, Кулешов, Лурье 2005: 227]. Некоторое время авторство первых текстов приписывалось ленинградскому поэту Олегу Григорьеву, поскольку среди общеизвестных садистских стишков устойчиво бытовало четверостишие поэта про «электрика Петрова», потом участнику ленинградской хипповской коммуны, литератору и исследователю ОБЭРИУ — Игорю Мальскому (Белоусов 1995, 1998; Чередникова 1995; Капица, Колядич 2002; Белоусов, Головин, Кулешов, Лурье 2005: 227). Однако ни та, ни другая версия, по мнению исследователя городского и детского фольклора Александра Белоусова (1946-2023), не может быть признана достоверной и является скорее всего легендой, обосновывающей авторское происхождение фольклорных текстов (Белоусов 1998).

Среди студенческой молодежи текст «о маленьком мальчике» распространяется во второй половине 70-х годов, при этом уже в 80-е годы более сотни различных куплетов известно школьникам в разных частях СССР (Белоусов 1995, 1998). Однако в позднесоветское время существовали сложности при изучении садистских стишков: в печати их называли «городским бездуховным антифольклором» и противопоставляли «истинному народному творчеству — частушкам», не зная, что когда-то и частушки свидетельствовали о «деградации души» под «воздействием фабричной цивилизации» (Белоусов 1998: 552).

Для исследователей важной вехой стал 1990-й год, когда садистские стишки наконец публично признали жанром, достойным для собирания и изучения. Отныне распространение текстов не ограничивалось лишь устной передачей, появились письменные фиксации и ранние научные заметки (Белоусов 1998). Вслед за первой волной интереса к садистским стишкам последовал бум 1992-го года: многочисленные публикации и конкурсы в газетах, научные статьи и сборники (см. рисунок 2)¹. Благодаря газетному отбору и конкурсам публикаторов возникли новые варианты стишков с счастливым концом — «хэппиэндовки», которые, однако, не пользовались массовым спросом, но свидетельствовали о развитии фольклорного жанра (Белоусов 1998).

Вместе с тем, в 1993 году Александром Белоусовым зафиксирован сюжет, когда сыктывкарская прокуратура по заявлению местных учителей проверяла сборник детских садистских историй на предмет пропаганды насилия и жестокости (статья 228 УК РСФСР), однако состава преступления в действиях составителя сборника не обнаружила, хотя тираж сборника конфисковали, а с составителя взыскали штраф (Белоусов 1995, 1998: 552). Аналогичная ситуация произошла осенью 2017 года: в российской прессе и социальных сетях появилась информация о том, что против краснодарского поэта-распространителя стишков возбуждено уголовное дело о разжигании ненависти к атеистам². В действиях поэта, с его

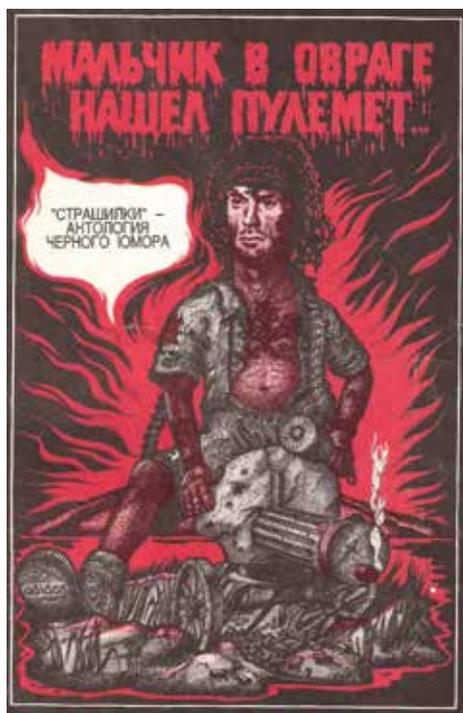

Рисунок 2. «Страшилки» — антология черного юмора. Издательство «Парус». Минск. 1993. Художник А. М. Сафронов.

1 <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-disk-public%3A%2F%2FZ135%2F1n2JIUEI06UPPMhhB9VC25a7G1nIwq0T6kC7%2F0%3D&name=%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BB%D0%BA%D0%B8.pdf&nosw=1>

2 <https://www.mk.ru/social/2017/10/19/sadistskie-stishki-popali-pod-ekstremizm.html>

слов, «*троллившего так называемых верующих*» в социальных сетях, якобы усмотрели состав экстремистской статьи 282 УК РФ. Вот эти два текста, которые не являются типовыми садистскими стишками, но их по праву можно отнести к протестному черному юмору:

Зацвели в лесу пролески, вдалеке щебечет птичка.
На костре со слабым треском догорает еретичка.
Людей нет хуже мерзких атеистов,
мы все же инквизицию вернем!

До недавнего времени считалось, что в постсоветский период, примерно с 90-х годов, жанр вышел из устного бытования, перешел в печатные издания и потерял былую популярность. Между тем до сих пор стишки продолжают распространяться посредством информационных технологий как постфольклорная форма *интернетлора* (Неклюдов 1995, 2003; Алексеевский 2010; Frank 2011; Петрова 2019: 202) наряду с «пирожками», «порошками» и «депресняшками» (Грамотчикова, Хоруженко 2017). Изредка садистские стишки обновляются, прежде всего в сетевом пространстве, о чем свидетельствует включение в корпус новых сюжетов, связанных с современными явлениями и проблемами. Так, с начала пандемии коронавируса сетевой интерес к жанру был обнаружен вновь. На это указывает некоторое разнообразие собранных и представленных мною в *Приложении 1* текстов, которые актуализировали и репостили взрослые пользователи социальных сетей в 2020 году. Типовая синтаксическая структура стишка (разобранная в следующем параграфе), его интонационная выразительность, простота воспроизведения рифмованного интернетлора позволили актуализировать ироничные сюжеты о маленьком мальчике (играющих детях и реже девочке) и воспроизвести знакомые с детства четверостишия или двустишия, высмеивающие введенные ограничения пережитого локдауна и панические настроения первых месяцев пандемии.

Структурные синтаксические и семантические особенности садистских стишков

Стишки представляют собой дактилические (чаще всего) четверостишия или двустишия (значительно реже — примерно четверть) с рифмующимися строчками. В первой части такого стишка обычно говорится о *невинном мальчике* (реже — о девочке или о группе детей), который занимается вроде бы обычными и повседневными дела-

ми — он играет, гуляет, находит предметы, однако в результате этих детских игровых и прогулочных активностей случаются несчастья, травмы или даже убийства, которые описываются, как правило, в заключительной строчке стишка.

Считается, что садистские стишки типологически, образно-тематически и частично хронологически близки американскому циклу анекдотов о мертвых младенцах — *The Dead Baby Joke Cycle*, распространенному в США 1960—70-е (*Дандес 2003б: 163-177; Oring 2008: 193; Коренькова 2014: 219*). С немецкими фольклорными двустишиями типа *Alle Kinder* и английскими лимериками их роднят, по мнению Татьяны Кореньковой, стихотворная форма и склонность к поэтике абсурда (*Коренькова 2014: 219*).

Рассмотрим для анализа синтактики и семантики жанра садистские стишки, бытовавшие еще в устной форме среди московских, ленинградских и таллинских школьников в 80-х годах 20 века, записанные и опубликованные Александром Белоусовым в сборнике «Русский школьный фольклор» (1998: 557-577). В корпусе собран 121 садистский стишок, в основном это рифмованные четверостишия, при этом только 29 стишков (24 % от общего массива) сокращены до двустишия.

подавляющее большинство стишков имеют типовую синтаксическую структуру и метрический рисунок, которые обладают высокой степенью продуктивности — легко усваиваются и многократно воспроизводятся в новых сюжетах. Традиционный стишок, как правило, имеет типовой зачин и начинается с введения в повествование главного героя — «маленького мальчика», его действия описываются в прошедшем времени: маленький мальчик играл, гулял, нашел, катался, залез, ловил, плыл, лежал, варил, т. п. Описание трагических последствий игры или прогулки содержится во второй части стишка, выступающей в роли пуантированной комической концовки, создающей смеховой эффект, в том числе по причине немотивированности, неправдоподобности или невозможности указанных злоключений. Морфологические особенности текста, когда ужасное событие неожиданно становится смешным, сближают стишки с анекдотами, что подтверждают ранние исследователи жанра, зафиксировавшие период устного бытования текстов в детской аудитории (включая самоназвания) (*Белоусов 1998: 550*). Указание субъекта действия, предикат действия в прошедшем времени и пуантированное описание результата — синтаксический инвариантный структурный минимум, без которого бы не сложилось типового садистского стишка. Приведем приме-

ры типовых с точки зрения синтаксиса стишков из сборника «Русский школьный фольклор»¹ (Белоусов 1998: 557-577):

Маленький мальчик в подвале играл:
Разные кранчики там открывал.
Только под утро горячий поток
Вынес вареного мяса кусок. (34)

Маленький мальчик по стройке гулял,
В бочку с бензином случайно попал.
Стал задыхаться – высунул нос.
Добренький дядя спичку поднес. (63)

Вместе с тем жанру садистских стишков также известны случаи *феминизации героя*, когда место мальчика занимает девочка (8% от общего массива), либо дети оказываются основными героями повествования (13% от общего массива). Случаются единичные случаи, когда место главного героя занимает взрослый персонаж — дедушка, бабушка, саперы (3% от общего массива). Возможно, такие случаи следует признать нетипичными с точки зрения содержания, они являются своего рода стилизацией под садистский стишок, однако морфологическая структура типового садистского стишка в них производится без искажений. Например:

Пьяная бабка за водкой пошла,
Случайно дорогу не там перешла.
Едет трамвайчик, вагоном качая,
Синие кишки на оси мотая. (75)

Отметим, что только 24 стишка (19,8% от общего массива) из анализируемого корпуса имели отличную синтаксическую структуру, без последовательного указания в первой строчке героя и его действия (субъекта и предиката действия), таких как: «*мальчик гулял, играл, нашел*». К таким стишкам относятся и вошедшее в обиход фольклорное стихотворение Олега Григорьева про электрика Петрова, а также такие, к примеру, четверостишия, где повествование идет от первого лица или изменен порядок слов.

Мне мама в детстве выколола глазки,
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.

¹ Нумерация стишков, приведенных из сборника «Русский школьный фольклор», сохранена.

Я не хожу в кино и не читаю сказки,
Зато я нюхаю и слышу хорошо. (30)

На полу лежит мальчишка,
Весь от крови розовый.
Это папа с ним играл
В Павлика Морозова. (31)

Тихо спустились два трупа на дно...
Жалко! Пропали билеты в кино. (90)

В таблице 1 представлена статистика распределения садистских стишков, опубликованных в сборнике «Русский школьный фольклор» Александром Белоусовым, в зависимости от типа морфологической структуры (Белоусов 1998: 557-577).

Типичная синтаксическая структура садистского стишка «Маленький мальчик играл, гулял, нашел, катался, залез, лопил, плыл, лежал, варил, т. п.» + результат игры или прогулки.				Нетипичная синтаксическая структура садистского стишка
Маленький мальчик / мальчик	Девочка (феминизация жанра)	Дети / Девочки и мальчишки	Подмена ребенка взрослым	
67 (55%), при этом 11 редуцированных до двустишия	10 (8%), при этом 2 редуцированных до двустишия	16 (13%), при этом 9 редуцированных до двустишия	4 (3%)	24 (19,8%)

Таблица 1. Структурно-синтаксические модели садистского стишка.

Фольклористы отмечают, что «к началу 2000-х годов «фонд сюжетов» садистских стишков достиг порядка 350-400 инвариантов, многие из которых имели по несколько вариаций или формировали циклы» (Белоусов 1998: 555; Коренькова 2014: 220). В одной из первых публикаций, посвященных анализу садистских стишков, Кирилл Немирович-Данченко выделяет три тематических типа садистских стишков (Немирович-Данченко 1992), а именно:

1. Более слабый персонаж оказывается жертвой более старших и сильных персонажей.
2. Маленький герой сам несет гибель окружающим людям.

3. Героя калечит или убивает неперсонифицированная сила, которая становится роковой в результате нарушения героем каких-то запретов.

Указанная типология стишков наиболее адекватно отражает и включает все разнообразие сюжетного фонда стишков. Применяя указанную типологию с небольшими модификациями¹ на пилотном корпусе садистских стишков, опубликованных в сборнике «Русский школьный фольклор» Александром Белоусовым, получаем результаты, сведенные в таблице 2.

1. «Несчастные случаи, травмы»			2. «Дети-садисты»		3. «Взрослые-садисты»
Несчастные случаи, травмы, столкновения с источниками повышенной опасности — 64 стишка (53%)			Дети-садисты — 37 стишков (30,5%)		Взрослая агрессия — 20 стишков (16,5%)
1.1.Транспортные средства — источники опасности и вреда — 18 стишков (15%)	1.2.Взрывоопасные средства — 12 стишков (10%)	1.3.Иные прогулки, игры, опасные локусы, опасные предметы — 34 стишка (28%)	2.1. Дети против взрослых — 28 стишков (23%)	2.2. Дети против детей — 9 стишков (7%)	

Таблица 2. Структурно-семантические модели садистского стишка.

1. «Несчастные случаи, травмы». Большая половина садистских стишков (53% от общего массива) описывает ситуацию, когда герой получает травму или погибает в результате несчастного случая (или, выражаясь терминологией Кирилла Немировича-Данченко, по причине «столкновения с неперсонифицированной и роковой силой» — пункт 3 типологии). В этой группе лидируют два вполне устойчивых мотива:

1.1. гибель или увечье ребенка при столкновении с источником повышенной опасности — транспортным средством (каток, машина,

¹ Пункт 1 типологии К. К. Немировича-Данченко [Немирович-Данченко 1992], когда более слабый персонаж оказывается жертвой более старших и сильных персонажей, в таблице попадает в 3 графу «Взрослые-садисты» и в графу 2.2. «Дети-садисты» (которые причиняют вред другим детям).

комбайн, поезд, самосвал, ледокол, трамвай) — 15% от общего массива;

Маленький мальчик на льдинке играл,
Сзади к нему ледокол подплывал.
Долго смеялись на палубе дети:
Справа пол-Пети и слева пол-Пети. (92)

1.2. гибель или увечье ребенка в связи с находкой и игрой с взрывоопасными предметами (мина, динамит, граната, бомба, снаряд) — 10 % от общего массива.

Милая девочка с именем Рита
Жопу чесала куском динамита.
Взрыв прозвучал на улице Жданова —
Ноги в Медведково, *опа в Чертаново. (22)

Оставшиеся стишки (графа 1.3. — 28% от общего массива) также можно раздробить на группы, объединенные конкретной причиной несчастного случая и источником причинения вреда ребенку, однако в силу их малочисленности укажем лишь то, что группу стихов составляют ситуации, когда несчастный случай наступает во время:

— игры или прогулки ребенка в опасных или условно опасных локациях (стройка, крыша, лифт, подвал, асфальт («сальто на асфальте»), песочница, пруд);

— игры или находки опасных электрических или колющих предметов (провода, розетка, трансформатор, холодильник, топор).

Мальчик засунул два пальца в розетку:
Все, что осталось, собрали в газетку. (25)

Девочка Таня на лифте каталась:
Ноги уехали, *опа осталась. (41)

Маленький мальчик по стройке гулял.
И в трансформатор случайно попал.
Долго рыдала счастливая мать:
Дите в крематорий не надо сдавать. (68)

2. «Дети-садисты». Чуть меньше трети стихов (30,5% от общего числа) описывают ситуацию, когда в результате подарка или находки опасного оружия (кинжал, пистолет, пулемет, зенитка), предмета (веревка, кимоно, самокат), прогулки (в поле, чужом огороде) или игры в подвале (в гестапо, в садистов, в индейцев, в роддом) герой (герои)

стишка причиняет (причиняют) вред близкому кругу родственников, другим взрослым, мальчикам и девочкам, школьному коллективу или даже поселению. При этом можно выделить две группы лиц, пострадавших от героя (героев) стишка:

2.1. взрослые — 28 стишков (23% от общего числа)

Маленький мальчик нашел пулемет.
Больше в деревне никто не живет.
Только осталась там тетка Матрена...
Жаль, на нее не хватило патрона. (11(+Б))

Дети в подвале играли в гестапо:
Зверски замучен сантехник Потапов.
Зверски замучен, зверски убит —
Гаечный ключ между ребер торчит. (35(+Б))

2.2. дети — 9 стишков (7% от общего числа)

Дети в подвале играли в роддом:
Маша уйдет с большим животом. (39(Б))

Ржавой отверткой на грязной фанерке
Делали дети аборт пионерке. (40)

Очевидно, что представленную группу стишков характеризует циничное описание реальной и/или преувеличенной детской агрессии, запрещенной к проявлению в обществе. Следуя логике Алана Дандеса, рассматривающего фольклорные тексты в качестве социально санкционированной «отдушины», можно предположить, что эта группа стишков выражает подростковые деструктивные стремления и агрессию в отношении взрослых и сверстников.

3. «Взрослые-садисты». И, наконец, самая малочисленная (16,5% от общего числа), но наиболее популярная среди школьников группа садистских стишков, касается трагически погибающих беззащитных и неповинных детей в результате агрессии и насилия взрослых.

Маленький мальчик играл в водолаза:
Смело спускался на дно унитаза.
Добрая тетя нажала педаль —
Мальчик унесся в вонючую даль. (32)

Девочка Катя в мячик играла,
Девочка мячиком в дядю попала.

Дядя сказал: «У, стрекоза!»
Долго на пальцах блестели глаза. (52)

Маленький мальчик на вишню залез.
Дед Афанасий достал свой обрез.
Выстрел раздался. Пронзительный крик.
«Сорок второй!» — улыбнулся старик. (73 (А))

Маленький мальчик по речке плывет.
Дедушка Сидор навел пулемет.
К небу взметнулся мальчишеский крик.
«Тоже Чапаев!» — хихикнул старик. (94)

Маленький мальчик с ножкой хромой
Супчик хлебал из тарелки большой.
«Хватит! Нажралась, скотина хромая!» —
Мать сказала, топор доставая. (96)

Представленные в таблице 2 (в частности, в графе 1.1) результаты удивительным образом коррелируют с современными статистическими данными и структурой детской и подростковой смертности, указанными в докладе ВОЗ 2009 года, где гибель детей и подростков от транспортных средств занимает первое место и составляет 39% от всех непреднамеренных причин смертности, что приводит к организации мероприятий на государственном уровне, необходимых для снижения представленных показателей¹. В силу отсутствия статистических данных о детской и подростковой смертности в 70-80 годах 20 века сложно проводить какие-то серьезные оценки и сопоставления, однако известны темпы роста автомобильного парка СССР. Так, согласно справочнику Госкомстата СССР, например, количество легковых и грузовых автомобилей в стране выросло с 173.200 легковых и 1.009.100 грузовых в 1950 году до 8.889.000 легковых и 3.386.891 грузовых автомобилей в 1980-м году². Указанное увеличение автомобильного парка СССР могло увеличить долю детской и подростковой смертности в результате столкновения с источниками повышенной опасности — транспортными средствами. Именно такие причины детской смертности могли привести к неконтролируемым страхам и избыточным

¹ Стр. 9 Доклада ВОЗ от 2009 года. http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0005/98744/E92049R.pdf

² Справочник Госкомстата СССР — Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. 766 с.

предостережениям со стороны взрослых, если придерживаться психоаналитической теории Алана Дандеса, раскрывающей причины появления актуальных фольклорных текстов (Дандес 2003а; Frank 2011), и, как следствие, к особенной популярности сюжетного цикла стишков, где герой трагически погибает при столкновении с транспортным средством.

Социально-исторический контекст и функции садистских стишков

Колоссальную популярность и продуктивность жутковатых и одновременно смешных садистских стишков исследователи объясняют тремя типами интерпретирующих нарративов. Различия в научных гипотезах существуют из-за вариативного понимания возрастной аудитории, жанровых контекстов и прагматики (Адоньева 2004), а также содержания предмета высмеивания и пародирования, по причине которых возникает, функционирует, воспроизводится и передается садистский стишок (Дандес 2003; Oring 2008; Кукса 2022).

Коммуникативная и ритуалистическая прагматика: стишок как способ подростковой коммуникации, социализации и инициации

Исследование бытования разных жанров и видов детского фольклора (включая сатирический) приводит Светлану Лойтер к выводу, что «весь детский фольклор — игровой по преимуществу», а основополагающим его признаком является игровая природа и характер (Лойтер 2020). Первооткрывательница «страшных историй» Мария Осорина к многочисленным метафункциям детского фольклора причисляет коммуникативное и телесное общение с ребенком с элементами игры, социализацию и приобщение ребенка к миру взрослых и культуре. Поэтому автор рассматривает детский фольклор как «язык детской субкультуры», закрепленный в корпусе текстов (считалки, игры, дразнилки, шутки, анекдоты, «страшные» рассказы и т. п.) и выполняющий «информационную, коммуникативную и регулятивную функции» для детской группы. «Детский фольклор вооружает ребенка готовыми

формулами и текстами, позволяющими ему с успехом действовать в тех сложных и типичных коммуникативных ситуациях, с которыми он не справился бы самостоятельно, не найдя вовремя нужного ответа» (Осорина 1983: 39).

Развивая идеи коммуникативной и социализирующей природы детского фольклора, исследователи школьных текстов акцентируют внимание прежде всего на *ритуалистической функции стишка*, который, с их точки зрения необходим, с одной стороны, для социализации подростков и, с другой стороны, маркирует переход ребенка в новую возрастную категорию. Так, Татьяна Коренькова считает, что тексты выполняли *«роль инициационных мифов в процессе социализации молодежи до момента включения более мощных, институализированных механизмов — университетских и армейских»*. Указанную функцию жанра она подтверждает тем, что в 1970–2000-х годах стишки рассказывались в подростковой, преимущественно мальчишеской, среде пубертатного возраста, сопровождалась ритуалами и соревновательным агоним (кто их больше знает и лучше рассказывает) (Адоньева 2004: 148-156). *«Знание и воспроизведение этих текстов в кругу сверстников подчеркивало переход подростка в новую возрастную категорию: младших детей отпугивала сама нагнетаемая атмосфера ужаса, связанная с узнаваемыми реалиями окружающего мира и домашнего быта, а старшим, которые после 17–18 лет или поступали в университеты, или шли служить в армию, «садюшки» виделись наивными «ужастиками» из прошлой школьной жизни» (Коренькова 2014: 233-234).*

Психотерапевтическая и компенсаторная прагматика: стишок как способ преодоления страха смерти и увечий через проекцию, иронию и высмеивание родительских запретов

Для других авторов стишок свидетельствует о существовании в обществе избыточных страхов детской и подростковой смертности, травм, болезней, взрослой и подростковой агрессии, насилия, вины. Придерживаясь психоаналитической теории Алана Дандеса, объясняющей причины существования фольклорных текстов, включая анекдоты и тошнотворный юмор (*sick humor*) (Дандес 2003б: 163; Oring 2008; Кукса 2022), можно предположить, что функционирование жанра садистских стишков, иронизирующих над кровавыми трагедиями,

может свидетельствовать о бессознательном табуировании предмета высмеивания, о необходимости высвобождения, сублимации, компенсации подавляемых эмоций через проективный механизм, в том числе, через передачу фольклорных текстов. В целом фольклор, по мнению Алана Дандеса, представляет собой социально санкционированную «отдушину», позволяющую обществу и его отдельным подгруппам выражать, преодолевать и трансформировать свои страхи, подавленные желания, неразрешимые конфликты, властные или деструктивные стремления и т. п. Алан Дандес подчеркивает, что «устные формы юмора в качестве отдушины или освобождения были бы менее эффективны, если бы мы по-настоящему осознавали, что говорим и над чем смеемся» (Дандес 2003а: 122). Фольклор всегда отражает свою эпоху, поэтому «хотим мы этого или нет, но анекдоты о мертвых младенцах являются отражением американской культуры 60-70-х годов. Если оно нам не по нраву, мы не должны пенять на зеркало. Нездоров не юмор, а общество, его производящее. Даже если было бы возможно такое вмешательство цензуры, которое уничтожило бы анекдоты, это не решило бы проблемы, обусловившие возникновение этих фольклорных произведений» (Дандес 2003б: 174).

В среде русскоязычных фольклористов также распространена идея, согласно которой садистские стишки, представляя несчастья, травмы и гибель в гиперболизированной форме и с гротескной образностью, оказывают психотерапевтическое воздействие, необходимое ребенку (а не взрослому, как это будет описано ниже), чтобы с «помощью смеха дистанцироваться от образа смерти и побороть детские страхи». В этом, по мнению исследователей жанра, проявляется функциональное сходство стишков со страшилками, у которых, однако, сохраняется принципиальное жанровое отличие от стишков, поскольку они прививают «сугубо «серьезное» и отчасти мистическое отношение к страшному» (Белоусов, Головин, Кулешов, Лурье 2005: 228).

По мнению Марины Чередниковой (1940-2023) и Кирилла Немирович-Данченко, стишки не только высмеивают идеологические штампы и бесконфликтную псевдооптимистическую советскую детскую литературу 1930-1970-х годов, но также иронически воспроизводят воспитательный «миф взрослых, в чьем воспаленном воображении торжество «ужасного случая» оказывается неминуемым законом жизни». Подростки понимают, что без нарушения раздражающих и чрезмерных родительских указаний невозможно познание мира, поэтому «родительские «страшилки», иллюстрирующие систему воспитательных запретов, бумерангом возвращаются в эпатаже садистских стишков» (Чередникова 1995: 62; Немирович-Данченко 1992). Отметим, что Алек-

сандр Белоусов также объясняет исключительный успех, который выпал на долю садистских стишков в детской среде, тем, что они самым непосредственным образом противодействуют вербальному потоку родительских поучений, предостережений и запугиваний. Хотя исследователь выделяет прежде всего контрпропагандистскую функцию жанра и дискредитацию идеологической цензуры и пропаганды всех уровней¹ (Белоусов 1995, 1998: 551). Но в том числе, с его точки зрения, стишки *противостоят назойливым нравоучениям старших и демагогическому преувеличению детской глупости и роковой неосторожности, гротескно высмеивают «страх смерти, который владеет взрослыми и от которого свободны дети»* (Белоусов 1998: 550-551).

Контрпропагандистская прагматика: стишок как жанр альтернативной словесности, высмеивающей советские штампы, или как перформативный способ приспособления к позднесоветской повседневности

Если, как уже было упомянуто, Александр Белоусов высказывает сомнения в авторском происхождении садистских стишков (1998), Михаил Лурье подтверждает «взрослую» родословную текстов, прежде всего политизированных (2007: 288-289). В любом случае исследователи зафиксировали параллельное бытование стишков во взрослой и детской среде, что позволяет им объяснять различия в прагматике и специфике функционирования одинаковых стишков в разных возрастных группах.

Однако, как было уже отмечено выше, ранние исследователи садистских стишков практически единогласно относили жанр прежде всего к *альтернативной молодёжной словесности, (1) высмеивающей оптимистичную детскую литературу, миф о счастливом детстве, тексты и интонации советской поэзии; (2) дискредитирующей пропагандистскую продукцию и полемизирующей с господствующими взглядами, общепринятыми ценностями и стереотипами; (3) пародирующей*

¹ Еще Ю. М. Лотман подсказал значимость контрпропагандистской прагматики А. Ф. Белоусову во время доклада на семиотическом семинаре в Тарту зимой 1986 года [Белоусов 1995: 690].

щей стереотипные речевые формы, идеологический и художественный ширпотреб (Белоусов 1998: 548; Чередникова 1995; Лурье 2007: 290).

Источники американского антрополога Алексея Юрчака подтверждают контексты бытования стишков и предмет высмеивания: «стишки работали на обнаружение в советской повседневности жуткого и одновременно смешного. Они рассказывались обычными людьми в обычной обстановке — в школе, в компании друзей, — что делало их сродни другим проявлениям позднесоветского стёба и некроэстетики.<...> Над стишками смеялись, и сквозь смех многие морщились от ужаса или отвращения. Вряд ли кто-то интерпретировал эти истории буквально, а значит, в глубине души все в принципе понимали, что смеются они не над насилием, происходящим с героями этих стишков, а над чем-то иным». Сади́стские стишки рассматриваются исследователем, однако, схожим образом, как позднесоветская ирония и стеб, высмеивающий авторитетные символы и тексты советской системы. Невероятная живучесть этого фольклорного жанра в позднесоветский период, а также падение его популярности в постсоветский, указывает, по мнению Алексея Юрчака, «на тот же культурно-политический сдвиг в позднесоветском обществе, который привел к появлению групп, подобных Митькам или некрореалистам. К тому же, как и в случае обеих этих групп, в основе этого жанра лежали принципы не только иронии вненаходимости, но и биоэстетики (точнее, даже некроэстетики, как у некрореалистов)». «Стишки служили иронично-агрессивной имитацией перформативного сдвига, которому подвергались авторитетные символы и тексты советской системы. Благодаря им на мгновение становилось видимым полное несоответствие между формой репрезентации, наполнявшей советскую повседневность, и смыслом, который в эту форму вкладывался в реальных ситуациях, — несоответствие, о существовании которого все в принципе знали и в воспроизводстве которого сами принимали участие, но которое обычно не обсуждалось и о котором было лучше не задумываться» (Юрчак 2014: 496-498).

Таким образом, в том числе на примере контекстов бытования сади́стских стишков и ироничных смыслов их актуализации и трансмиссии, Алексей Юрчак, с одной стороны, оспаривает традиционную дихотомию советологов, упрощенно делящих советский дискурс и ритуалы на конформистские и диссидентские (антисоветские), и, с другой стороны, развивает концепцию пространства и свободы вненаходимости (не тождественную при этом аполитичности, апатии или внутренней миграции) позднесоветских граждан в отношении авторитетного дискурса советского государства, которая объясняет воспроизводство системы при одновременной имитации официальных

ритуалов и текстов за счет наполнения их ироничными смыслами и стебом, способствующими перформативному сдвигу всей советской идеологии и системы (Юрчак 2014)¹.

Заключение

В статье описана типичная синтаксическая структура позднесоветского садистского стишка (жанра городского фольклора), когда в половине случаев героем стишка становится (маленький) мальчик, в остальных случаях героями являются дети, девочка или сами взрослые. На примере позднесоветского школьного корпуса, опубликованного в сборнике «Русский школьный фольклор» Александром Белоусовым (1998: 557-577), мною приведена и апробирована структурно-семантическая классификация (трихотомия), когда либо герою вредит или убивает непреодолимая сила, либо он сам несет вред и гибель окружающим, либо герой оказывается жертвой старших персонажей. Половина позднесоветского школьного корпуса описывает сюжеты столкновения протагониста с источниками повышенной опасности и гибель в результате травм и несчастных случаев. Треть стишков касается ситуации, когда герой стишка причиняет вред близкому кругу родственников, другим взрослым, мальчикам и девочкам, школьному коллективу или даже поселению. Самая малочисленная, но наиболее популярная среди школьников группа садистских стишков, касается трагически погибающих беззащитных и неповинных детей в результате агрессии и насилия взрослых.

Многообразие академических гипотез в отношении прагматики и контекстов бытования фольклорного жанра для разных возрастных аудиторий, проанализированных мною в настоящей статье, можно объединить в три группы, каждая из которых выдвигает свои интерпретации потребностей для актуализации и трансмиссии рифмованных текстов в позднесоветских и современных условиях. Коммуникативная и ритуалистическая рамка позволяет объяснить

¹ Для анализа состояния «вне» применительно к образу жизни позднесоветских граждан и условий производства, распространения и интерпретации советского авторитетного дискурса различными акторами Алексей Юрчак [Юрчак 2014] применяет язык, разработанный Михаилом Бахтиным в его ранней работе «Автор и герой в эстетической деятельности», в которой для определения особых отношений, которые складываются в литературном тексте между автором и героем, введено понятие вненаходимости [Бахтин 1979: 9-191].

функционирование стишков через игровые механизмы детской социализации и возрастной инициации. Психотерапевтическая и компенсаторная концептуализация предлагает весь репертуар постфрейдистских объяснительных моделей: от механизмов проективной инверсии и переноса табуированной агрессии, деструктивных стремлений с помощью тошнотворного юмора до высмеивания родительских запретов и нравоучений, а также саркастического преодоления страхов смерти и увечий. И, наконец, контрпропагандистская рамка смотрит на гротескно-шокирующий стишок как на форму диссидентского двоемыслия и дискредитации чтецом/слушателем/читателем окружающей действительности, а также девальвации идеологических штампов и псевдооптимистичной детской литературы. Последней теоретической рамке противостоят концепция пространства и свободы внеходимости позднесоветских граждан к авторитетному дискурсу (в изложении Алексея Юрчака) (Юрчак 2014), а также идея воображения преемственности с советским проектом через обращение к темпорализующим девайсам типа капсулы времени и иным «формам консервации времени» (в изложении Елены Малой) (Малая 2020). Благодаря названным концепциям, на мой взгляд, легко объясняются как «вне-находимые» контексты бытования первых садистских стишков, так и воспроизводство современных текстов со знакомой структурой, зачином для высмеивания актуальных проблем.

Информационные технологии способствуют масштабному и скоростному распространению постфольклора, заменяющему устные и газетные миграции садистских стишков, что позволяет сохранить жанру и перейти в *сетевое бытование в качестве интернетлора* (Неклюдов 1995, 2003; Алексеевский 2010; Frank 2011; Oring 2016; Петрова 2019: 202). Поскольку большинство стишков имеют типовую синтаксическую структуру и метрический рисунок, они легко усваиваются и многократно воспроизводятся в новых сюжетах — достаточно лишь указать субъекта действия, предиката действия в прошедшем времени и пуантированной комической концовки, создающей смеховой эффект (как в анекдоте, в том числе по причине немотивированности, неправдоподобности или невозможности трагических событий (Кукса 2022)). Простота воспроизведения рифмованного интернетлора и типовая морфология текста объясняют трансформацию постфольклорного жанра в сетевое бытование, а также живучесть и продуктивность четверостиший и двустиший в позднесоветских и современных условиях.

Библиография / References

Frank, Russell. (2011). *Newslore: Contemporary folklore on the Internet*. University Press of Mississippi.

Oring, Elliott. (2008). Humor in anthropology and folklore. In V. Raskin (Ed.), *The primer of humor research*. Mouton de Gruyter, 183–210.

Oring, Elliott. (2016). *Joking asides: The theory, analysis, and aesthetics of humor*. University Press of Colorado.

Адоньева, Светлана. (2004). *Прагматика фольклора*. Спб: Амфора.
— Adon'yeva, Svetlana. (2004). *Pragmatika fol'klora*. Spb: Amfora.

Алексеевский, Михаил. (2010). Интернет в фольклоре или фольклор в Интернете? (Современная фольклористика и виртуальная реальность). *От Конгресса к Конгрессу. Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов*, 151–166.

— Alekseyevskiy, Mikhail. (2010). Internet v fol'klоре ili fol'klор v Internetе? (Sovremennaya fol'kloristika i virtual'naya real'nost'). *Ot Kongressa k Kongressu. Navstrechu Vtoromu Vserossiyskomu kongressu fol'kloristov*, 151–166.

Бахтин, Михаил. (1979). Автор и герой в эстетической деятельности. *Эстетика словесного творчества*, 9–191. М.: Искусство.

— Bakhtin, Mikhail. (1979). Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti. *Estetika slovesnogo tvorchestva*, 9–191. М.: Iskusstvo.

Белоусов, Александр. (1995). Воспоминания Игоря Мальского. «Кривое зеркало действительности»: к вопросу о происхождении «садистских стишков». *Лотмановский сборник-1*, 681–691. М.: ИЦ-Грант.

— Belousov, Aleksandr. (1995). Vospominaniya Igorya Mal'skogo. «Krivoye zerkalo deystvitel'nosti»: k voprosu o proiskhozhdenii «sadistskikh stishkov». *Lotmanovskiy sbornik-1*, 681–691. М.: ITS-Grant.

Белоусов, Александр. (1998). Садистские стишки. *Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов*, 545–577. М.: Ладомир.

— Belousov, Aleksandr. (1998). Sadistskiye stishki. *Russkiy shkol'nyy fol'klор: ot «vyzyvaniy» Pikovoy damy do semeynykh rasskazov*, 545–577. М.: Ladomir.

Белоусов, Александр, Валентин Головин, Евгений Кулешов, & Михаил Лурье. (2005). *Детский фольклор: итоги и перспективы изучения*. *Первый всероссийский конгресс фольклористов*, 226–228.

— Belousov, Aleksandr, Valentin Golovin, Yevgeniy Kuleshov, & Mikhail Lur'ye. (2005). *Detskiy fol'klор: itogi i perspektivy izucheniya*. *Pervyy vserossiyskiy kongress fol'kloristov*, 226–228.

Борисов, Сергей. (1993). Эстетика «черного юмора» в российской традиции. Из истории русской эстетической мысли: *Межвуз. сборник науч. трудов*, 139–153. СПб.

— Borisov, Sergey. (1993). Estetika «chernogo yumora» v rossiyskoy traditsii. Iz istorii russkoy esteticheskoy mysli: *Mezhvuz. sbornik nauch. trudov*, 139–153. SPb.

ГраMATчикова, Наталья, & Татьяна Хоруженко. (2017). *Постфольклор и интернетлор: учебно-методическое пособие*.

— Gramatchikova, Natal'ya, & Tat'yana Khoruzhenko. (2017). *Postfol'klor i internetlor: uchebno-metodicheskoye posobiye*.

Дандес, Алан. (2003а). О слонофантазиях и слоноциде (совместно с Р. Эбрахамсом, 1969). *Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Сборник статей*, 119–136. М.: Восточная литература.

— Dandes, Alan. (2003a). O slonofantaziyakh i slonotside (sovmestno s R. Ebrakhamsom, 1969). *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz. Sbornik statey*, 119–136. M.: Vostochnaya literatura.

Дандес, Алан. (2003б). Цикл анекдотов о мертвых младенцах. *Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Сборник статей*, 163–177. М.: Восточная литература.

— Dandes, Alan. (2003b). Tsikl anekdotov o mertvykh mladentsakh. *Fol'klor: semiotika i/ili psikhoanaliz. Sbornik statey*, 163–177. M.: Vostochnaya literatura.

Капица, Федор, & Татьяна Колядич. (2002). *Русский детский фольклор*. М.: Флинта, Наука.

— Kapitsa, Fedor, & Tat'yana Kolyadich. (2002). *Russkiy detskiy fol'klor*. M.: Flinta, Nauka.

Коренькова, Татьяна. (2014). Метафоры «еды» и «питья» в русском фольклорном жанре садистских стишков. *Küche und Kultur in der Slavia: eigenes und Fremdes im ausgehenden*, 20, 219–238. Jahrhundert: Universitätsverlag Potsdam.

— Koren'kova, Tat'yana. (2014). Metafory «yedy» i «pit'ya» v russkom fol'klornom zhanre sadistskikh stishkov. *Küche und Kultur in der Slavia: eigenes und Fremdes im ausgehenden* 20, 219–238. Jahrhundert: Universitätsverlag Potsdam.

Кукса, Татьяна. (2022). «Возвращается муж из командировки»: дисциплинарные взгляды на супружескую измену в анекдоте. Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований, 7(2), 162-182.

— Kuksa, Tat'yana. (2022). «Vozvrashchaetsya muzh iz komandirovki»: disciplinarnye vzglyady na supruzheskuyu izmenu v anekdote. Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovaniy, 7(2), 162-182.

Лойтер, Софья. (2020). Возвращаясь к некоторым вопросам теории детского фольклора. *Славянская традиционная культура и современный мир*, 1, 16–28.

— Loyter, Sof'ya. (2020). Vozvrashchayas' k nekotorym voprosam teorii detskogo fol'klora. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir*, 1, 16–28.

Лурье, Михаил. (2007). Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое. *Антропологический форум*, 6.

— Lur'ye, Mikhail. (2007). Sadistskiy stishok v kontekste gorodskoy fol'klornoy traditsii: detskoye i vzrosloye, obshcheye i spetsificheskoye. *Antropologicheskii forum*, 6.

Малая, Елена. (2020). Капсула времени в постсоветском совхозе. *Антропологический форум*, 47, 84–110.

— Malaya, Yelena. (2020). Kapsula vremeni v postsovetskom sovkhوزه. *Antropologicheskii forum*, 47, 84–110.

Неклюдов, Сергей. (1995). После фольклора. *Живая старина*, 1, 2–4.

— Neklyudov, Sergey. (1995). Posle fol'klora. *Zhivaya starina*, 1, 2–4.

Неклюдов, Сергей. (2003). Фольклор современного города. *Современный городской фольклор*, 5–24. М.: РГГУ.

— Neklyudov, Sergey. (2003). Fol'klor sovremennogo goroda. *Sovremennyy gorodskoy fol'klor*, 5–24. М.: RGGU.

Немирович-Данченко, Кирилл. (1992). Наблюдения над структурой «садистских стишков». *Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору*, 124–137. Таллинн.

— Nemirovich-Danchenko, Kirill. (1992). Nablyudeniya nad strukturoy «sadistskikh stishkov». *Shkol'nyy byt i fol'klor: Uchebnyy material po russkomu fol'kloru*, 124–137. Tallinn.

Осорина, Мария. (1983). Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства). *Советская этнография*, 3, 34–45.

— Osorina, Mariya. (1983). Sovremennyy detskiy fol'klor kak predmet mezhdistsiplinarykh issledovaniy (k probleme etnografii detstva). *Sovetskaya etnografiya*, 3, 34–45.

Петрова, Наталья. (2019). Фольклористика в деревне, городе и Интернете: развитие понятия «фольклор» и предметные границы дисциплины. *Фольклор: структура, типология, семиотика*, 2(1), 190–206.

— Petrova, Natal'ya. (2019). Fol'kloristika v derevne, gorode i Internetе: razvitiye ponyatiya «fol'klor» i predmetnyye granitsy distsipliny. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 2(1), 190–206.

Чередникова, Маина. (1995). «Маленький мальчик» в контексте нового мифа. *Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов*, 60–72.

— Cherednikova, Maina. (1995). «Malen'kiy mal'chik» v kontekste novogo mifa. *Mir detstva i traditsionnaya kul'tura: Sb. nauch. trudov i materialov*, 60–72.

Юрчак, Алексей. (2014). Стишки-страшилки. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение, 495–498. М.: *Новое литературное обозрение*.

— Yurchak, Aleksey. (2014). Stishki-strashilki. Eto bylo navsegda, пока не konchilos': *Posledneye sovetskoye pokoleniye*, 495–498. М.: *Novoye literaturnoye obozreniye*.

Приложение 1

Маленький мальчик прочёл Бытие,
кончилась жизнь, началось житие (2016).

2020

Маленький мальчик COVID подхватил,
К бабушке в гости без маски ходил.
Выгоды он получил сразу две,
Антитела и квартиру в Москве.

Маленький мальчик простуду схватил
И бабушку с дедушкой он навестил.
Запах и вкус не почувствовал дед,
Пресный из мальчика вышел обед.

Маленький мальчик закашлял в трамвае,
С поручней кровь три часа отмывали.

Маленький мальчик закашлял в трамвае,
Плакала мать, кровь со стен отмывая.

Лёше сломали очки и ребро —
Нефиг без маски спускаться в метро.

Девочка Оля не верила в сказки
И в магазин заскочила без маски.
ЧОП объяснил ей опасность КОВИДа:
Мать воспитает дочь-инвалида.

Школьникам в классе привили вакцину.
В школу мгновенно пришла дисциплина —
Нет больше визга на переменах,
Лишь ветер гуляет в покинутых стенах.

Дети в кустах в пандемию играли,
Дворник без маски шагал к магистрали.
Грязные тапки торчат из цемента —
Нету пощады ковид-диссидентам!

Маски, бахилы, перчаточки в ряд —
В лагерь не едет отряд октябрят.
Легкое слева, легкое справа —
Это погибла вожатая Клава.

В мусорке ржавый нашли ИВЛ,
Больше в деревне никто не болел.

Дети в подвале играли в COVID —
Люди исчезли с планеты как вид.

Дети в подвале играли в ковид —
Дворник чипирован был и привит.

Старенький дедушка не умирает,
Черти без масочки в ад не пускают.

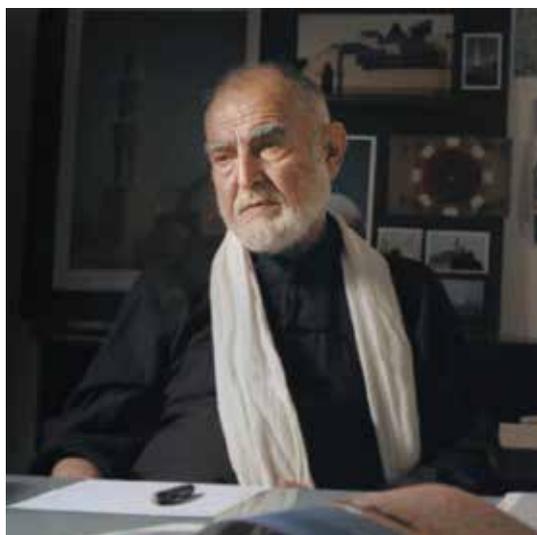
Старенький дедушка не умирает —
Хода без маски нет к аду и раю.□

Документальный фильм об архитекторе Абдельвахаде Эль-Вакиле (перевод транскрипта)

Продюсеры и режиссеры документального
фильма — Оля Корсун и Фуркат Палван-Заде.

Премьера фильма состоялась в 2022 году.

<https://youtu.be/arTivLicuEs?si>

Профессор Абдель-Вахед Эль-Вакиль

Культура, которая принимает всё, теряет свою идентичность. А культура, которая отвергает всё, становится деспотичной и тираничной. Этот баланс важен, когда речь идет о симбиотических отношениях между архитектурой, городом и личной идентичностью. Традиционные ремесла когда-то были тесно связаны с более широкой коллективной идентичностью, а не с эгоистичным индивидуальным самовыражением, которое мы видим сегодня. Например, люди могли определить проис-

хождение ковра или парчи по его стилю, как, например, ковры из Казани, Измира или Бухары.

Ремесло — это не просто создание чего-то; это способ поддержания и выражения коллективной идентичности. Высший уровень признания идентичности — это осознание своего Создателя, что дает наиболее мощное чувство идентичности.

Обращаясь к своему опыту, я рос в Египте во времена значительных политических изменений, включая революцию, которая превратила страну из монархии в республику. Несмотря на эти изменения, у нас остался комплекс неполноценности, привитый Западом. Это было очевидно в архитектуре, где слепо копировали западные стили.

Мой поиск архитектурного стиля, подходящего для Египта, привел меня к Хассану Фатхи, международно известному, но тогда не признанному в Египте архитектору. Работы Фатхи, использующие простые местные материалы, такие как кирпич из глины, открыли красоту, которую часто упускали из виду в пользу более «современных» материалов, таких как бетон и сталь. Он показал, что кирпич из глины, ассоциирующийся с трущобами, может создавать потрясающие структуры, такие же как шедевры Родена.

Фатхи познакомил меня с философией исламской архитектуры, которую я пытался передать своим студентам, сталкиваясь со значительным сопротивлением. Традиционное архитектурное образование было сосредоточено на европейских стилях, отвергая неевропейскую архитектуру как «неисторическую». Однако этот взгляд игнорировал вневременной и адаптивный характер исламской архитектуры, которая служит мусульманским общинам в различных средах.

Во время технологического оптимизма 1960-х годов популярными стали идеи жизни в футуристических, капсульных домах. Однако архитектура без философии становится просто инженерией, теряя свои выразительные и эстетические качества. Сравнение современных минималистских дизайнов с богатыми, культурно насыщенными структурами, такими как индуистские храмы или готические соборы, подчеркивает утрату красоты и смысла в современной архитектуре.

Работы Фатхи спасли меня от многолетних исследований, познакомив с устойчивыми строительными техниками, использующими местные материалы и традиционные ремесла. Эти методы, такие как строительство сводов и куполов без растягивающих материалов, являются экологически чистыми и экономически доступными. Этот подход соответствует идее, что архитектура не должна навязывать бедным дорогие современные материалы.

Суть строительства из земли, как проповедовал Фатхи, глубоко связана с человеческой природой и духовностью. Преходящая природа сооружений из глины отражает жизненный цикл человека [рождение, рост, развитие и смерть], контрастируя с вечной природой духовных памятников, предназначенных для вечности — таких как мечети.

Моя работа, включая мечеть короля Сауда в Саудовской Аравии, отражает эти принципы. Несмотря на скептицизм и риски, строительство 20-метрового купола без современных материалов оказалось успешным, демонстрируя жизнеспособность и красоту традиционных методов.

Влияние Фатхи выходит за рамки отдельных проектов. Он подчеркивал важность внутреннего двора в традиционных домах, пред-

ставляющего собой пространство, где Божье творение (природа) и творение человека (архитектура) сосуществуют гармонично. Эта интеграция природной и созданной материальной среды способствует ощущению духовного и физического благополучия.

Современная архитектура часто лишена этой связи, сосредотачиваясь только на практичности и эстетике. Однако традиционная архитектура наполняет пространства более глубокими смыслами, делая их не просто физическими материальными объектами, но и символами культурной и духовной идентичности.

В традиционном представлении отсутствие внутреннего двора в доме сродни отсутствию души у человека. Каждая культура стремится отразить свою концепцию макрокосмоса в дизайне своих домашних пространств, наполняя их глубоким смыслом. В отличие от абстрактных рассуждений, искусство напрямую общается с эмоциями, минуя необходимость рациональной интерпретации.

Истинные знания в архитектуре включают метафизику, а не только технологии. Придание физическим пространствам смысла обогащает их смыслами, далеко выходящими за пределы их материального существования, создавая среды, которые проникают в сердца, а не только умы посетителей.

Отрывок из архива Абдель-Вахида эль-Вакиля

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ — ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
(отрывок из архива Абдель-Вахида эль-Вакиля)

Думая о том, что нужно сделать для исправления ситуации, важно понять, на каком этапе находится архитектура. Давайте рассмотрим ключевое понятие оригинальности, ведь именно к нему стремится большинство современных архитекторов. В современном понимании это слово означает просто нечто новое, отличающееся, выражающее свою творческую индивидуальность. Но это не то, что должно означать это слово: «оригинальный» подразумевает возвращение к истокам вещей, к архетипам, связанным с космическим порядком, и, следовательно, к пути традиции, который ведет к универсальному. Точно так же слово «творческий» должно относиться к Творцу, Зодчему Вселенной, а не вдохновлять на индивидуализм или эгоизм; понятие «творчество» должно внушать благоговение и смирение. Однако в наши дни те, кто стремится проектировать «оригинально» или «творчески», отрицают истинное значение этих слов. Зачастую [их

Фотография проекта «дом Халава», выполненного Абдель-Вахидом Эль-Вакилем, 1975 год. Агами, Египет. <https://easteast.world/ru/posts/504>

проекты] представляют собой не более чем нагромождение архитектурных «акробатических» приемов, разрушающих само назначение архитектуры, которая должна с помощью осмысленных форм создавать тонкий языковой рисунок и систему коммуникации для визуальных образов. Они же, в свою очередь, ни при каких обстоятельствах не должны отказываться от определенных архетипических рефлексий и не должны закрывать доступ к прошлому, знакомому и доказанно человеческому.

Модернизм — это, по сути, провинциализм, потому что он не хочет заглядывать за горизонт момента. В архитектуре модернистский идеал породил интернациональный стиль — архитектуру идеалов, адаптированную во времени к быстротечному настоящему, стиль без якоря. Органическая архитектура, с другой стороны, адаптированная — в пространстве — к конкретной среде, тоже не смогла создать универсальное решение за счет упрощения функциональных форм. Ускоренный темп развития технологий и потребность в быстрых результатах сделали возвышение Интернационального стиля неизбежным, но только на время, пока его мотивирующие идеалы продолжали преобладать. Модернизм, однако, уже в сознании современного поколения свергнут с пьедестала: оно — это поколение — больше не

видит в нем выражения своих собственных «современных» (модерных) идеалов; на смену модернизму пришел постмодернизм. Любая традиционная архитектура, и в особенности архитектура культовых зданий, развивается вокруг форм, связанных с космологическим порядком. Таким образом, первый шаг к восстановлению идентичности может быть сделан только через правильную оценку и новое внедрение исторических форм. Это необходимо не для того, чтобы создать мертвый слепок прошлых событий, а, напротив, чтобы увидеть в них жизненно важное и тонкое отражение — через меняющиеся формы — неизменных закономерностей, которые регулируют вселенную. Важность непрерывности трудно переоценить. Хорошо известно, что тюремное заключение и лишение свободы вполне могут разрушить личность человека, просто лишив его контакта с себе подобными. Именно связь с другими людьми и с предками укрепляет и поддерживает идентичность; такова спасительная роль преемственности. Идентичность требует контекста. Она не может существовать особняком. Интернациональный же стиль как раз и стоял особняком, изолированным от прошлого. Если в наших древних городах архитектурные стили многовековых периодов сливались в единое целое, то современная архитектура прервала эту преемственность и своей обособленностью способствовала и во многом привела к нынешнему кризису идентичности.

(Жақсы) жер кімнің меншігінде? Орталық Азияның оңтүстігіндегі мақта шаруашылығы, жер иелігі және сортаңданған топырақтар

Томмасо Тревизани¹

Егер менің жерім сөйлей алатын болса, ол: «Мен ауырып қалдым, саған бәрібір болды, енді сен жылап отырсың», — деп айтар еді. (Мақташы, Мырзакент қ., Оңтүстік Қазақстан)

Жердің тозуы бүкіл Орталық Азияның кең ауқымында ауылдық жерлерде ауылшаруашылық жүйелері мен күнкөріс көздеріне қауіп төндіруде, мұнда мақта өсірушілер ирригациялық ауыл шаруашылығының негізін құрайды және қауіптің негізгі ауыртпалығына тап болады. Ауылшаруашылық өндірісі мен жер құнарлығын сақтау мәселелері өзгеріп отыратын саясат пен жерге иелік ету заңдылықтарымен күрделене түседі. Фермерлер өздерінің қысқа мерзімді пайдасы мен ұзақ мерзімді мүддесі — жердің сақталуы қамының арасында қарама-қайшылық пайда болады. Бұл тарауда бұл мәселелер Қазақстанның ең оңтүстігінде орналасқан және мақта өндіретін маңызды өңірі — Мақтаарал ауданы тұрғысынан қарастырылады. Мақтаарал кейсі жерге меншік құқығының заңнамалық негізін өзгерту және Орталық Азияда ұсақ фермерлердің ауыл шаруашылығымен күн көру мүмкіндігін кеміту туралы ағымдағы пікірталастарға өз үлесін қосады, бұл жердің тозуы мен сақталуының әлеуметтік жіктелуіндегі өсіп келе жатқан рөлін көрсетеді. Онда ауыл шаруашылығының тұрақтылығы саласындағы төтенше жағдайларды шешуге бағытталған ізгі ниетті саясат «шағын» өндірушілер мен ірі фермерлік қожалықтар арасындағы әлеуметтік-экономикалық және экологиялық теңсіздікті күшейтіп, экологиялық тұрақтылық пен әділеттілік жөніндегі қорқынышты нәтижелі жойғанын көрсетті (Agyeman et al. 2003). Орталық Азиядағы экологиялық әділеттілік туралы соңғы пікірталастар бұл «экоүлтшылдық» (Dubuisson 2020) тұжырымдамасын сөз етіп, сыртқы факторларға (яғни, мемлекеттік немесе шетелдік) жергілікті қарсылық формаларын жарықтандырды (Weinthal and Watters 2010; Wooden, 2018). Осы мысалдардан қарағанда, постсоциалистік мақта шаруашылығында жерді сақтау туралы жергілікті дискурста «жауызды» көрсету оңай емес. Ауылшаруашылық субъектілерінің экологиялық жауапкершілік пен әділ тұрақтылық туралы түсініктері (Mohai et al., 2009) күнкөріс көздерінің және жерге меншіктің өзгеріп отыратын модельдерімен бірге өзгеруіне қарай, ұжымнан кейінгі Мақтаарал экологиялық болашақ туралы жергілікті пайымдауларды қарастыру пайдасына қызықты дәлелдер келтіреді.

Тірек сөздер: топырақтың тұздануы, жекешелендіру, ұжымдастыру.

1 Неаполь «L'Orientale» университетінің доценті қауымдастырылған профессоры

Who Owns The (Good) Land?¹

Cotton farming, land ownership and salinised soils in southern Central Asia

Tommaso Trevisani²

If my land could speak, it would say: *'I got sick and you did not care; now you are the one who is crying.'* (Cotton farmer, Mirzakent, Southern Kazakhstan)

Land degradation is increasingly threatening agricultural systems and rural livelihoods on a vast scale across Central Asia, where cotton farmers represent the backbone of irrigation-based agriculture and face the brunt of the threat. Questions of agricultural production and preservation are complicated by evolving policies and land-ownership patterns. Farmers juggle concern for their short-term gains and the long-term preservation of their soils and many, as in the quote above, struggle to find a balance. This chapter explores these problems through the view from Maktaaral District, Kazakhstan's southernmost and most important cotton-producing region. It addresses how agricultural actors emerging from the post-Soviet ownership regime are coping with the challenge of land degradation. Previous studies of post-socialist transformations of rural communities in irrigated areas of Central Asia have emphasised the changing gender, property and power relations in agricultural production (*Kandiyoti 2003; Trevisani 2011; Zanca 2011; Hofman 2019*). They documented the lingering claims and resentments of those penalised by the outcome of a decollectivisation that has advantaged the rich and powerful, opening up a gap between winners and losers during the process of reform (*Hann et al. 2003; Trevisani 2011*). However, the environmental dimension of the transition to post-socialist agriculture has remained underexplored.

The case of Maktaaral contributes to current debates on changing land ownership and decreasing options for small farmers to make a living from agriculture in Central Asia by emphasising the increasing role of land degradation and conservation for social differentiation. It shows how well-intentioned policies addressing agricultural sustainability emergencies have aggravated socio-economic and environmental disparities among 'small' producers and large farms, effectively decoupling concerns over environmental sustainability and justice (*Agyeman et al. 2003*). Recent debates on environmental justice in Central Asia have deployed the concept of 'econationalism' (*Dubuisson 2020*), also emphasising local forms of resistance against external (i.e., state or foreign) actors (*Weinthal and Watters 2010; Wooden 2018*). Unlike these examples, in post-socialist cotton agriculture it is not easy to point to the 'villain' in local reasonings on land conservation. As agricultural actors' understandings of environmental responsibility and just sustainability (*Mohai et al., 2009*) shift along with their changing patterns of livelihood and land ownership, post-collective Maktaaral makes an interesting case for addressing local reasonings on environmental futures.

Key words: *soil salinization, privatization, decollectivisation.*

¹ The Central Asian World, Edition by Jeanne Féaux de la Croix, Madeleine Reeves, Copyright ©2023 by Routledge. Reproduced by permission of Taylor & Francis Group. pp.465-481

² Associate Professor at the L'Orientale University of Naples. ORCID: 0000-0001-9092-030X

Кому принадлежит (хорошая) земля?^[1]

Хлопководство, землевладение и салинизация почвы на юге Центральной Азии

Томмасо Тревизани¹

Если бы моя земля могла говорить, она бы сказала: «Я заболела, а тебе было все равно, теперь ты плачешь». (Хлопковод, г. Мирзакент, Южный Казахстан)

Деградация земель все больше угрожает сельскохозяйственным системам и источникам дохода в сельских районах. Под угрозой в основном находятся фермеры, выращивающие хлопок, которые составляют основу ирригационного сельского хозяйства в Центральной Азии. Вопросы сельскохозяйственного производства и сохранения почв осложняются меняющейся земельной политикой и моделями землевладения. В такой обстановке фермерам хлопководам сложно находить баланс между собственными краткосрочными стратегиями получения дохода и долгосрочными интересами сохранения качества почв. Данная статья привлекает внимание к текущим дебатам об изменении законодательной основы прав собственности на землю и сокращении возможностей для мелких фермеров зарабатывать на жизнь сельским хозяйством в Центральной Азии, подчеркивая растущую роль деградации и сохранения земель в социальном расслоении. В ней показано, как на первый взгляд, благонамеренная политика, направленная на решение чрезвычайных ситуаций в области устойчивости сельского хозяйства, усугубила социально-экономическое и экологическое неравенство между «мелкими» производителями и крупными фермерскими хозяйствами, эффективно устраняя опасения по поводу экологической устойчивости и справедливости (Agyeman et al. 2003). Недавние дебаты об экологической справедливости в Центральной Азии развернули концепцию «экоционализма» (Dubuisson 2020), делая акцент на местных формах сопротивления внешним (т.е. государственным или иностранным) акторам (Weinthal and Watters 2010; Wooden, 2018). В отличие от этих примеров, в хлопководческом хозяйстве и в местном дискурсе о сохранении качества почв нелегко найти «конкретного злодея». По мере того, как представления сельскохозяйственных субъектов об экологической ответственности и справедливой устойчивости (Mohai et al., 2009) меняются вместе с меняющимися моделями источников средств к существованию и собственности на землю, постколлективный Мактаарал представляет собой интересный кейс именно локальных дебатов об экологическом будущем.

Ключевые слова: засоление почв, приватизация, деколлективизация.

¹ Ассоциированный профессор Университета Неаполя "L'Orientale"

Деградация земель и хлопковые оазисы в Центральной Азии

Подавляющее большинство населения, проживающего в полупустынных южных районах Центральной Азии, сосредоточено в густонаселенных орошаемых зонах, в которых сельское хозяйство по-прежнему является основой экономики^[2]. Крупные орошаемые речные оазисы были характерны для районов бассейнов Сырдарьи и Амударьи на протяжении тысячелетий (*Andrianov 2016*), но в советские годы их поверхность была непропорционально и неустойчиво расширена (*Teichman 2016; Obertreis 2017*). Советское руководство навязало монокультуру хлопка местным производителям в районах, малопригодных для этой культуры (*Thurman 1999*). Большое количество воды отводилось из основных рек на вновь расчищенные поля на ранее невозделываемых землях, а посевные площади и производство хлопка росли в огромных масштабах^[3]. В ходе этого процесса общество и окружающая среда радикально трансформировались, оставив после себя неоднозначное наследие, с которым сейчас сталкиваются постсоветские республики Центральной Азии: с одной стороны, советская хлопковая политика стала основой для развития, модернизации и оживления сельских общин, которые нашли свое экономическое оправдание в коллективных хлопковых хозяйствах советского производства (*Roy 1999; Trevisiani 2011*); с другой стороны, эта же политика оставила за собой шлейф экономических, экологических и гуманитарных катастроф^[4], кульминацией которых стала известная катастрофа Аральского моря (*Fusco and Quagliarotti 2016*).

Деградация земель, особенно в форме засоления почв, является одним из аспектов этого наследия. Несмотря на то, что экологические протесты против нецелевого использования и приватизации земли находятся на подъеме, а новый низовой активизм все чаще бросает вызов государственным и частным коммерческим интересам в вопросах экологии (*Dubuisson 2020*), проблеме деградации сельскохозяйственных земель не уделяется особого внимания. Ползучий, диффузный и запаздывающий характер ее воздействия на сельское хозяйство

Рисунок 1. Зброшенны сельхозугодья в Мактааральском районе, (сентябрь 2017 г.).

способствовал недооценке важности проблемы в общественном восприятии. В то же время масштабы деградации земель все больше подрывают продуктивность наиболее ценных и плодородных земель Центральной Азии (*Mirzabaev et al. 2016*), вызывая обеспокоенность по поводу продовольственной безопасности и необходимости критического переосмысления существующих методов ведения сельского хозяйства (*Djanibekov et al. 2016*). Возвращаясь к наследию советского хлопководства, можно сказать, что нынешние методы все еще трудно изменить. Расточительное водопользование, неправильное управление водными ресурсами и отсутствие надлежащего дренажа являются основными причинами избыточного засоления орошаемых почв в Центральной Азии^[5].

В сильно засоленных районах низовьев Сырдарьи и Амударьи ранее орошаемые площади были превращены в засушливые пастбища с ограниченным целевым назначением — только для выпаса овец и верблюдов.^[6] Солончаковая корка покрывает наиболее пострадавшие земли, как белое одеяло, превращающее некогда плодородную землю в соленую пустыню. Люди в этих регионах столкнулись с про-

грессирующим ухудшением здоровья и уровня жизни, им пришлось переориентировать свои хозяйства на пастбищное животноводство, предпринимательство или занятость вне сельского хозяйства или вовсе мигрировать в поисках работы и лучших условий жизни. Выше по течению Сырдарьи экологические и социальные последствия засоления почв для людей были менее серьезными, но они увеличивались. Здесь сельскохозяйственный ландшафт по-прежнему формируется множеством прилегающих друг к другу возделываемых участков, и ухудшение почвы менее заметно невооруженным глазом. Случайные засоленные островки усеивают хлопковые поля, а спорадические засоленные участки могут даже выделяться в плоском и однообразном хлопковом ландшафте своей пышной и дикой растительностью. Это связано с тем, что после прекращения выращивания сельскохозяйственных культур вспашка больше не производится, и солеустойчивые сорняки, кустарники и травы могут процветать, при условии, что земля не слишком засолена (см. рисунок 1). В этих районах, расположенных выше по течению, фермеры продолжают заниматься орошаемым земледелием, но теперь они борются со снижением урожаев, что увеличивает давление на источники средств к существованию в сельской местности.

Советские почвоведы и инженеры-ирригаторы накопили многолетний опыт в борьбе за смягчение явлений вторичного (вызванного орошением) засоления почв (Elie 2015; Prilutskaya 2017). После первоначальных трудностей их знания помогли создать сложную ирригационную и дренажную инфраструктуру в 1970-х и 1980-х годах, что позволило хлопкоробам во многих частях советской Средней Азии сдерживать последствия засоления почвы, управляя ирригацией и уровнем грунтовых вод (Borovsky 1982; Moroz 1993). Достижения были обусловлены централизованным снабжением из Москвы: щедрые бюджеты, оборудование и кадры и очень низкие цены на энергоносители. Тридцать лет спустя ухудшение состояния сельскохозяйственной и гидротехнической инфраструктуры, созданной в советское время для крупномасштабных ирригационных систем, привело к тому, что экологические проблемы, ранее ограничивавшиеся низовьями и окраинными регионами, приблизились к «ядру» хлопковых оазисов выше по течению.

Обстановка

Мактааральский район включает в себя часть Казахстана, называемую «Голодной степью». Также именуемая степью *Мырзашөл* (на казахском и узбекском языках), она представляет собой обширное и плоское юго-восточное продолжение пустыни Кызылкум. На картах она обозначена как полуэксклав, окруженный территорией Узбекистана и отделенный от основной части Казахстана Сырдарьей и Шардаринским водохранилищем. До распада Советского Союза она была частью одной большой и неделимой ирригационной системы, постепенно развивавшейся в течение предыдущих 150 лет, сначала при царской, а затем при советской власти (Matley 1970; Bichsel 2012). В переводе с казахского «Мактаарал» означает «хлопковый остров». Сегодня это густонаселенный и интенсивно орошаемый хлопковый регион^[7]. Несмотря на то, что здесь мало возможностей для трудоустройства вне сельского хозяйства, качество сельскохозяйственных земель снижается в результате упадка ирригационной инфраструктуры советской эпохи, произошедшего в постсоветские годы (Otarov 2017). В Мактаарале советские достижения в области управления засолением почв до сих пор являются эталоном, по которому фермеры, специалисты по ирригации и правительственные чиновники оценивают текущие проблемы в области управления засолением.

Новый независимый Казахстан приспособился к критическому постсоветскому дефициту бюджета, проведя либеральные реформы, сократив субсидии сельского хозяйства и раздробив крупные колхозы, земли которых постепенно перешли к гораздо более мелким индивидуальным хозяйствам (Toleubayev et al. 2010). Как следствие, в 1990-е годы сельскохозяйственный сектор сильно пострадал. Сельскохозяйственное производство сократилось, условия жизни в сельской местности значительно ухудшились. В Мактааральском районе постепенное восстановление, стимулируемое предпринимательской свободой, которая была недоступна производителям хлопка в Узбекистане, являющемся региональным лидером по производству хлопка (Kandiyoti 2003; Spoor 2009), началось только на рубеже тысячелетий. В то время как в Узбекистане государство сохраняло контроль над всеми уровнями «стратегического» (потому что это было критически важно для государственного бюджета) хлопкового сектора, в Казахстане была упразднена советская система государственных закупок, приватизированы хлопкоочистительные заводы и дерегулированы сделки между производителями и хлопкоочистителями. Частные хлопкоочистительные заводы стимулировали выращивание хлопка, поддерживая

мелких производителей гарантированными заказами на закупку и кредитами, даже привлекая хлопок, ввозимый контрабандой из Узбекистана, где контролируемые государством цены были менее привлекательными для производителей. Начиная с 2003 года, растущий спрос на хлопок со стороны хлопкоочистителей вызвал настоящий хлопковый бум среди мелких фермерских хозяйств (Petrick et al. 2017). Из-за небольших размеров хозяйств и недостатка капитала хлопкоочистительные заводы сохраняли доминирующую позицию в этом процессе. Посевные площади под хлопок выросли, а урожайность с гектара поднялась с низкого уровня периода распада Советского Союза, но фермеры получали прибыль за счет здоровья своих почв, поскольку руководствовались краткосрочной экономической логикой, особенно среди не склонных к риску бедных мелких фермеров, которым не хватало навыков и ресурсов для диверсификации и улучшения своего хозяйства. После долгих лет сокращения инвестиций и дерегуляции обстоятельства вынудили правительство вмешаться. Нефтяной бум Казахстана в первом десятилетии 2000-х годов позволил правительству реинвестировать значительные средства в сельское хозяйство путем введения субсидий на выращивание сельскохозяйственных культур и инвестиций в крупные инфраструктурные проекты (Dudwick et al. 2007; Petrick et al., 2017). Дренажная система Мактаарала, обслуживание и администрирование которой первоначально были переданы местным заинтересованным сторонам, была передана правительству в 2011 году с целью создания современной дренажной системы без каких-либо затрат для фермеров (однако к 2017 году была восстановлена только треть мощностей советской эпохи). Фермеры приветствовали эту политику, но ее результаты повлияли на фермеров неравномерно, принося большую выгоду крупным фермам, нежели мелким хозяйствам.

Сегодня в Мактаарале фермеры сталкиваются со многими трудностями и проблемами, а важность засоления почв как фактора, угрожающего благополучию сельских жителей, не всегда признается фермерами или не удостоивается должного внимания. Малые и крупные фермерские хозяйства сталкиваются с разными условиями. Повышение засоленности почв сильнее бьет по самым уязвимым слоям населения, увеличивая уже существующее неравенство. Помимо того, что мелкие хозяйства плохо приспособлены к коммерческому сельскому хозяйству, они часто усугубляют проблему деградации земель в результате своей сосредоточенности (и зависимости) от быстрой выгоды или других текущих проблем. Позвольте мне проиллюстрировать это этнографически, представив свидетельства с хлопковой фермы

площадью 10,5 гектаров, которой управлял Бекболат, тридцатилетний фермер и лейтенант полиции.

Небольшие фермерские хозяйства на больших участках

Во время визита к семье Бекболата в конце сентября 2017 года большое количество нераскрывшихся хлопковых коробочек стало поводом для беспокойства. По всему региону хлопковый вредитель особенно сильно ударил по урожаю фермеров в том году. Семья решила еще больше отложить наём хлопкоуборочного комбайна в надежде, что в ближайшие дни откроются новые коробочки, но они также знали, что многие коробочки хлопка, поврежденные насекомыми, теперь не откроются. Откладывать сбор урожая рискованно, так как внезапное изменение погоды может еще больше снизить качество хлопка, а следовательно, и потенциальный доход. Бекболат опасался, что урожай этого года не принесет достаточного дохода даже для покрытия расходов выращивания урожая. Рассказывая о прошедшем годе, он сравнил выращивание хлопка с тяжелой гонкой со временем, с отставанием от графика, продиктованным особенностями сельхозкультуры. Посев произошел с опозданием, потому что поле не могло быть подготовлено к нему вовремя. Небольшие фермерские хозяйства, такие как его, часто испытывают нехватку тракторов и полагаются на наемную технику, которая является дефицитной, дорогой и ненадежной в периоды посева и сбора. Выщелачивание, водопотребляющая практика советской эпохи, выполняется фермерами для снижения засоленности почвы перед посевом. Когда-то это централизованно осуществлялось колхозом, а теперь «100 фермеров стоят в очереди» за водой. В том же году очередь Бекболата подошла поздно, и подготовка к посеву задержалась. Когда хлопок зацвел, стало очевидно, что семена, полученные на местных хлопкоочистительных заводах, были низкого качества. Когда-то качество семян гарантировалось специализированными научно-исследовательскими институтами, весь постсоветский период оно постепенно снижалось (*Dosbieva 2007*). В настоящее время можно купить качественные импортные семена, но рядовые фермеры редко могут себе это позволить. Водоснабжение для орошения в критический летний период стало более проблематичным, так как Узбекистан — выше по течению — сократил пропускную способность канала Достык («Дружба») после засухи (*Petrick et al. 2017, 444*). Несмотря на то, что в

тот год воды было в избытке, обстоятельства привели к тому, что вода принесла больше пользы насекомым, чем хлопку. Пытаясь смягчить проблему, Бекболат потратил в три раза больше денег, чем обычно, на пестициды. Фермеры с соседних участков не последовали его примеру, и эти дополнительные расходы были бесполезны для хозяйства Бекболата. После каждого раунда применения пестицидов вредители возвращались с соседнего участка с новой силой.

Бекболат знал, что засоление почвы является проблемой всего района, но знания о конкретной ситуации на его земле были смутными, и он чувствовал себя более уязвимым из-за отсутствия пестицидов, способных сдерживать вредителя, чем из-за неисправного дренажа: *«Мы не боимся соли; Мы боимся этих паразитов»*, — сказал он мне во время нашей первой встречи. Позже он с удивлением обнаружил, что на карте засоления почвы района, предоставленной мне чиновниками, его земля была обозначена как «умеренно засоленная». Отец Бекболата, бывший колхозный бухгалтер на пенсии, думал иначе. Проведя всю жизнь над хлопковыми картами и сравнив данные колхоза с записями, сделанными с момента создания семейной фермы в 2001 году, он подметил снижение урожайности с 3-4 тонн с гектара, когда эти земли использовались колхозной бригадой еще в начале 1980-х годов, до 2,5 тонн с гектара, которые семейная ферма давала в среднем с момента своего основания в 2001 году. По его мнению, причиной разницы стало ухудшение дренажа. В конечном счете, если жук был главным виновником плохого сезона для Бекболата, то, по словам его отца, засоленность почвы в сочетании с высоким уровнем грунтовых вод, вызванным плохим дренажем, ослабили растения и сделали их более уязвимыми для атак вредителей, что было решающей, в долгосрочной перспективе, причиной снижения урожайности (см. рисунок 2, на котором показаны растения хлопчатника на ферме Бекболата).

«Эгоизм» крестьян и «плохая осведомленность» индивидуальных фермеров являются, по словам отца Бекболата, принципиальным отличием от колхозного хозяйства. Решения по сельскохозяйственным культурам имеют далеко идущие последствия в густонаселенном орошаемом земледелии, где землепользование оказывает влияние на засоленность почвы и рост сельскохозяйственных культур на соседних участках. Выращивание риса, например, является водоемким и может снизить урожайность соседних хлопковых участков за счет повышения уровня грунтовых вод. Вредители и сорняки могут перепрыгивать с запущенного поля на другое. В прошлом планы посевов и графики полива определялись на уровне колхоза, следуя экспертным знаниям и производственным планам, продиктованным сверху

Рисунок 2 хлопок на засоленных почвах

вниз. Фрагментированные участки и графики могут стать источником стресса для фермеров сегодня. В последние годы Бекболат пытался использовать рудиментарную форму севооборота для улучшения качества почвы, но результат был разочаровывающим, и он чувствовал, что ему не хватает советов знающих людей. В колхозе главный агроном следил за ростом урожая и обладал знаниями, средствами и полномочиями для принятия соответствующих мер в случае необходимости. Несмотря на то, что фермеры ценят свою личную свободу и высоко ценят право собственности на землю, многие сегодня скучают по авторитетной фигуре государства.

Все эти проблемы создают общее представление о проблемах, с которыми сталкиваются мелкие фермеры в процессе перенастройки хлопководства, которое было разработано для очень крупных колхозов, в очень маленькие семейные предприятия. То, что относится к сдерживанию вредителей, также относится к выравниванию участка, внесению удобрений, орошению, выбору культур и т. д. Бекболат привязан к своей земле и желает защитить и улучшить ее, сокрушаясь при этом, что не знает, как это сделать правильно. С приватизацией

сельское хозяйство было преобразовано из крупных коллективных хозяйств в «индивидуализированные» (Lerman et al. 2004) фермерские хозяйства, но нормы и практика землепользования и охраны, первоначально разработанные для управления в больших масштабах, не изменились. Выращивание хлопка на больших участках бывшего колхоза предполагает взаимозависимость, знание и использование технологий, которые выходят за рамки отдельных хозяйств, что делает защиту и улучшение качества земли достаточно обременительным для мелких хозяйств.

Приватизация

После распада СССР колхозы и совхозы сначала были преобразованы в кооперативы и акционерные общества, а семьи получили долю, определяемую размером домохозяйства и стажем работы в колхозе (Spoor 1999; Toleubayev et al., 2010). Эти реформированные коллективные хозяйства формально принадлежали бывшим работникам, ставшим акционерами, но де-факто по-прежнему управлялись централизованно и сверху вниз управляющим фермой. Как и в предыдущих колхозах, в этих реформированных крупных хозяйствах существовала четкая иерархия рабочих мест между более квалифицированным и влиятельным руководством фермы (председатель, старший персонал) и рядовыми фермерами (колхозники). В социалистический период должность управляющего колхозом была влиятельной и уважаемой. Властные отношения между менеджером и рядовыми работниками отражали способность руководства распределять и перераспределять (Verdery 1996). После социализма руководители ферм и старшие сотрудники играли ключевую роль в определении приватизации земли и активов реформированных колхозов, в том числе в определении того, как акции превращались в фактическую собственность. Те, кто ушел из колхоза до того, как паи стали персонифицированы в разграниченную собственность, потеряли право на землю или компенсацию^[8]. В свою очередь бывшие руководители вышли из коллективного земледелия с хозяйствами более крупными, лучше оснащенными и более конкурентоспособными, чем у рядовых фермеров. Этот результат деколлективизации позволил бывшим руководителям колхозов и их соратникам воспроизвести иерархию власти, которая уже формировалась в колхозах в советские годы (Nazpary 2001). Управляющие фермами в конечном счете получили большие и лучшие участки

земли и активы (Toleubayev et al. 2010, 356-357), вызвав зависть и негодование других колхозников, оставшихся обездоленными в процессе^[9]. В то время как некоторые считали, что такой результат реформ был оправдан более глубоким опытом, навыками и связями управляющих фермами (Lampland 2002), другие выражали свое разочарование нарушениями и злоупотреблениями: «Наш председатель забрал лучшие земли для себя, и это сошло ему с рук», утверждает Бекболат. Его отец с сожалением говорил о конце их постсоветского кооператива, сетуя на то, что теперь «каждый сам по себе». Он завидовал деревням, в которых сохранилась какая-то форма более эгалитарного коллективного сельского хозяйства, приводя в пример, фермерский кооператив с единым управлением, состоящий из 200 семей, владеющих пайщиками, в основном мелкими фермерскими хозяйствами, в поддержку утверждения, что распада их кооператива можно было избежать. Председатель кооператива с единоличным управлением, сам являющийся владельцем самого крупного имущества в кооперативе, так объяснял причину успеха кооператива:

«Мы все родственники. Мы приехали из Таджикистана, чтобы жить и работать вместе в этом селе. Мой отец был председателем, и когда он умер, люди проголосовали за меня в роли начальника. Надо понимать людей, если ты хочешь жить с ними, вы должны уметь с ними работать. Построили школу, детский сад, трубы для питьевой воды. Также необходимо не быть слишком жадным и не набивать рот; В противном случае коллектив распался бы.»

Влиятельные менеджеры крупных ферм или кооперативов склонны преувеличивать свой альтруизм так же, как обычные мелкие фермеры склонны считать траву более зеленой по другую сторону забора своего кооператива. Тем не менее, даже этот идеализированный случай, несмотря на риторику менеджера о родственной солидарности, был отмечен значительными различиями между рядовыми акционерами и руководством фермы. В целом, в результате земельной реформы в Мактааральском районе создано более 20 000 фермерских хозяйств и кооперативов. По данным районного отдела сельского хозяйства, лишь немногие в каждом бывшем колхозе имели крупные усадьбы площадью 50 и более гектаров, а 70% сельскохозяйственных угодий составляли мелкие хозяйства площадью менее 5 гектаров. Этого едва хватает, чтобы обеспечить семью и «мелкие» фермеры в Мактааральском районе должны диверсифицировать свои стратегии выживания и источники дохода. Люди интегрируют сельскохозяйственную прибыль с другими источниками дохода или ренты и полагаются на взаимную поддержку родственников. Те, у кого нет значи-

тельных сельскохозяйственных угодий, либо занимаются временной трудовой миграцией в города, либо работают водителями, либо работают за низкую зарплату на государственной службе в сельских школах, детских садах, медицинских центрах или полиции. Многие «мелкие» фермеры, выращивающие хлопок, ожидали, что правительство в какой-то момент вмешается и обеспечит их достойной работой. В то же время пенсии и денежные переводы составляют большую часть расходов сельских жителей и являются важной частью скромных сельскохозяйственных семейных бюджетов.

Тем не менее, даже среди «проигравших» реформаторов приватизация редко ставится под сомнение как таковая. Критика рядовыми фермерами несправедливых преимуществ перед доступом к сельскохозяйственным угодьям со стороны сильных мира сего уживается с привязанностью к своим небольшим участкам и титулам собственности. В Казахстане большая часть сельскохозяйственных земель до сих пор юридически принадлежит государству, а земля сдается в аренду фермерам по долгосрочным контрактам. Налогообложение на землю низкое, но производители вынуждены поддерживать качество земли или иным образом возвращать землю. Деколлективизация ввела долгосрочную аренду земли, которую фермеры понимают почти как равнозначную полному владению собственностью. Чиновники говорят, что правительство считает, что только крупные фермерские хозяйства способны справиться с растущими проблемами сельского хозяйства. В 2016 году было введено новое законодательство, направленное на стимулирование роста фермерских хозяйств путем предоставления кредитов на субсидированную покупку техники и тракторов фермерским хозяйствам и кооперативам площадью более 50 гектаров. Теоретически мелкие фермеры могут объединить свои участки в более крупные и получить доступ к этим финансовым инструментам. На практике, поскольку доверие к постсоветскому земельному устройству ограничено (*Giordano and Kostova 2002*) и отмечено опытом захвата власти руководителями ферм, рядовые фермеры с трудом преодолевают этот порог. Таким образом, государственная политика в конечном итоге укрепляет фермерские хозяйства, которые и без того сравнительно сильны, тем самым углубляя существующее неравенство в сельских районах: некоторые крупные фермы, которые пользуются хорошими услугами и почвами, могут получать хорошую прибыль, в то время как большинство мелких фермеров борются с низкими урожаями и опасаются за свое будущее.

Большие фермы

В Мактаарале владельцы крупных фермерских хозяйств или руководители кооперативов часто также являются важными личностями (например, членами областных или районных собраний, бывшими акимами (губернаторами), сыновьями руководителей колхозов...) и, как и в Узбекистане (ср. *Wegerich 2010; Trevisani 2011*), сильные социальные связи, по-видимому, являются предпосылкой (и следствием) того, что в их распоряжении оказываются большие площади земли. В 2016 году крупнейшее частное хозяйство Мактааральского района занимало 500 гектаров и принадлежало Ерболу, сыну известного и удостоенного множества наград бывшего директора колхоза, который вышел из кооператива после приобретения значительного поместья в 1997 году. Во время моего визита он выращивал хлопок на 200 гектарах; остальные земли были засеяны различными высокоценными культурами, которые были проданы напрямую покупателям в России и Северном Казахстане. Эти выгодные сделки сделали ферму менее зависимой от кредитов и дали ей преимущество в переговорах с местными хлопкоочистительными фабриками. Напротив, мелким хозяйствам часто не хватает авансового капитала для финансирования операций, необходимых для выращивания хлопка. Как правило, у них заканчивались деньги при подготовке полей задолго до сбора урожая, и в 2016 году, по данным департамента сельского хозяйства района, около 80 процентов хозяйств района заключили фьючерсные контракты с хлопкоочистительными фабриками (в случае Бекболата — с процентной ставкой 17 процентов).

Ферма Ербола могла похвастаться современными технологиями, элитными семенами и другими инновациями, внедренными после командировок в Европу и США. Засоление почвы никогда не было острой проблемой на этой ферме, потому что земля не подвергалась воздействию высоких уровней грунтовых вод. Владелец фермы считает, что засоление почвы является проблемой, которую должно решить правительство, но что *«там, где правительство не может ее решить, фермер должен взять решение проблемы в свои руки»*, в то же время считая, что «мелкие» фермеры не способны сделать это из-за их мелких интересов, отсутствия средств и низкой компетентности. Напротив, он высоко оценил современные технологии и финансы семейной животноводческой фермы, которую он посетил в Соединенных Штатах, где 12 000 голов крупного рогатого скота управлялись всего двенадцатью людьми, рассматривая это как модель для развития своей собственной фермы. Его хозяйство было оснащено 35 тракторами, самые

новые из которых были закуплены на государственные средства в кредит. В нем работало 37 сотрудников; Это лишь малая часть рабочих, когда-то нанятых бывшим колхозом для работы в таком имении.

Владельцы крупных фермерских хозяйств, как правило, сводят к минимуму количество работников, чтобы сэкономить и увеличить свою прибыль, но бывшим руководителям кооперативных ферм, таким как Ербол, часто приходится выбирать между своей личной заинтересованностью в прибыли, и ожиданиями сельских жителей, уходящими корнями в колхозную эпоху перераспределения, социальным давлением, чтобы продемонстрировать некоторую социальную ответственность. Ербол показал мне проспонсированный им парк с памятником своему отцу в качестве примера своего вклада в развитие родного села. Тем не менее, этот небескорыстный подарок вряд ли мог оправдать ожидания перераспределения его многочисленных односельчан, которые нуждались в работе или земле, и показывает, как крупные фермеры могут отвергать претензии сельских жителей, взывающих к коллективистской морали предыдущего экономического уклада (*Hann et al. 2003*), и, в то же время, создавать видимость того, что делают обратное.

Богатые фермеры и руководители кооперативов в Мактаарале с энтузиазмом сообщили о новом постановлении, от 2016 года, в соответствии с которым держатели долгосрочной аренды земли смогут превратить свою аренду в полную собственность при условии уплаты относительно доступной суммы в 136 000 тенге (примерно 400 долларов США) за гектар (цена варьируется в зависимости от качества земли) или уплаты 50 процентов суммы, а остальное в течение десяти лет. Бекболат, как и многие мелкие фермеры, неохотно вкладывал деньги в эту операцию из-за нехватки капитала, в то время как Ербол рассказал, что он уже превратил часть своего крупного поместья в полную собственность и планирует преобразовать еще больше в будущем. В 2016 году правительство объявило о продаже и аренде 1,7 миллионов гектаров земли по всей стране. Также рассматривалась возможность аренды земли иностранными инвесторами, но в итоге правительство было вынуждено отказаться от этой инициативы из-за яростных протестов^[10]. Общественные протесты против приватизации земли (*Dubuisson 2020*) не нашли большого отклика в Мактаарале, как и перспективы того, что иностранные корпорации возьмут на себя сельское хозяйство в этом интенсивно обрабатываемом районе, не казалась фермерам, с которыми я разговаривал однозначно негативной. Выступая против передачи земли иностранцам, даже мелкие землевладельцы в Мактаарале не возражали против возможности полной приватизации

земли, полагая, что они также выиграют от этого. Для фермеров, с которыми я разговаривал, основной вопрос заключался скорее в том, когда, а не произойдет ли полная приватизация земли вообще. Фермеры, такие как Бекболат, или те, у кого есть еще меньшие владения, видят свою нынешнюю проблему скорее в том, как удержаться на плаву в надежде, что их арендованные земли в будущем превратятся в полную собственность. На другом конце сельскохозяйственной иерархии крупные фермеры более оптимистично смотрят в будущее, убежденные, что правительство будет отдавать приоритет улучшению крупных ферм, а не мелких.

Малые фермы

Когда кооператив был ликвидирован, семья Бекболата заняла часть участка площадью 18 гектаров, который когда-то управлялся коллективной бригадой как единое целое, а теперь разделен между его семьей и другой фермой. На бумаге ферма Бекболата состояла из двух отдельных единиц, зарегистрированных соответственно на имя его отца и старшего брата. Поскольку его брат недавно переехал на работу в город, Бекболат управлял этими прилегающими землями как единым целым, от имени всей семьи. Бремя трудоемких сельскохозяйственных работ в период выращивания в основном ложилось на семью. До недавнего времени фермеры нанимали низкооплачиваемых сезонных рабочих из Узбекистана под крайне эксплуататорские условия (Dosbiev 2007), но ужесточение пограничного режима усложнило эту задачу. В прошлом Бекболат нанимал узбекских рабочих, но больше не делает этого, потому что *«вы должны постоянно присматривать за работниками, иначе они будут вас обманывать»*, а также из-за *«хлопот с нашей миграционной полицией»*, которая требует оформления документов и официальной выплаты зарплат (или дачи взяток). Тем не менее, многие мелкие хозяйства по-прежнему зависят от наемной работы и тракторов, особенно когда фермы настолько малы, что денежные переводы мигрантов превышают потенциальные доходы фермеров. В подобных случаях некоторые члены семьи могут мигрировать в поисках работы, в то время как другие остаются дома, чтобы охранять свои арендованные земли.

Для тех, у кого нет сельскохозяйственных угодий или дохода от бизнеса или занятости, неформальные сделки по землепользованию могут быть источником дохода от сельского хозяйства. Обычно такие

договоренности заключаются между мелкими фермерами, и сделка заключается на сезон, в том числе с использованием дорогостоящих товарных культур, которые могут быть проданы на местных рынках или за рубежом. Например, участок фермера Чингиза в 4 гектара был слишком мал, чтобы прокормить семью из пяти человек: *«Здесь много людей, мало работы. Люди уезжают за границу или в большие города в поисках работы. Моя жена работает учителем и зарабатывает мало. Я фермер, но нашей земли нам не хватает»*. Шесть дополнительных гектаров были арендованы у знакомых, которые переехали в Алматы на заработки. Чингиз управлял землей таким образом, чтобы максимизировать свою прибыль, независимо от ее долгосрочной сохранности, и оправдывал это тем, что *«владельцу все равно, он старается получить как можно больше денег, сдав ее в аренду»*. В Мактаарале и других местах (см., например, *Rasanayagam, 2011*) для Узбекистана) сдача земли в субаренду является широко распространенной формой сельскохозяйственного предпринимательства, представляющей собой важную возможность для получения дохода при отсутствии других рабочих мест, позволяя земледельцам найти дополнительные земли для выращивания товарных культур. Сделки по субаренде сельскохозяйственных угодий являются незаконными, потому что они поощряют краткосрочное мышление, ориентированное на урожайность, которое способствует истощению почв и подрывает заинтересованность в защите и сохранении почв. Несмотря на то, что это угрожает качеству почвы, власти в некоторой степени терпимо относятся к этой практике, осознавая, что в отсутствие рабочих мест или адекватного благосостояния от нее зависят средства к существованию в сельской местности.

В 2017 году Бекболат собрал 1,7 тонны с гектара. Фермеры, выращивающие хлопок в Мактаарале, говорят, что прибыль, поступает в карманы фермеров при урожайности превышающей 1,5 тонн с гектара^[11] (за вычетом производственных затрат, таких как техника и наемный труд). Бекболат подсчитал, что при нынешних затратах и ценах, даже в хороший год ферма была слишком мала для семьи из шести человек, чтобы жить на доходы от нее без других источников заработка: *«200 долларов США в месяц за год тяжелой работы в хороший год — и на том спасибо»*. Доходы фермеров в начале хлопкового бума, были подорваны растущими производственными затратами, растущими процентными ставками по фьючерсным контрактам, более низкими ценами на хлопок и ухудшением состояния почв.

Поработав в поле, Бекболат переделался из рабочей одежды в чистую полицейскую форму для службы в патрульной службе. Его зар-

плата лейтенанта милиции, пенсия отца и некоторые денежные переводы, отправленные братом из Алматы, дополняют семейный бюджет. Как и во многих других небольших семейных фермах, сельскохозяйственный доход был лишь одним из источников прибыли. Однако для многих из них, как выразился Бекболат, хлопок все больше напоминал «дорогое хобби», которое в нынешних условиях вряд ли могут позволить себе те, кто не является хорошо обеспеченным фермером с большими земельными владениями и доступом к капиталу.

Тревоги рядовых фермеров по поводу будущего своих ферм несколько смягчаются последними правительственными субсидиями сельского хозяйства и инвестициями в сельские районы. Эти меры, однако, не решают конкретных проблем мелких фермеров, таких, как выиграть время для того, чтобы приспособиться к будущему, в котором крупномасштабное сельское хозяйство может снова стать доминирующим. Поскольку перспектива найти более высокооплачиваемую работу в городе привлекает сельскую молодежь больше, чем работа на ферме, Бекболат также представляет, что будущее для некоторых из его детей будет заключаться в том, чтобы уехать учиться

Рисунок 3. Фермер и его внук. Мактаарал, (сентябрь 2017).

и найти работу в большом городе. Как бы то ни было, он надеется, что семейная ферма каким-то образом будет продолжать свое существование. Несмотря на то, что уровень жизни в сельской местности отстает от уровня жизни и зарплат в городах, несмотря на неопределенные перспективы его фермы, Бекболат положительно относился к политике правительства. В своей деревне он указал на отремонтированную школу, недавно проложенную дорогу, близлежащий медицинский центр и, наконец, на свою собственную полицейскую форму, как на примеры того, «что правительство делает для нас», то есть для «класса» мелких фермеров, подобных тем, что изображены на Рисунке 3.

Будущее сельского хозяйства в Центральной Азии и «хлопковых оазисов» в Мактаарале

В настоящее время правительства стран Центральной Азии сталкиваются с дилеммой: либо взять на себя дорогостоящие и сложные мелиоративные работы, либо отказаться от ценных земель и обречь себя на определенный упадок и деградацию, что усугубит социальные проблемы. В местном восприятии, правительство «унаследовало» ответственность за сложные проблемы, созданные советской политикой и стандартами (*Dubuisson 2020, 10*) и обязано противостоять им. Сельские жители имеют ожидания в отношении занятости и уровня жизни, факторы, которые в советский период компенсировали гражданам негативные последствия коллективного сельского хозяйства и укрепили их молчаливое согласие с мандатной экономической политикой, проводимой сверху вниз (*Wheeler 2018*). После прекращения коллективного земледелия для многих вновь созданных мелких семейных хозяйств введение частной собственности на землю является неадекватной, если не иллюзорной, заменой утраты прежних прав и гарантий, тем более что деградация земель все больше подрывает потенциал получения прибыли на их частной земле. По этим причинам в «хлопковых оазисах» Центральной Азии деградация земель представляет угрозу сложившейся аграрной структуре, как для правительств, так и для простых фермеров. В то время как первые должны пересмотреть условия «хлопковой сделки» советской эпохи (повышение приемлемости монокультуры хлопка, навязанной сверху вниз через политику перераспределения и социального обеспечения) и не находят простого решения, вторые сталкиваются с ускользающей возможностью зарабатывать на жизнь сельским хозяйством.

В случае с самым известным «хлопковым оазисом» Казахстана сельскохозяйственное производство становится более диверсифицированным и переориентированным на более эффективные крупные фермерские хозяйства и кооперативы, поддерживаемые государственными ирригационными и дренажными службами. Однако, поскольку бремя, вызванное деградацией земель, неравномерно ложится на сельскохозяйственных производителей, государственная политика не в состоянии примирить вопросы экологической справедливости с экономической эффективностью (Agyeman et al. 2003). Недавняя социальная и экономическая реструктуризация носила несбалансированный характер: предпочтение отдавалось крупным фермерским хозяйствам, а также формировало терпимое отношение к экономическому поведению, которое не способствовало устойчивому землепользованию (особенно среди мелких фермеров).

В «хлопковых оазисах», таких как Мактаарал, приватизация и деградация окружающей среды углубили ранее существовавшие разногласия. Нам еще предстоит увидеть, как в Мактаарале, так и в других районах Центральной Азии, справится ли государственная политика с неравенством через интеграцию «мелких» фермеров в эффективные кооперативы, или через реформирование структуры сельского хозяйства. Станут ли мелкие хозяйства экономически обоснованными и экологически устойчивыми, или же политика просто закрепит или даже усилит существующее неравенство, поскольку арендованная земля превращается в товарную собственность. Решение этих вопросов, связанных с собственностью на землю, экологической справедливостью и устойчивостью, находится на горизонте будущего орошаемого земледелия Центральной Азии¹²¹ (Перевод с англ. Алины Бейсеновой).

Библиография / References:

Andrianov, Boris. (2016). In S. Mantellini (Ed.), *Ancient irrigation system of the Aral Sea area: The history, origin and development of irrigated agriculture*. Oxford: Oxbow.

Agyeman, Julian, Robert Bullard, & Bob Evans. (2003). Introduction: Joined-up thinking: Bringing together sustainability, environmental justice, and equity. In J. Agyeman, R. D. Bullard, & B. Evans (Eds.), *Just sustainabilities: Development in an unequal world* (pp. 1-18). London: Earthscan/MIT Press.

Babaev, Agajan. (1999). *Desert problems and desertification in Central Asia*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag.

Bichsel, Christine. (2012). "The drought does not cause fear": Irrigation history in Central Asia. *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*, 43(1-2), 73-108.

Djanibekov, Utkur, Grace Villamor, Klara Dzhakypbekova, James Chamberlain, & Xu Jianchu. (2016). Adoption of sustainable land uses in post-Soviet Central Asia: The case for agroforestry. *Sustainability*, 8(1030). <https://doi.org/10.3390/su8101030>

Dosbiev, D. (2007). The dark side of white gold in South Kazakhstan. In D. Kandiyoti (Ed.), *The cotton sector in Central Asia: Economic policy and development challenges* (pp. 133-137). London: University of London, SOAS.

Dosbieva, O. (2007). Kazakhstan's cotton market. In D. Kandiyoti (Ed.), *The cotton sector in Central Asia: Economic policy and development challenges* (pp. 129-132). London: University of London, SOAS.

Dubuisson, Eva-Marie. (2020). Whose world? Discourses of protection for land, environment, and natural resources in Kazakhstan. *Problems of Post-Communism*, 69(4-5). <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1788398>

Dudwick, Nora, Karin Fock, & David Sedik. (Eds.). (2007). *Land reform and farm restructuring in transition countries: The experience of Bulgaria, Moldova, Azerbaijan and Kazakhstan*. Washington, DC: World Bank. (World Bank Working Paper No. 104).

Dzhumashev, Askar, Olaf Guenther, & Thomas Loy. (Eds.). (2013). *Aral histories: Geschichte und Erinnerung im Delta des Amudarya*. Reichert: Wiesbaden.

Elie, Marc. (2015). Formulating the global environment: Soviet soil scientists and the international desertification discussion, 1968-91. *The Slavonic and East European Review*, 93(1), 181-204.

Fusco, Idamaria, & Desiree Quagliarotti. (2016). A transdisciplinary history of the disappearance of the Aral Sea. *Global Environment*, 9(2), 296-341.

Giordano, Christian, & Dobrinka Kostova. (2002). The social production of mistrust. In C. Hann (Ed.), *Postsocialism: Ideals, ideologies and practices in Eurasia* (pp. 74-92). London: Routledge.

Gleason, Gregory. (1983). The Pakhta Programme: The politics of sowing cotton in Uzbekistan. *Central Asian Survey*, 2(2), 109-120.

Hann, Chris, & the Property Relations Group. (2003). *The postsocialist agrarian question: Property relations and the rural condition*. Münster: LIT Verlag.

Hofman, Irna. (2019). *Cotton, control, and continuity in disguise: The political economy of agrarian transformation in lowland Tajikistan* [Dissertation]. University of Leiden.

Kandiyoti, Deniz. (2003). The cry for land: Agrarian reform, gender and land rights in Uzbekistan. *Journal of Agrarian Change*, 3(1-2), 225-256.

Lampland, Martha. (2002). The advantages of being collectivized: Cooperative farm managers in the postsocialist economy. In C. Hann (Ed.), *Postsocialism: Ideals, ideologies and practices in Eurasia* (pp. 31-56). London: Routledge.

Lamers, John, & Christopher Martius. (2016). Central Asia: Separating facts from fiction. In E. Freedman & M. Neuzil (Eds.), *Environmental crises in Central Asia: From steppes to seas, from deserts to glaciers* (pp. 67-77). London: Routledge.

Lerman, Zvi, Csaba Csaki, & Gershon Feder. (Eds.). (2004). *Agriculture in transition: Land policies and evolving farm structures in post-Soviet countries*. Lanham, MD: Lexington Books.

Lerman, Zvi. (2013). Structure and performance of agriculture in Central Asia (Discussion Paper No. 8.13). *Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem*.

Matley, Ian. (1970). The Golodnaya Steppe: A Russian irrigation venture in Central Asia. *Geographical Review*, 60(3), 328-346.

Mirzabaev, Alisher, Jann Goedecke, Olena Dubovyk, Utkur Djanibekov, Quang Le, & Aden Aw-Hassan. (2016). Economics of land degradation in Central Asia. In E. Nkonya, A. Mirzabaev, & J. von Braun (Eds.), *Economics of land degradation and improvement — A global assessment for sustainable developments* (pp. 261-290). Springer.

Mohai, Paul, David Pellow, & J. Timmons-Roberts. (2009). Environmental justice. *Annual Review of Environment and Resources*, 34, 405-430.

Nazpary, Joma. (2001). *Post-Soviet chaos*. London: Pluto Press.

Obertreis, Julia. (2017). *Imperial desert dreams: Cotton growing and irrigation in Central Asia, 1860-1991*. Göttingen: V&R Unipress.

Petrack, Martin, Dauren Oshakbayev, Regina Taitukova, & Nodir Djanibekov. (2017). The return of the regulator: Kazakhstan's cotton sector reforms since independence. *Central Asian Survey*, 36(4), 430-452.

Roy, Olivier. (1999). Kolkhoz and civil society in the independent states of Central Asia. In M. Holt Ruffin & D. Waugh (Eds.), *Civil society in Central Asia* (pp. 109-121). Seattle and London: University of Washington Press.

Rumer, Boris. (1991). Central Asia's cotton economy and its costs. In W. Fierman (Ed.), *Central Asia: The failed transformation* (pp. 62-89). Boulder, CO: Westview.

Rasanayagam, Johan. (2011). Informal economy, informal state: The case of Uzbekistan. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 31(11/12), 681-696.

Shainberg, Isaac, & Joseph Shalhevet. (Eds.). (1984). *Soil salinity under irrigation: Processes and management*. Berlin: Springer-Verlag.

Spoor, Max. (1999). Agrarian transition in former Soviet Central Asia: A comparative study of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan (Working Paper No. 298). The Hague: Institute of Social Studies.

Spoor, Max. (Ed.). (2009). *The political economy of rural livelihoods in transition economies*. London and New York: Routledge.

Teichmann, Christian. (2016). *Macht der Unordnung: Stalins Herrschaft in Zentralasien 1920-1950*. Hamburg: Verlag des Hamburger Instituts für Sozialforschung.

Thurman, Michael. (1999). The "command-administrative system" in cotton farming in Uzbekistan 1920s to present (Papers on Inner Asia No. 32). Bloomington: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies.

Toleubayev, Kazbek, Kees Jansen, & Arnold van Huis. (2010). Knowledge and agrarian decollectivisation in Kazakhstan. *The Journal of Peasant Studies*, 37(2), 353-377. <https://doi.org/10.1080/03066151003595069>

Trevisani, Tommaso. (2011). *Land and power in Khorezm: Farmers, communities and the state in Uzbekistan's decollectivisation*. Berlin: LIT Verlag.

Verdery, Katherine. (1996). *What was socialism, and what comes next*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Weinthal, Erika, & Kate Watters. (2010). Transnational environmental activism in Central Asia: The coupling of domestic law and international conventions. *Environmental Politics*, 19(5), 782-807.

Wheeler, William. (2021). *Environment and post-Soviet transformation in Kazakhstan's Aral Sea region: Sea changes*. London: UCL Press.

Wheeler, William. (2018). Mitigating disaster: The Aral Sea and (post-)Soviet property. *Global Environment*, 11, 346-376.

Wooden, Amanda. (2018). "Much wealth is hidden in her bosom": Echoes of Soviet development in gold extraction and resistance in Kyrgyzstan. *Ab Imperio*, 2/2018, 145-168.

Wegerich, Kai. (2010). *Handing over the sunset: External factors influencing the establishment of water user associations in Uzbekistan: Evidence from Khorezm Province*. Göttingen: Cuvillier.

Zanca, Russell. (2011). *Life in an Uzbek Muslim village: Cotton farming after communism*. Belmont: Wadsworth.

Боровский, В. М. (1982). *Формирование засоленных почв и галогеохимические провинции Казахстана*. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР.

— Borovskiy, Vladimir. (1982). *Formirovanie zasolenykh pochv i galogeokhimicheskie provintsii Kazakhstana*. Alma-Ata: Akademiya Nauk Kazakhskoy SSR.

Мороз, И. Р. (1993). *Улучшение засоленных земель*. Алма-Ата: Кайнар.

— Moroz, I. R. (1993). *Uluchshenie zasolenykh zemel'*. Alma-Ata: Kaynar.

Отаров, А. (2017). *Использование ГИС-технологий и данных ДЗЗ для оценки деградации орошаемых почв южных областей Казахстана*. Алматы: Казахский научно-исследовательский институт почвоведения и агрохимии имени У.У.Успанова.

— Otarov, A. (2017). *Ispol'zovanie GIS tekhnologiy i dannykh DZZ dlya otsenki degradatsii oroshaemykh pochv yuzhnykh oblastey Kazakhstana*. Almaty: U.U.Uspanov Kazakh Research Institute of Soil Science and Agrochemistry.

Прилуцкая, Х. (2017). Сюжеты из истории борьбы с вторичным засолением почвы Голодной степи. *В материалах научно-практической конференции «Человек в истории: Источники о научно-технической интеллигенции Казахстана. 1920-1950»* (стр. 105-113). Алматы.

— Prilutskaya, X. (2017). *Siuzhety iz istorii bor'by s vtorichnym zasoleniem pochv Golodnoy stepi. In Materials of the Scientific-Practical Conference 'A man in history: Sources about scientific and technical intellectuals of Kazakhstan. 1920-1950' (pp. 105-113)*. Almaty.

Примечания

[1] Перевод выполнен Алиной Бейсеновой с английского языка по публикации: Trevisani, T. (2023). Who Owns the (good) land?: Cotton farming, land ownership and salinised soils in southern Central Asia. In *The Central Asian World* (pp. 465-481). Abigdon, London: Routledge.

[2] Почти 60 процентов всего населения Центральной Азии проживает в сельской местности, но только 25 процентов общей площади занимают пахотные земли, большая часть которых орошается в полузасушливых климатических условиях. В отличие от малонаселенной степной зоны, в орошаемых оазисах плотность населения высока, а соотношение пахотных земель на одного сельского жителя по стране колеблется от 0,2 до 0,5 га, а доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте высока (*Lerman 2013*).

[3] В советском «хлопковом поясе» (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Южный Казахстан) площадь, возделываемая хлопком, увеличилась с 441 600 гектаров в 1913 году до примерно 2 миллионов гектаров в 1980 году, в то время как производство хлопка достигло более 5 миллионов тонн в 1980 году, что в десять раз больше, чем в 1913 году (*Spoor 2009, 141*).

[4] Некоторые из негативных последствий советской хлопковой политики включают в себя разрушение окружающей среды. (*Rumer 1991; Fusco and Quagliarotti 2016*), неэффективные и испытывающие дефицит коллективные сельскохозяйственные хозяйства (*Lerman et al. 2004*) и проблемы со здоровьем, вызванные чрезмерным использованием пестицидов (*Fusco and Quagliarotti 2016, 328*), не говоря уже о принудительном труде и депортациях, с которыми сталкиваются миллионы людей (*Teichmann 2016*).

[5] В масштабах региона вызванное орошением (т.е. вторичное) засоление почв является следствием сочетания повышения уровня грунтовых вод, низкого качества воды, неблагоприятных климатических факторов, неадекватной инфраструктуры и плохого управления водными ресурсами (*cp. Shainberg and Shalnev 1984; Бабаев 1999*). Интенсивная эксплуатация почв, испарение и использование (умеренно) засоленной воды для орошения привели к повышению уровня засоления почвы и грунтовых вод. Высокий уровень грунтовых вод влияет на выращивание, когда они достигают корней растений, препятствуя их росту и урожаю. Грунтовые воды поднимаются, когда вода не отводится должным образом от полей после орошения. Это происходит, когда вода просачивается из оросительных каналов, что имеет место, когда они не заасфальтированы, или когда чрезмерное количество воды поступает на поля, что происходит при заболачивании и вымывании почвы (*cp. Lamers and Martius 2016, 70-72*).

[6] Например, в районе бывшего Аральского моря (*Джумашев и др. 2013; Wheeler 2021*).

[7] В 2016 году в Мактааральском районе Казахстана насчитывалось 144 575 га орошаемых земель с населением 305 000 человек (*источник: Мактааральский районный отдел сельского хозяйства*).

[8] В Мактаарале это были в основном люди славянского и европейского происхождения, прибыли в советский период. Славянские и европейские народности массово покинули страну после распада СССР. В 2016 году таджики (25 258 человек) и узбеки (11 586 человек) были самыми распространенными национальностями после казахов (253 942 человека), в то время как русские, немцы и представители других национальностей почти не были представлены в переписи. Источник: Агентство Республики Казахстан по стратегическому планированию и реформам. Бюро национальной статистики, 2016. «Численность населения Кызылординской области по отдельным этносам на начало 2016 года» <http://stat.gov.kz/>.

[9] Подробное описание аналогичного результата деколлективизации в Узбекистане см. Тревизани (2011).

[10] См.: Казахстан: Правительство признало поражение из-за планов продажи земли, <http://www.eurasianet.org/node/78651>, дата обращения: 15 мая 2016.

[11] Закупка семян, удобрений и пестицидов, а также аренда техники для посева, вспашка и выравнивание были самыми дорогими статьями в течение вегетационного периода. Для сравнения, земельный налог, налог на прибыль и потребление воды весят не так сильно.

[12] Исследование для данной статьи было выполнено в рамках финансируемого DFG SFB923 проекта «Угрожаемые заказы» в Университете Тийбингена, а также в сотрудничестве с *IAMO Agrichange Project* (Галле, Германия). Благодарность *Ироде Аминовой, Сауле Буркитбаевой и Инкар Саудамбековой* за сотрудничество с выездами на места в 2016 и 2017 годах в Мактааральский район; В первоначальном переводе на английский помогли *Айбек Самаков и Ксения Прилуцкая*.